

РОДОСЛОВИЕ КНЯЗЕЙ ДРЕВНЕРУССКИХ до ВЛАДИМИРА

Г. М. Филист

ИСТОРИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЙ» СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО

МИНСК "БЕЛАРУСЬ" 1990

ББК 86.37

Ф 53

0403000000—049

Ф — БЗ 37—90

М 301(03)—90

ISBN 5-338-00 709-6

© Г. М. Филист, 1990

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Об источниках, достойных доверия,
и очень полезная для тех,
кто самостоятельно изучает историю*

История не всегда справедлива к своим героям. Одни из них были раз и навсегда возвышены, подняты на пьедесталы и прославлены, другие — оклеветаны и заклеяны. Мы сейчас прекрасно осведомлены, что госпожа История всегда писалась лицами, которые питались со стола правителей, отдельных деятелей и политических партий. И тем не менее, только сегодня начали переосмысливать ее глубины, к сожалению, пока лишь послеоктябрьские годы. В переосмыслении же нуждается она вся, от времен Киевской Руси, так как события X — XI вв. не менее противоречивы. С одной стороны представлены венценосная Ольга, Святой Владимир, Ярослав Мудрый, с другой — Олег Вещий, Святополк Окаянный, Всеслав Чародей, а в центре — невинные жертвы: Улеб, Олег, Ярополк, Борис, Глеб и т. д. Искусственность исторических построений очевидна, но что-то держит нас в старых рамках. Возможно, это равнодушие, спящее национальное сознание, а может быть — результат извечного поклонения авторитетам.

Ныне ситуация изменилась. Сняты оковы однозначности, отброшены шоры, мешавшие видеть широкую панораму политических событий. История впервые пошла навстречу своим исследователям и призвала их стать адвокатами Истины. Обратимся и мы к отдаленному периоду истории Киевской Руси и приступим к решению конкретной задачи — исторической реабилитации Святополка Окаянного.

Мы не собираемся делать из него героя. Он человек своего времени и ничем не отличается от своих братьев — сыновей известного князя Владимира Святославовича. Лишь предание наделяет его чертами дьявола, приписывает действия, преступления, которые тысячу лет служили неопровержимыми аргументами в доказательствах его «вины». Исследование этой проблемы возможно только в контексте основных событий того времени.

Итак, конец X — начало XI в. Продолжается формирование древнерусской государственности. Укреп-

ляются торговые и дипломатические отношения с соседними государствами, создается государственный аппарат, внедряется новая религиозная система, идет борьба за присоединение к Киеву восточнославянских земель. Все эти преобразования связаны с именем великого князя Владимира¹. Самыми яркими эпитетами наделяет его летописец в начальный период христианизации Руси. Но уже через десять лет тускнеют краски, все реже упоминается его имя, а последние семнадцать лет княжения Владимира остались вовсе вне внимания летописцев.

Мы привели этот пример не ради критики первоначального летописца, а с целью обратить внимание читателя на тот факт, что именно тогда закладывались основы будущих противоречий, что еще при жизни Владимира они приняли специфическую направленность, и, вероятно, только ради сохранения радужной картины летописец не назвал все своими именами. Между тем отсутствие достоверных данных породило сотни и тысячи догадок о подлинных событиях того времени, но все гипотезы о мотивах поступков исторических деятелей ограничивались нравственными проблемами. Подобный подход характерен и для работ, посвященных борьбе Святополка и Ярослава. Поэтому остались открытыми вопросы: каковы ее подлинные причины? кто и почему убил Бориса и Глеба? кому было выгодно свалить всю вину на Святополка? кто такой Святополк?

Ответ на них не прост, и прежде всего потому, что дошедшие до нас источники подсказывают только одну причину — разногласия между наследниками. Подобная тенденциозность и однобокость предопределили ход всех дальнейших исторических исследований, в которых разнообразные внутри- и внешнеполитические коллизии истории остались в стороне даже в трудах классиков русской исторической науки. И еще одну особенность важно отметить: слепое доверие древним источникам, особенно русским, и использование иноземных только для утверждения отечественных.

В русской исторической науке в целом были достигнуты величайшие вершины: покоряет монументальность мышления и занимательность изложения в работах Н. М. Карамзина², глубина и содержательность разработок С. М. Соловьева³, гениальность В. О. Ключевского⁴. Вместе с тем, в силу отмеченных особенностей, для их работ характерна шаткость реконструкций,

исключение из анализа важных исторических проблем.

Если русские историки разных времен вели настойчивый, пусть и ограниченный определенными рамками поиск путей изучения проблемы, то историки церкви всеми силами стремились сохранить летописную концепцию событий, прилагали массу усилий для дальнейшей фальсификации роли Святополка. От Макария⁵ до Е. Е. Голубинского⁶ и В. З. Завитневича⁷ сохранялась традиция: на «преступлениях» Святополка пробовать и оттачивать перо злословия. Лишь П. Голубовский отошел от историографических традиций и оценил весьма оригинально деятельность Святополка, отметив, что он «человек, с точки зрения нравственной и христианской, пожалуй «окаянный», но с государственно-централизационной — умный и энергетический»⁸.

В советской историографии в основном повторялась концепция виновности Святополка, разработанная в трудах классиков русской истории. Исключением являются лишь работы Н. Н. Ильина⁹ и А. С. Хорошева¹⁰, в которых решение проблемы связывается не столько с междоусобной борьбой, сколько с внутривнутриполитическими процессами в стране. Они вплотную подошли к исследованию причин ломки социальных и нравственных отношений, вызванных введением христианства, проанализировали деятельность различных политических группировок.

Мы считаем, что события 1015—1019 годов должны рассматриваться в тесной связи с процессом христианизации Древней Руси, обострившим противоречия между населением земель и центром. Поэтому было бы интересно выяснить: как участвовали в этом процессе наши герои? каково было отношение сыновей-посадников* князя Владимира.

Представляется, что мы сможем понять подлинные причины междоусобной борьбы, если наряду с социально-экономическими особенностями развития Руси в этот период исследуем проблемы христианизации и отношение к ним различных социальных слоев населения. Полученные результаты послужат основой для политической реабилитации некоторых сыновей Владимира. Такова цель нашего небольшого исследования.

---

* Посадник, наместник, князь — так называют первые русские историки сына князя Владимира, направленного для управления окраинным княжеством.

Но не будем больше занимать внимание читателя обещаниями, посулами, комментированием работ, а дадим слово Летописцу.

Он мог бы нам сказать, что русские летописи составлены на основе ряда предшествующих греко-византийских и немецко-римских источников, ветхозаветных текстов, ходивших в народе преданий и хронологических сведений, из погодников и княжеских архивов.

В статье 980 года летописец сообщает, что после захвата киевского стола и убийства брата Ярополка «Владимир стал жить с женой своего брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, жил с ней Владимир не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополк отец его, что он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира» (ПВЛ*. Ч. 1. С. 253).

«От греховного корня зол плод бывает». С этого утверждения начинается летописец биографию Святополка. Продолжим ее по «Повести временных лет». Предлагая читателю избранные нами места из летописи, попытаемся начать совместную работу по их анализу. Однако сложившуюся историческую ситуацию и роль Святополка в событиях 1015—1019 годов нельзя понять без параллельного изучения деятельности его брата Ярослава. Поэтому приведем отрывок из жизни последнего.

«В год 1014. Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого [перестал давать с 1014 года] в Киев отцу своему. И сказал Владимир: "Расчищайте пути и мостите мосты", ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.

В год 1015. Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но бог не дал дьяволу радости (подчеркнуто нами. — Г. Ф.). Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем печенеги пошли походом на Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер 15 июля. Умер он на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили его (в церкви) святой Богородицы,

---

* Здесь и далее ПВЛ — Повесть временных лет. М.; Л., 1950.

которую сам когда-то построил» (ПВЛ. Ч. 1. С. 288). Пропускаем текст, где воздается хвала Владимиру за введение христианства, и переходим к цитированию преступлений Святополка.

Об убийстве Бориса. «Святополк сел в Киеве по смерти отца своего и созвал киевлян и стал давать им подарки. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: "Отец у тебя умер". И плакался по отце горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: "Вот у тебя отцовская дружина и войско; пойдя, сядь в Киеве на отцовском столе". Он же отвечал: "Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот у меня будет вместо отца". Услышав это, воины разошлись от него. Остался Борис с несколькими отроками. Между тем Святополк задумал незаконное дело, воспринял мысль кайнову и послал сказать Борису: "Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к тому владению, которое ты получил от отца", но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: "Преданы ли вы мне всем сердцем?" Отвечали же Путша с вышгородцами: "Согласны головы свои сложить за тебя". Тогда он сказал им: "Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса". Те же обещали ему немедленно исполнить это. О таких сказал Соломон: "Спешат они на пролитие крови... без правды. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастия. Таковы пути всех совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу". Посланные же пришли на Альто ночью, и, когда подступили ближе, то услышали, что Борис поет заутреню: так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его..." Борис молится и поет по очереди шестопсалмие, псалмы, канон и вновь молится. «И, помолившись богу, возлег на постель свою. И вот напали на него как звери дикие из-за шатра, и просунули в него копья и пронзили Бориса, а вместе с ним пронзили слугу его, который, защищая, прикрыл его своим телом. Ибо он был любимец Бориса. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий, Борис его сильно любил и возложил он на него гривну золотую большую, в которой он служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса... Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положили на телегу и повезли, а он еще дышал. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те пришли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа бога, сравнившись с пророками и апостолами,

пребывая с сонмом мучеников, почивая на лоне Аириамма, видя неизреченную радость, распевая с ангелами и исцелясь со святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалу возымев от людей, беззаконники. Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана...»

Дальше идет лирическое отступление о роли бесов и ангелов в жизни людей, доказываясь, что только крест может избавить злых людей.

«Святополк же окаянный стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?». И, замыслив каиново дело, послал, обманывая, посла к Глебу со следующими словами: "Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен". Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушен отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле конь запнулся его о яму и повредил себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне в насаде. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу об отцовской смерти, и послал Ярослав сказать Глебу: "Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком". Услышав это, Глеб громко возопил со слезами, плача по отце, но еще больше по брате и стал молиться со слезами... И, когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И тут вдруг захватили посланные Святополком корабль Глебов и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горасер, один из посланных, велел тотчас зарезать Глеба, как безвинного ягненка. Так был принесен он в жертву богу, вместо благоуханного фимиама жертва разумная, и принял венец царствия божия, войдя в небесные обители, и увидел там желанного брата своего, и радовался... Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: "Да возвратятся грешники в ад". Когда же они пришли, сказали Святополку: «Сделали приказанное тобою» (выделено нами.—Г. Ф.) Он же, услышав это, возгордился еще больше... Итак, Глеб был убит, и был брошен на берегу между двумя колодами, затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия». Далее следует здравица заступникам земли Русской, попранной врагами окаянными, требование покорить «поганных» под ноги князьям своим, избавить их от усобных войн и от искушений дьявола.

«Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал в Угры [в Венгрию]. И стал Святополк думать: "Перебью всех братьев своих и стану один владеть Русскою землею". Так думал он в гордости своей, не зная, что "бог дает власть кому хочет, ибо поставляет цезаря и князя всевышний тому, кому захочет дать"» (ПВЛ. Ч. 1. С. 294).

Итак, какой вывод можно сделать из данного отрывка летописи? Только один: Святополк — преступник, убийца, а Ярослав — орудие божьей кары и в конце концов она наступает. Летописец красочно описывает, словно смакует, предсмертные муки Святополка: «...гонимый божьим гневом... прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там кончил бесчестно жизнь свою. Праведный суд настиг его, неправедного, и после смерти принял он муки окаянного... посланная ему богом смертельная рана безжалостно кинула его смерти, и по смерти он, связанный, терпит вечные муки» (ПВЛ. Ч. 1. С. 298).

Еще один источник древнерусской литературы содержит информацию о Святополке и его времени — «Сказание о Борисе и Глебе». Современной науке известны 172 его списка. Исследуя их, а также летописи, известный советский ученый Н. Н. Ильин убедительно доказал, что один из этих списков вошел в киевский летописный свод. Важно отметить и то, что «Сказание о Борисе и Глебе» является лишь частью одного из произведений летописи — «Сказания о первоначальном распространении христианства», в котором рассказывается о введении христианства. Таким образом, история Святополка есть продолжение истории христианизации Руси. Наряду с легендами об Ольге, о выборе веры, о взятии Херсонеса и крещении Владимира, она была призвана идеологически обеспечить и затушевать очень трудный период в истории церкви — распространение христианства вширь.

«Сказание о Борисе и Глебе» составлено в Киево-Печерском монастыре не ранее 1054 и не позднее 1072 года. Есть различные предположения и о его авторе. Но был ли это Феодосий или Иаков Мних — не имеет значения, тем более, что в наши дни известно множество сказаний и житий разных авторов. Для нас важно то, что основы «Сказания» составлены в религиозном центре, который одновременно являлся и центром активной пропаганды богоугодной деятельности Ярослава Мудрого и его сына Изяслава. Мы считаем, что автор был явно заинтересован в очернении Святополка и возвышении Ярослава. Поэтому он не пожалел черных красок для Святополка. Как противник божественного правителя он был отнесен к поганым, дьявольским силам. Заметим, что варварские, темные, злые силы — это все те, кто противился не только правителям, но и христианству.

Н. Н. Ильин подчеркнул еще одну особенность деятельности монастырских писателей того времени: «Искусственность в изображении отрицательных черт Святополка выступает тем резче, что мрачная его деятельность и личность сопоставляется с кротостью и христианским всепрощением убитых братьев»¹¹. Искусственность контрастов бесспорна и особенно видна в описании ночных совещаний убийц, безжалостном повторном добивании жертв, предсмертных молитвах Бориса и Глеба, в предчувствиях ими своей смерти, в назиданиях потомкам.

Включение «Сказания»* в хрестоматийную часть работы избавляет нас от необходимости передавать его содержание, тем более что отдельные детали и сведения будут привлекаться в ходе анализа. Обратим внимание читателя лишь на некоторые его особенности: изобилие молитв для политического влияния «Сказания» на будущие поколения правителей; множество повторяемых определений, призванных убедить читателя в подлости преступника; явная надуманность многих ситуаций. Все это вместе, при отсутствии фактов, должно было усилить вину преступника.

В русской историографии шли длительные дискуссии об источниках «Сказания». В том, что это не первичный документ, описывающий преступление со слов очевидца, свидетельствует даже поверхностный анализ текста. Со всей определенностью можно сказать, что автор широко использовал Ветхий и Новый заветы, был знаком с чешской легендой о Вацлаве и Людмиле. Н. Н. Ильин справедливо считает, что автор написал «Сказание» аналогичное чешскому, и при этом строго следовал приемам агиографической литературы. Их родство проявляется как в содержании, так и в развитии основной сюжетной линии повествования¹². Это и не удивительно: между Прагой и Киевом существовали связи на самых различных уровнях.

Пусть простят нас за повтор, но необходимо еще раз отметить чрезвычайную близость структур «Сказаний» о Вацлаве и Людмиле, Борисе и Глебе: буквальное повторение событий, ночные совещания убийц, убийства в два приема, появление чудес и т. д. Подчеркивая эти заимствования, мы должны отметить, что древ-

---

* В конце работы приведен текст «Сказания о Борисе и Глебе». Текст, исследуемый Н. Н. Ильиным, нам не удалось разыскать.

нерусский автор блестяще выполнил задачу агиографа, создал оригинальное произведение древнерусской литературы, которое, с одной стороны, является историческим памятником, но, вместе с тем, исторически достоверного материала не содержит, что мы и пытаемся доказать.

Признавая величайшую значимость «Сказания о Борисе и Глебе», следует еще и еще раз подчеркнуть, что текст его не отвечает требованиям исторического источника. Поэтому для понимания Святополкового времени оно может быть использовано лишь в комплексе с другими источниками. Обвинять же автора за то, что он отбросил дорогие нам исторические реалии, нет смысла. Он выполнял внутрицерковные и внутриполитические задачи, используя нужные ему «Привилеи Моравской церкви», погодные записи, архивы княжеских дворов и жития.

Довольно узкому кругу ученых известен еще один интересный документ. После опубликования его О. И. Сенковским¹³ и М. П. Погодиным¹⁴ прошло уже больше 100 лет и он стал библиографической редкостью. Речь идет о «Сказании об Эймунде Ринговиче и Рагнаре Агнаровиче» (краткое название — «Эймундова сага»). В ней рассказывается о двух отважных скандинавских витезях, нанятых Ярославом Мудрым в Скандинавии в трудном для него 1015 году и прославившихся на Руси.

А теперь, уважаемый читатель, отвлекитесь от наших рассуждений и обратитесь к хрестоматийной части работы. Вам предоставляется возможность самостоятельно сравнить тексты обоих «Сказаний» и сопоставить их с приведенными выше выдержками из «Повести временных лет».

У вас появились вопросы? Вам хочется уточнить кое-какие моменты? Что ж, давайте продолжим нашу работу.

О. И. Сенковский, первым опубликовавший сагу у нас в стране, при ее переводе столкнулся с непривычным для русского историка вариантом изложения событий 1015—1019 годов. Здесь Ярислейф сражается с Бурислейфом, а о Святополке вообще нет речи. Уже из кулуарных бесед переводчик понял, что в таком виде сага не будет принята, ибо в истории и в общественном сознании глубоко отложилась легенда о Борисе и Глебе как союзниках Ярослава и безвинных жертвах Свято-

полка Окаянного. Поэтому в комментариях к саге он называет Бурислейфа Святополком, а затем с его легкой руки пошла гулять версия, что Бурислейф из саги — имя собирательное. Исходя из этой посылки, Сенковский в переводе записал: «Бурислейф (Святополк)» и таким образом вышел из положения.

Но этот простой и казавшийся удобным шаг проблемы не решил. Уже в советский период историографии известный ученый А. И. Лященко несколько изменил подход, уверяя, что в саге речь идет именно о Болеславе, который нанес Ярославу сокрушительное поражение¹⁵. Суть его доказательств такова: варяги, нанятые Ярославом, воевали со Святополком и Болеславом, князем польским. Святополка, слабого и безвольного, вскоре забыли, но Болеслава запомнили и назвали его Бурислейфом.

Согласиться с такими предположениями известнейших ученых мы не можем. И в сагах, и в летописях одинакова вероятность ошибок в воспроизведении имен — ни те, ни другие не писались вслед за событиями, а прошли длительный период фольклорного изложения и многоступенчатой передачи следующим поколениям. Варяги же, составители саг, прекрасно знали древнерусскую и польскую генеалогию и в переводе на свой язык лишь несколько искажали имена русских князей и их сыновей. В подтверждение нашей мысли приведем ряд имен русских князей, упоминаемых в скандинавских сагах: Вальдамар, Виссавальд, Харальд, Ярислейф, Бурислейф, Вартилаф и имя польского князя Бурицлава. Без особого труда узнаем известного князя Владимира Святославовича и его сыновей Вышеслава, Ярослава, Бориса и внука Владимира Брячислава, а также под Бурицлавом — Болеслава. В этом списке не можем точно установить, кто такой Харальд и вообще не упоминается Святополк. Отсюда не слишком смелым покажется вывод, что Святополк не был основным действующим лицом в событиях с участием варягов.

Вместе с тем варяги прекрасно знали Болеслава и не могли его ни с кем спутать. Им были известны все его подвиги. С могущественным и храбрым польским монархом спешили породниться правители многих соседних государств, в том числе и сановитые варяги. Три его дочери от первого брака вышли замуж: Гейра — за Олава, сына конунга Трюгви из рода Харальда Прек-

*Боязнь потерять первых русских святых
сдерживала развитие исторического знания.*

расноволосого; Астрид была женой ярла Сигвальди; Гунгильд — женой конунга Дании Свейна. Судьба и имена остальных пятерых, а возможно, и шестерых дочерей Болеслава, вышедших замуж за немецких, чешских и русских князей, скандинавским сагам неизвестна¹⁶.

Довольно точные сведения в этих источниках об окружении Болеслава, Владимира и Ярослава позволяют нам утверждать, что все действующие лица в саге об Эймунде названы верно. Это Ярослав и его жена Ингигерда (Ирина), Брячислав, Борис, Эймунд, Рагнар. Описываемые в саге события в последовательности изложения не расходятся с летописями, есть множество совпадений. Все это дает нам право отнести сагу к числу самых достоверных источников об изучаемом периоде истории и поставить на одно из первых мест по значимости и исторической ценности. В ней настолько просто и доступно изложены события далеких времен, что не возникает и тени сомнения в их достоверности.

Истина всегда проста и потому часто недоступна. Мы привыкли решать головоломные проблемы, но зачастую не можем определить и разрешить те, которые сами напрашиваются. Видимо потому, что не владем навыками материалистического понимания истории. Многим из нас что-то мешает перейти Рубикон, стать на новые позиции, изменить стиль мышления. Сдерживают нас в первую очередь штампы, боязнь перешагнуть дозволенное. Именно поэтому многие поколения историков, ссылаясь на политические или скрывая классовые мотивы, опасались изменять уже сложившуюся интерпретацию известных исторических сказаний.

В нашем случае боязнь потерять первых русских святых, а вместе с ними и какие-то привычные ценности, сдерживала развитие исторического знания. Страх оказаться в немилости у государыни-церкви останавливал выдающихся русских историков от новых сценок истории Киевской Руси. Н. М. Карамзин прекрасно знал «Эймундову сагу», но говорил о ней лишь в примечаниях, дабы не привлекать внимания широкого круга читателей. Не признавал он ее потому, что свято чтит первые русские летописи, был в них беспредельно и слепо влюблен. Его мнение о саге, высказанное даже в примечаниях, было решающим на протяжении полутора столетий. Поэтому сторонникам документальности саги, таким, как О. И. Сенковский, неоднократно

и в разное время доставалось в исторической литературе.

Еще раз обращаем внимание читателя на существующий парадокс: наряду с всеобщим осознанием мифичности образов Бориса и Глеба, явной тенденциозности сказаний о них, по-прежнему признается их святость, а заодно и преступность Святополка. Это связано, на наш взгляд, с особой приверженностью авторов, исследовавших исторические события X—XI вв., определенной концепции. Решить эту задачу самостоятельно и последовательно можно только в том случае, если исследователь хотя бы на время вырвется из концептуального плена, столь глубоко довлеющего над ним.

Наша предваряющая точка зрения заключается в следующем. Святополк, даже если он и совершил приписываемые ему преступления, ничем не отличался от своего деда Святослава, убившего брата-христианина Улеба (по сведениям В. Н. Татищева¹⁷), от своего отца Владимира, варварски расправившегося с братом Ярополком. Поступки Святополка тиражировались его братьями, детьми и внуками. Они были настолько обыденны, что не вызывали в других случаях удивления. Значит, существовали определенные причины, по которым на «преступлениях» Святополка акцентировалось внимание, они подавались как чрезвычайные и тем вина его усиливалась. Поэтому основная задача состоит не только в оправдании Святополка, но и в выяснении мотивов столь пристального внимания к нему.

Нас больше интересуют именно причины этого чрезмерного выпячивания. Важно выяснить: кто был заинтересован в раздувании событий? почему в древнерусских источниках царит столь завидное единодушие? кому это было выгодно? Такая постановка вопросов, думается, поможет понять негативное отношение к «инакомыслящим» источникам и, в частности, к сагам.

Зарубежные историки несколько иного мнения о скандинавских сагах и их исторической ценности. Так, известный польский историк Х. Ловмянский считает: «Известия саг об истории Руси, которые опираются на песни скальдов, заслуживают наибольшего доверия лишь в описании событий времен Владимира Святославовича, Ярослава Мудрого и до последней четверти XI в.»¹⁸. И здесь же он подчеркивает особую ценность «Эймундовой саги». Подобные оценки не редкость, но в то же время, ее никто всерьез в советской науке не

воспринимал. Лишь А. И. Лященко отмечал: «Главнейшие факты из истории борьбы Ярослава, Святополка и Брячислава переданы в саге в основном верно, за исключением нескольких недостоверных свидетельств, объясняемых желанием рассказчиков саги выделить роль Эймунда»¹⁹.

Нет смысла приводить новые доказательства сторон о верности или ошибочности источников, ибо все доводы покоятся на абсолютизации одного и неверности другого по сравнению с предпочитаемым. Обратим внимание лишь на несколько моментов, подтверждающих историчность саги и ее связь с летописным рассказом.

«Эймундова сага» и летопись передают почти идентично все основные моменты периода братоубийственной войны и предшествующие ей, ситуацию, сложившуюся на Руси после смерти Владимира.

Оба источника в одинаковой последовательности освещают почти все исторические события. Описания битв между братьями-врагами до деталей схожи, лишь имена противоборствующих героев разные. В саге не описаны только те эпизоды, в которых не участвовали варяги, несколько приукрашены подвиги, что присуще эпосу всех народов, в том числе и славянам.

Структура изложения событий, как уже отмечали, и многие детали убийства Бориса и Бурислейфа буквально повторяются, но в древнерусских летописях задание дает Святополк, а в «Эймундовой саге» — Ярислейф. К этому следует добавить, что факт службы у Ярослава варягов во главе с Эймундом никто не подвергал сомнению, он достоверен.

Таким образом, сага едва ли не единственный альтернативный летописям источник. Он почти не претерпел изменений после своего появления и оказался единственным свидетельством очевидцев, которых подозревают лишь в одном — в перепутывании имен. Существенным недостатком саги является отсутствие датировки, но он легко восполняется и проверяется другими источниками.

Некоторые сведения о Святополковом времени находим в хрониках Титмара Мерзебургского, Петра Власта, Иоанна Длугоша. Из них наиболее достоверна первая. Титмар также не был свидетелем событий, но, в отличие от других составителей хроник, был современником Святополка и Ярослава. Он состоял на службе у немецкого императора, сам иногда участвовал в боевых

действиях с Польшей и все, что происходило в польско-русских отношениях, узнавал порой из первых уст. Менее известна была ему Русь, поэтому сведения о событиях в этой стране не всегда достоверны. И все же исследователи хроники Титмара А. И. Линниченко и Ф. Я. Фортинский высоко оценивали его известия. Первый считал их достойными самого пристального внимания²⁰. Второй заметил переработку Титмаром некоторых событий в соответствии с личными симпатиями и антипатиями²¹. Дело в том, что он страшно не любил Болеслава, главного противника своего патрона — немецкого императора. Поэтому русско-польские дела, от которых он был весьма далек, по мнению Фортинского, занимают второстепенное место в его хронике, освещены порой тенденциозно.

В хронике отражены события 1013—1018 годов, т. е. до смерти Титмара. Но интересно то, что в ней совершенно отсутствуют сведения о гибели Бориса и Глеба. О причинах можно только догадываться: либо Титмар не знал о случившемся, либо все произошло после его смерти. Другое предположить трудно, так как Титмар был прекрасно осведомлен о междоусобной борьбе братьев, и не только по участию Болеслава в этой борьбе. Почему же он не упоминает о смерти Бориса и Глеба? Можно с уверенностью сказать: если бы Титмар прожил еще год, мы бы узнали из его хроники совершенно иные известия, определившие развязку событий на Руси. Их отсутствие привело к тому, что сообщениям древнерусских летописей нет альтернативы, кроме известий «Эймундовой саги». Мы не знаем перевода хроники Титмара на русский язык, не имели возможности прочитать ее текст даже на немецком. Поэтому при анализе содержащихся в ней сведений о Руси опирались на работы А. И. Линниченко и Ф. Я. Фортинского.

Хроники Галла Анонима, Кадлубека, Петра Власта, И. Длугоша содержат определенные сведения по изучаемому периоду, но все они, за исключением первой, настолько компилятивны, что особой значимости для решения нашей проблемы не имеют.

В хронике Галла весьма кратко описываются события до Болеслава III Кривоустого. Но даже в этих сведениях заметна явная тенденциозность в отношении к его предшественникам — Болеславу I Храброму и Болеславу Смелому. В их деятельности, на основе народ-

ных преданий, автор находил великолепные примеры для подражания последующим поколениям правителей польских. Поэтому он рисует Болеслава I покорителем Руси, говорит о превращении ее в вассальное государство, чего на самом деле не было.

Завершая обзор древних источников о событиях 1013—1019 годов, необходимо отметить, что только их комплексный анализ позволяет выйти за рамки известного ранее понимания проблемы.

Работы ряда советских ученых мы специально не анализируем, они будут привлечены в ходе исследования, их точки зрения в основном будут указаны во второй главе.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*где автор ставит все новые проблемы
и всячески уклоняется от их решения*

Прежде всего нам необходимо выяснить: кто такой Святополк? Вопрос на первый взгляд наивен, история как будто уже давно ответила на него. Но давайте начнем самостоятельный анализ, отрешившись от сведений летописи и даже учебных пособий.

Междоусобная борьба зачастую объясняется и оправдывается правом и преимуществом наследования. Поэтому следует выяснить очередность появления на свет сыновей Владимира, количество и очередность его браков. Для этого обратимся к «Эймундовой саге», хронике Титмара, к Лаврентьевской и Новгородской, Троицкой и белорусским летописям, к «Сказанию о Борисе и Глебе». Прибегнем также к помощи В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, Екатерины II, В. О. Ключевского, С. М. Соловьева.

На основе данных всех источников была создана громоздкая таблица противоречивых сведений как о количестве жен князя Владимира (от четырех до восьми; причем большинство источников не знает их имен, а называют чешкой, болгаркой, гречанкой), так и о количестве сыновей (от трех до четырнадцати).

С. М. Соловьев называет первой «чехиню», на которой Владимир женился в 18 лет, и тут же вспоминает, что он мог быть в это время в Скандинавии. Исследователь так и оставляет свою загадку неразрешенной и удивляется: «Откуда взялась чехиня на севере?»¹. Возможно, прав В. Н. Татищев, который числит среди жен князя Олаву, мать старшего сына Вышеслава².

В других источниках и работах упоминаются: скандинавка Олава — Аллогия — Адлогия, полочанка Рогнеда, богемка Мальфреда, чехиня Адиль, болгарка Милолика, грекия Предлава, византийка Анна и даже неизвестная дочь германского императора, на которой он якобы женился после смерти Анны (1011 год).

Еще более значительные расхождения в определении количества сыновей. В скандинавских сагах разного времени указываются Виссавальд, Харальд, Ярислейф, Бурислейф. Составители «Эймундовой саги» ошибочно

считают сыном Владимира его внука Брячислава (Вартилафа). Титмар Мерзебургский называет трех сыновей, но не знает их имен. Очевидно, ему был известен факт наделения Владимиром трех старших сыновей землями — Новгородской, Полоцкой, Туровской и на этом основано его утверждение об их количестве.

«Сказание», Никифоровская летопись, В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин называют десять, С. М. Соловьев — 11, Новгородский и Киевский своды — 12, а родословие Екатерины II включает 13 сыновей: Вышеслава, Изяслава, Всеволода, Вячеслава, Мстислава, Станислава, Бориса, Глеба, Судислава, Позвизда, Святополка, Ярослава, Святослава³. Кроме того, в Ипатьевской летописи упоминается и Олег.

Заметим, что ни в одном из привлеченных источников, кроме списка Екатерины II, не упоминается Вячеслав. Зная, что родословие царицы составляла группа талантливых историков того времени, можно предположить, что они сделали выборку из всех известных тогда источников. Есть предположения, что некоторые имена повторены дважды, так как сыновья могли иметь по два имени, полученные при рождении и при крещении. Но, вместе с тем, в большинстве списков отсутствуют имена Станислава, Судислава, Позвизда, Всеволода и Вячеслава, а в некоторых они не значатся в числе посадников.

Пришло время проанализировать и процедуру раздачи посадничества, выяснить цели и принципы направления сыновей в княжества.

Придя к власти, Владимир обнаружил преобладание децентрализаторских тенденций на Руси. Из летописей следует, что первые годы правления он буквально мечется по стране: в 981 году отвоевал у Польши или Чехии [точно неизвестно] Червенские земли и в том же году покорил вятичей, но на следующий год они вновь восстали. В 983 году овладел Берестьем и подчинил ятвягов, в 984 — радимичей и столкнулся с болгарами. Вместе с тем, мы прекрасно помним, что до перечисленных событий он завоевал полоцкие, смоленские земли и сам Киев. Однако сил на удержание отпадающих земель не хватало, единство Руси можно было сохранить только глубокими и серьезными преобразованиями. Из нововведений Владимира выделим вначале две гениальные задумки реформатора:

— попытка проведения первой религиозной рефор-

мы, в ходе которой Владимир создает единый жреческий аппарат с централизованным управлением, свозит в Киев племенных богов и устанавливает их на холме у своего дворца;

— административная реформа. Он ликвидирует большинство княжеств и в первую очередь тех, где сильны децентрализаторские тенденции, превращает их в посадничества во главе с сыновьями. Причем старшие направлялись в наиболее значимые земли⁴.

Все летописи почти единодушно сообщают: Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава в Полоцк, Святополка в Туров (в иных указан Пинск), Ярослава в Ростов. В ряде источников есть разночтения, но они скорее связаны с ошибками летописцев или переписчиков старинных списков. Так, в Супрасльской летописи дважды повторено имя Святослава, иногда дважды упоминается Мстислав⁵.

Однако не все исследователи доверяли этой части летописи и на то есть серьезные основания. Создается впечатление, что не Владимир, а летописец расписывал сыновей по известным ему городам, так как княжеств было меньше, чем сыновей.

В. А. Пархоменко считал распределение земель вообще надуманным: «Рассказ о посадении Владимиром своих сыновей в разных городах связан с комбинированным легендарно-эпическим сказанием о женах и наложницах Владимира и о двенадцати сыновьях Владимира»⁶. И в определенной мере исследователь прав. Он использует общепризнанное положение, что количество «водимых» жен и наложниц придумано летописцами для доказательства, что славянин Владимир был язычнее самого Соломона из Ветхого завета. Следует согласиться, что число жен, а соответственно, и сыновей завышено, но пока неизвестно насколько.

Мы считаем, что первая часть сообщения о посылке сыновей в главные четыре центра достоверна. Киев он оставил за собой. Но нельзя сказать о полном единодушии и всеобщем признании указанного факта.

Итак, Русь поделена между сыновьями и отцом. Важнейшие земли Руси, как казалось Владимиру, были у него в руках. Нам же важно уточнить, когда это событие произошло. Никифоровская летопись относит его к 970 году, Супрасльская — к 980, Троицкая — к 988, кое-где назван и 986 год. В то же время в летописях содержится информация о двух распределениях земель:

вначале между старшими сыновьями, а после смерти Вышеслава, примерно в 1010 году, и между остальными. Вполне возможен и такой вариант: сыновья направлялись в земли по мере взросления, а летописцы свели все к одному году.

Мы думаем, что первое распределение было до 988 года между первыми четырьмя сыновьями, упомянутыми в летописях. Если читатель заинтересуется этой проблемой, то обратит внимание, что с пятого имени во многих источниках начинаются разночтения. Многие русские историки видели в распределении земель лишь реализацию наследственного права и не более. Но это была уже традиция, при помощи которой окраинные земли привязывались к Киеву. Начало ей, вспомним, положил еще Святослав, распределив Киев Ярополку, древлянские земли Олегу, а Новгород Владимиру. На этой основе В. О. Ключевский выдвинул гипотезу о якобы уже существовавшем правиле наследования, где право на власть и землю русские князья доказывали исходя из распределения земель по праву старшего.

К этой теме обращался и С. М. Соловьев. Он также объяснял порядок распределения земель правом старшего: «Если Вышеслав был старший, то должен был родиться от первого брака Владимира в Скандинавии... Потом следует сын Рогнеды Изяслав, получивший волость деда по своей матери — Полоцк. Тотчас после брака на Рогнеде Владимир женился на вдове брата своего Ярополка, и потому рожденного от последней Святополка имели право поставить в третьих после Вышеслава и Изяслава, этот Святополк получил Туровскую волость и по смерти Вышеслава и Изяслава оставался старшим в роде... За Святополком мы должны дать место Ярославу»⁷.

Нет смысла упрекать классика русской истории в игнорировании ряда источников, которые могли раскрыть картину шире. Ему и в голову не приходило даже на минуту усомниться в истинности летописей, повествующих о двойном отцовстве Святополка. А в них легенда о насиловании жены брата Владимиром и незаконнорожденности Святополка была вписана, как мы уже отмечали, для усиления нравственных пороков князя-язычника. И у церковников были для этого якобы веские основания: они знали, что жена Ярополка после его смерти жила с детьми при дворе Владимира. Но

это всего лишь добрая традиция — содержать на иждивении семью погибшего брата. Отсюда и включение гречанки Предлавы в число «водимых» жен Владимира. Наличие такой традиции подтверждает и договор 944 года, который перечисляет племянников князя Игоря в составе посольства и указывает послов, представляющих интересы племянников (ПВЛ. Ч. 1. С. 231).

Если у Ярополка и были сыновья, то их надобно искать среди тех из 14 сыновей, которые не получили княжения. Несомненно, что у старших братьев Владимира были дети не моложе сыновей Владимира, но они не имели прав на княжение и наследование земель после своего дяди. Усыновленных племянников на Руси ожидала жизнь «изгоев», которые могли приобрести земли только при помощи оружия, а если не в состоянии были нанять дружину, то шли на службу к своим добродетелям или в соседние страны.

На этом основании и исходя из анализа упомянутых в летописях имен сыновей, которые не получили уделов, или встречаемых весьма редко, мы считаем, что Станислав, Судислав, Позвизд и Вячеслав являются не сыновьями Владимира, а племянниками, т. е. сыновьями Ярополка и Олега.

Список же сыновей Владимира, составленный по русским источникам в порядке старшинства, выглядит следующим образом: Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Мстислав, Всеволод, Святослав, Борис, Глеб. Значит, претензии Ярослава на киевский стол были незаконны. Здесь следует оговориться, что в зарубежной литературе есть примеры, где Ярослав представляется не четвертым, а шестым в списке старшинства. Мы имеем в виду родословие австрийского историка Д. Ф. Калина Мариенбургского. У него первыми, как и в русских источниках, указаны Вышеслав, Изяслав, Святополк и неожиданно для нас Борис, Святослав и Ярослав⁸. Некоторое подтверждение, правда весьма косвенное, находим у А. А. Шахматова. Он утверждал, что, согласно древнейшему своду, Борис был распределен во Владимир, а уже составитель Начального свода переместил его в Ростов, а рядом, в Муром, — неразлучного брата Глеба⁹.

Нам кажется, что более внимательное изучение приведенных материалов А. А. Шахматова и Д. Ф. Калина может выявить нечто совершенно новое в понимании всей легенды о Святополке, Борисе и Глебе. Обра-

щают на себя внимание следующие их особенности. Во-первых, Калин приводит Глеба в конце списка, а не рядом с Борисом. Шахматов убежден, что Борис и Глеб соединены искусственно, под влиянием каких-то событий. Во-вторых, если Борис четвертый сын, то он должен был получить удел при первом распределении, и Шахматов находит, что он был направлен во Владимир, в то время как в Ростов — Ярослав. В-третьих, весьма загадочно выглядит соседство в списке Святополка, Бориса и Святослава, погибших в ходе междоусобной войны 1015—1019 годов. Не будем делать скоропалительных выводов, но заметим, что появились новые условия для понимания заложенных в «Эймундовой саге» противоречий между Борисом и Ярославом. А это, в свою очередь, позволяет представить более широкий круг враждовавших братьев.

Мы обещали в заглавии в большей степени ставить проблемы и, выполняя обещанное, внимательно рассмотрим проблему: кто Святополк родом? кто его отец и мать?

Вспомним, что после 970 года Владимир оказался в Новгороде. Борьба между ним и Ярополком шла с переменным успехом и в один из периодов обострения ситуации Владимир сбежал к варягам. Древнерусские летописи почти все молчат об этом, но скандинавские саги сообщают, что он был близок со многими конунгами, принимал изгнанных из Скандинавии рыцарей, нанимал их целыми дружинами, хорошо знал нравы и обычаи варягов, жил там одно время и был женат на Адлогии (Аллогии, у В. Н. Татищева — Олава). О ней саги сообщают, что она имела дружину, не меньшую, чем у мужа, самостоятельно решала многие вопросы. Саги же сообщают, что у Владимира было три сына, но не сообщают, от какой жены¹⁰.

Судя по другим источникам, в частности, по «Родословию Екатерины II», Святополк родился у Аллогии в 975 году. Старше его в семье были Вышеслав и Изяслав. Но никак не Ярослав — он сын Рогнеды. Однако и здесь не все сходится. Известно, что он прожил 76 лет, следовательно, родился в 978 году. Летописи же сообщают, что Владимир сватался к Рогнеде в 980 году. К таким противоречиям в русских летописях надо привыкнуть, их особенно много до 1039 года. В любом случае ясно, что Ярослав был моложе Святополка.

На наш взгляд, убедительных аргументов в пользу

того, что Святополк старше Ярослава и является законным сыном Владимира, достаточно. Об этом свидетельствует известное распределение земель: Святополку доверено руководство одним из важнейших центров — Туровом. На вопрос, почему он не был переведен в Полоцк или Новгород после смерти старших братьев, будем размышлять ниже.

Нам представляется, что перечисленные жены и сыновья Владимира должны быть отнесены к трем братьям: Ярополку, Олегу и Владимиру. Многоженство Владимира — это легенда, сочиненная не только для того, чтобы показать нрав князя-язычника, но и с целью доказать греховность происхождения Святополка. В этом убеждает одновременность появления двух сюжетных линий: об изначальной греховности Святополка и беспредельной нравственной чистоте Ярослава. Доказательства порочности Святополка стали со временем тем штампом, который применялся к неудобным, в частности к Всеславу Чародею. Целенаправленная клевета в адрес Святополка является неотъемлемой частью «Сказания о распространении христианства», в котором отчетливо прослеживается отождествление зла с язычеством, а добра с христианством. Трагедия, которую мы изучаем, — это глубоко продуманное историко-драматическое произведение, в котором маски были надеты на лица действующих лиц в соответствии с их отношением к христианству. Но подробнее на этом остановимся несколько позже. А сейчас еще раз вернемся к порядку назначения сыновей Владимира в уделы.

Итак, наступило время второго распределения. В Новгород направлен из Ростова Ярослав, в Ростов якобы Борис из Муром (думаем вслед за Шахматовым, что он был и оставался во Владимире), а на его место Глеб, Святослав к древлянам, Всеволод во Владимир-Волынский, Мстислав в Тмутаракань (ПВЛ. Ч. 1. С. 282).

В нашей историографии по поводу этого распределения много разноречивых мнений. Исследователей интересовали следующие проблемы: почему Святополка как старшего не перевели в Новгород после смерти старших братьев? чем Святополк вызвал немилость Владимира?

Анализируя эту часть летописи, мы должны сказать, что распределение земель являлось значительным поли-

тическим актом. Владимир послал сыновей в указанные княжества, чтобы окончательно подчинить их Киеву и укрепить не только само государство, но и его границы. Одновременно посадник должен был содействовать проведению в этих землях второй религиозно-политической реформы — насаждать христианство. Что же касается Новгорода, то к началу XI в. там довольно сильно укрепилась прохристианская знать и она, несомненно, требовала к себе князя-единомышленника, который бы содействовал становлению христианства. Святополк не мог помогать проводить подобную реформу, ибо сам не принял христианство. Именно поэтому он не был направлен в Новгород. Мои оппоненты встретят в штыки эту посылку, но, чтобы отстоять ее, давайте проследим последующие события из жизни Святополка и выясним его политическое и мировоззренческое кредо.

Где и как проходило его детство и отрочество — неизвестно, как, впрочем, нет данных о возмужании и других сыновей Владимира. Лишь отрывочные сведения из зарубежных источников помогают восстановить некоторые моменты жизни молодого князя.

Ряд исследователей связывают его имя с немецким епископом Бруно (Брунон), которому Владимир помог начать миссионерскую деятельность у печенегов. С. М. Соловьев рассказывает, что Бруно был пять месяцев у печенегов, крестил 30 человек и склонил старшин печенежских к миру с Русью. Старшины потребовали на время действия договора в заложники одного из сыновей Владимира¹¹. Кто из них им стал, точно не установлено. Некоторые называли Святополка, однако их предположения не подтвердились. С такой же степенью вероятности можно назвать Бориса, Глеба или любого другого сына великого князя.

В том, что это был не Святополк, убеждает анализ еще одного упоминания. Титмар Мерзебургский вскользь сообщает о браке какого-то сына Владимира с дочерью Болеслава I Храброго, польского князя. Автор хроники, несомненно, знал его имя, но не считал нужным уточнять ввиду незначительности, на его взгляд, известия. Нам становится понятно, о ком идет речь, лишь после сообщения о заточении Владимиром этого князя с женой и ее духовником Рейнберном в киевскую темницу. Это Святополк.

К сожалению, хроника не указывает и время заклю-

*Святополк вместе с женой и ее духовником
оказываются в темнице Владимира.*

чения брака. Основываясь на известиях о роли миссионера Бруно в организации переговоров по данному вопросу, можно предположить, что это произошло между 1009 и 1012 годами. В 1008 году вместе с Бруно в Польшу отправилось посольство, которое оговорило все моменты предстоящего события, а в 1013 году Святополк с женой уже сидел в темнице. Не думаем, что прошел длительный срок от переговоров до заключения матримониального союза и относим его к 1009 году. Святополк искал этого союза для достижения своих целей, пытался ускорить решение вопроса. Поэтому он не мог одновременно заниматься женитьбой и находиться в заложниках у печенегов.

По нашим подсчетам, ему было около 40 лет и, возможно, этот брак не был первым. Несомненно, что заключен он не без политического расчета. Так, Ф. И. Успенский связывал его с попытками Болеслава вмешаться в дела русские¹². Нам представляется, что брак был выгоден для обеих сторон. У Болеслава на Востоке действительно были интересы: всю жизнь он воевал с Германией и крайне нуждался в надежных тылах. Эту точку зрения и ранее высказывали многие исследователи. Но как-то оставалось вне внимания обстоятельство, что Туровское княжество не граничило с Польшей, их разделяло Владимиро-Волынское княжество, где, по мнению Шахматова, был посадником Борис. Значит, надеяться на непосредственную помощь Туровской земли польский монарх не мог. Причина согласия Болеслава на брак где-то рядом, но, во всяком случае, не эта.

Думается, Болеслав, способствуя браку своей дочери с князем туровским Святополком, рассчитывал на перспективу. Он, несомненно, знал не только его личные качества, но и видел в нем будущего правителя Руси. Ему, безусловно, было известно о смерти двух старших сыновей Владимира, о немощности самого Владимира. Таким образом, родство со Святополком обеспечивало безопасность тыла в дальнейшем.

Если принять во внимание дальновидную политику Болеслава в целом, то сомнения в верности гипотезы исчезнут. К этому времени он имел матримониальные связи со всеми странами Скандинавии, с Германией, Чехией и перспективы будущих отношений с Русью не могли не радовать его.

Дальнейшие события развиваются более стремитель-

но. В конце 1012 или в начале 1013 года Святополк вместе с женой и ее духовником Рейнберном колобрежским оказываются в темнице Владимира. Почему это произошло — догадок тысячи.

Титмар считал Рейнберна агентом Рима, который ориентировал Святополка на католицизм. Здесь же он намекает, что какой-то русский князь был союзником немецкого императора Генриха II¹³.

Б. Я. Рамм придерживается мнения Титмара и добавляет, что Владимир пресек религиозно-политические действия Святополка и его жены. Однако здесь же признает, что каких-то проверенных данных о намерениях туровского князя использовать религию в качестве средства интриги нет¹⁴.

Несколько иную версию предлагал Ф. И. Успенский: «Епископ колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с ведома Болеслава подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия»¹⁵.

В разных вариантах эту же посылку находим у Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и других ученых. Версия о заговоре, несмотря на отсутствие причин, мотивов и деталей, продолжает существовать. То, что проблема возникла не из-за пустяка, а из-за серьезных разногласий, очевидно, как очевидна и надуманность легенды о замысле Святополка ввести католицизм, которого еще не существовало в природе. Чрезмерное внимание Б. Я. Рамма, Ф. Успенского и других исследователей к миссии Рейнберна отразилось во множестве публикаций.

Нам кажется, что близок к истине П. Голубовский, который считал: «Князь Туровский, Святополк, заводит отношения с Польшей, чтобы иметь поддержку для заявления своей автономности, и попадает за это в тюрьму»¹⁶.

Н. Н. Ильин, зная позицию П. Голубовского, тем не менее возвращает дискуссию к тому, что Святополк и его тройка — всего лишь пешки в руках Болеслава¹⁷.

Как видим, в историографии все чаще делается упор на некую виновность Болеслава в обострении противоречий на Руси. И по мере углубления знаний о нем самом эта мысль проводится все настойчивее. Дело в том, что в его правление не было мира между польской феодальной знатю и церковной иерархией. Духовная

знать отвоевывала себе все новые привилегии и искала наиболее выгодные ей ориентации на Рим и Византию, где разгоралась борьба за сферы влияния. Болеслав занял определенную позицию в этом вопросе, заигрывал с обоими центрами, что и давало повод для вывода о его приобщении к этому делу Святополка.

Однако ничего необычного в его поступках нет. Так действовали все правители славянского мира, начиная от болгарского царя Бориса и кончая киевским князем Владимиром. Болеслав же, формируя польскую государственность, пытался определить церкви конкретное место в системе государственного аппарата и заставил церковную иерархию выполнять начертанные правителем задачи, даже вопреки предписаниям Рима. Так, польские епископы приняли участие в коронации Болеслава, проигнорировав мнение папы.

Кроме того, отдельные действия Болеслава позволяют взять под сомнение его личную привязанность к христианству вообще. Намеки на неординарное отношение польского правителя к христианству находим в Патерике Киево-Печерского монастыря, в одновременной отправки посольства из Киева в Константинополь и Рим, в известиях о преследовании им черноризцев и епископов в Польше, об антихристианских восстаниях там.

И последний аргумент. Ни в одном церковном источнике, в том числе и в «Сказании о Борисе и Глебе», нет даже намека на связь Святополка с католической церковью. Если бы церковным историкам были известны хоть какие-то факты, они, несомненно, были бы раздуты.

Ни словом не упоминается о повороте Святополка к христианству западного толка ни в одном сочинении Запада. Известный специалист М. Б. Свердлов, исследовавший латинские источники, пришел к выводу, что арест Святополка не имеет никакой связи с надуманным насаждением католицизма¹⁸.

Не проясняют картины событий 1013 года, причин заключения Святополка и русские источники. Мы усматриваем в столь упорном умолчании только одно: составители летописей были в курсе событий, но не хотели о них говорить, дабы не разрушить летописную идиллию становления христианства.

Нам думается, что ближе всех к истинным причинам приблизились белорусский писатель Л. М. Дайнеко и известный украинский ученый, специалист в области

польско-русских отношений XI в. В. Д. Корольюк. Первый считает, что на Туровскую и полоцкую земли христианство пришло не сразу. Официально оно было принято знатью, но народ Северо-Западной Руси по-прежнему исповедовал веру отцов. Поклонение старым богам в виде идолов, попрятаных в лесах и болотах, и было основной причиной борьбы между Киевом и окраинными землями¹⁹. Святополк и Всеслав возглавили ее.

В. Д. Корольюк приводит целую систему доказательств в пользу того, что Болеслав не подталкивал Святополка на прямое выступление против отца, не был инициатором заговора, а тем более обострения польско-русских отношений. Наоборот, заключение брака положило начало их развитию. Арест же Святополка обострил отношения между Болеславом и Владимиром и явился сигналом к конфликту²⁰. Исследователь выявил общую для того времени тенденцию внутривластического развития к децентрализации и на этой основе предположил, что именно действия самого Святополка были основной причиной ареста: он отказался подчиняться Киеву, выплачивать ему дань, как сделал это в 1014 году Ярослав²¹.

Мы готовы принять вывод В. Д. Корольюка и добавим, что уверенность в своих силах Святополк почувствовал после того, как понял, что на его стороне Польша и Полоцк.

Продолжим рассказ о событиях, последовавших после ареста Святополка. Титмар рассказывает, что, получив столь печальное известие, Болеслав спешно заключает договор с германским императором и направляется на Русь для спасения зятя и дочери. В 1013 году он захватывает Киев и освобождает их (Рейнберн к этому времени умер в темнице). Ни Титмар и никто другой не говорят, к сожалению, на каких условиях был освобожден Святополк и оставлен в Киеве. А. А. Шахматов, исследуя Древнейший свод, обнаружил наличие противоречий между Святополком и Владимиром и также недоумевал по поводу оставления Святополка в Киеве²². Думаем, что была заключена политическая сделка, по условиям которой Святополк остался при Владимире или наоборот.

В работах советских историков появились предположения, что именно Владимир оказался под патронажем Святополка. Если это так, то Святополк мог оста-

новить на время процесс христианизации и повернуть страну к прежней вере. Вероятность подобного поворота была. Не будем забывать, что изучаемое время связано с христианизацией страны, борьбой двух идеологий. П. П. Толочко по этому поводу говорит следующее: «В условиях острейшего противоборства на Руси двух идеологий решительный отказ [Владимира под патронажем Святополка] от традиций грозил серьезными неприятностями, отстранением от власти, а то и смертью (как это было с Аскольдом)»²³. Возможно, ученый прав, и в этом надобно видеть причину отсутствия сведений в летописях о последних годах жизни Владимира.

Задача найти дополнительные данные почти неразрешима, так как ряд отечественных историков считают события 1013 года вымышленными Титмаром на том основании, что их нет в летописях. Думаем, использование такого метода привело бы к чрезмерному обеднению истории страны. У нас нет оснований не верить единственному современнику событий при освещении им пропущенных фрагментов русской истории. Причина их отсутствия в летописях одна: о них не полагалось говорить. Это умышленное забвение исторических фактов, кто-то был заинтересован в их сокрытии. На Руси в этот период происходило нечто такое, что не укладывалось в намеченную концепцию. Именно потому и не решен вопрос: был ли поход Болеслава на Русь в 1013 году и на каких условиях остался в Киеве Святополк. «Сказание о Борисе и Глебе», а вслед за ним и летописи намекают на связи Святополка с вышгородской знатью. Отсюда появились версии, что после освобождения из темницы Вышгород стал местом его ссылки.

Обратим внимание на предположения П. П. Толочк и А. С. Хорошева, которые рассматривали изучаемый период как начало активной борьбы между политическими группировками Ярополковичей и Владимировичей, между прохристианской и антихристианской партиями. Иными словами, появляется возможность расценивать борьбу того времени как религиозно-политическую.

Мнений по этому периоду русской истории может быть еще больше, но ни одно не приблизит нас к решению проблемы, если мы их будем рассматривать вне шедшего в стране процесса христианизации и вне тех событий, в которых проявлялись предпосылки этой борьбы.

Они закладывались еще в период распределения уделов и в самом начале введения христианства. П. Голубовский видит первопричину борьбы братьев в стремлении Владимира решить проблему централизации страны, объединить волости с центром. Но тенденция к децентрализации преобладала и потому политического единства не получилось: «Областные князья сливают свои интересы с местными... и потому... новый князь (Святополк), понявший стремление областей к обособленности, находит точку опоры в самой княжеской семье, решил принять энергические меры для ее устранения»²⁴. Мы несколько раньше времени обратили внимание на мысль Голубовского, чтобы подчеркнуть ее: Владимир и Святополк как правители Киевской Руси в разное время решали одну и ту же задачу — противостояли децентрализации страны. Поэтому совершенно определенно можем сказать — борьба между братьями началась еще при жизни Владимира. Святополк, являясь помощником или регентом великого князя, противостоял братьям — представителям различных религиозно-политических сил — в их стремлении разделить Русь.

Для того чтобы понять истоки и причины этой борьбы, необходимо обратиться вновь к сыновьям Владимира. Наиболее яркая и колоритная фигура среди них — Ярослав. Общеизвестно, что он был рожден Рогнедой. Некоторые летописи называют его старшим братом Изяслава, тоже рожденным Рогнедой, потому отводят ему роль продолжателя рода Рогволодовичей полоцких. В принципе с этим можно было бы согласиться, если бы появились сведения, что Владимир взял Полоцк на десять лет раньше. Но таких данных нет, поэтому мы считаем Ярослава сводным братом Изяслава. Не уверены мы и в том, что Ярослав является старшим сыном Рогнеды.

С детства Ярослав, согласно древнерусским источникам, был физически неразвитым ребенком, хром, и до восьми лет вообще не становился на ноги. Но зато был весьма умен и рассудителен.

Вполне возможно, что эти сведения столь же легендарны, как и рождение Святополка от двух отцов, а Всеслава от волхвования. «Эймундова сага» рассказывает, что Ярослав захромал после ранения в 1017 году, и этому источнику можно верить, так как следы ранения обнаружены при вскрытии раки с его останками.

В десятилетнем возрасте он якобы стал князем ростовским, а в тридцать два возглавил Новгород, где не однажды продемонстрировал свой ум и жестокость. Согласно летописям, он вместе с младшими братьями крестился в первый же год введения христианства и стал ревностным сторонником новой веры. Совершенно неизвестна его роль в насаждении христианства как в Ростовском княжестве, так и в Новгороде — это начинали иные деятели того времени. Он мог быть лишь свидетелем событий.

Как только Ярослав укрепился в Новгороде, он начал самостоятельную политическую деятельность и обратил, как и его предшественники, свой взор на север. Отсюда набирает варяжские дружины, вклинивается в дипломатические отношения между Норвегией и Швецией. В 1015 году при помощи интриг разрушает наметившийся союз между ними и переманивает у норвежского конунга невесту, пообещав за нее ладожскую землю. Шведский конунг Олаф и Ярослав скрепили брачный союз обязательствами военной помощи. Ингигерда, жена Ярослава, добилась от мужа права содержать собственную дружину, содействовала в приеме на службу все новых варягов, потворствовала им. Видимо, не без ее помощи варяги начали насилие над новгородцами, что вызвало восстание, жестоко подавленное Ярославом в 1015 году (ПВЛ. Ч. 1. С. 295).

Летописное сообщение о периоде правления Ярослава соответствует его прозвищу «Мудрый». Все решается мудро и по-божески, даже жестокость врачует. Высказывается мысль, что он поставлен богом для мщения злодеям, наведения порядка на Руси, пропагандируется его деятельность по строительству церкви. Безусловно, его действия, описанные в летописях, преувеличены и противопоставлены разрушительным поступкам Святополка-братоубийцы.

Вместе с тем нельзя сказать, что во всех летописях и всегда он выглядит только позитивно. Иног. обнаруживаются явные издевательства над его хромой, не богатырским телосложением, подчеркивается отсутствие воинского таланта, прослеживается его жестокость. Думается, что эти оценки появились по мере переписки летописей и подчиненности летописца то духовным, то светским властям. Влияние церковных писателей, следы их почерка видятся и чувствуются там, где речь идет об особой любви к нему отца и ма-

тери, младших братьев и его взаимных чувствах ко всем родственникам, кроме Святополка. Однако, несмотря на пропаганду его добрых отношений к родственникам, на самом деле выявляется довольно обширный список его врагов.

Действия Ярослава свидетельствуют о его стремлении выйти из-под контроля отца. Он развернул деятельность по укреплению новгородского княжества, содержал сразу по нескольку варяжских дружин, установил союзнические отношения со всеми соседними государствами и племенами. Но для осуществления избранной политики нужны были деньги. Единственный выход — не платить дань, вернее, налог в Киев, куда по давнему соглашению он должен был направлять две трети доходов — две тысячи гривен. Испытывая финансовые трудности, Ярослав в 1014 году отказался высылать налог Киеву, чем разозлил отца и, несомненно, приблизил его смерть. Подобный шаг означал выделение Новгорода из киевской федерации, а это, в свою очередь, знаменовало крах всей деятельности Владимира по централизации Руси. Подобные процессы давно уже шли в Полоцке и Турове.

Владимир приказывает Святополку и Борису готовиться в поход и требует примерно наказать бунтовщика. Он собирает дружины еще верных ему сыновей, но смерть прервала приготовления.

«Эймундова сага» рисует Ярослава несимпатичным, скупым, попавшим под влияние жены хромцом, коварным человеком, который без совета с женой и варягами не принимает ни одного решения, никогда не говорит ни да, ни нет. Подчеркивается его способность навязать подчиненным вероломные и нечестные методы борьбы с врагами и готовность переложить свою вину на других, уйти от ответственности за содеянное.

Характеристику саги мы считаем более объективной, так как ее дают свидетели деятельности Ярослава. Сомнения в необъективности летописных оценок, в преувеличении его грамотности и образованности возникали нередко. Так, С. М. Соловьев в «Примечаниях» к первому тому сочинений писал: «Нельзя заключить, что Ярослав сам писал или умел писать, прямо сказано, что он умел читать»²⁵. Подозрения в правдивости портрета Ярослава усиливаются по мере углубления анализа летописного материала.

Подводя итоги описания его облика в различных

древнерусских источниках, можно привести мнение русского историка А. И. Линниченко: «Источник восторженного отношения к Ярославу есть, несомненно, монашеская традиция; среди монашества Ярослав пользовался громадной популярностью за свою христианскую ревность и уважение к монашескому сану»²⁶.

Следует уточнить, что его отношение к монашеству и монастырям также преувеличено. В его правление Киево-Печерский монастырь всего лишь начал существование, а активным центром по пропаганде христианства стал только при Изяславе Ярославовиче. Авторитет Ярослава возрастал по мере становления легенды о Борисе и Глебе, о братьях-мучениках за дело божье и, соответственно, возвеличивался их заступник. Это и отражено в летописях, потому что начало летописания совпало по времени с утверждением легенды о мучениках. Первоначальный летописец, как считают некоторые ученые, не знал особых заслуг Ярослава²⁷.

Внимательное изучение событий 1013—1019 годов сформировало у нас убеждение, что князь не столько боролся со злом, сколько сам был его носителем. Это он явился инициатором крупных политических интриг, он начал междоусобную борьбу, несправедливо претендуя на киевский стол.

Сведений о Борисе и Глебе, которые дают «Сказание» и другие древнерусские источники, явно недостаточно, чтобы составить объективный портрет. В «Сказании» нет ни слова об их жизни, рассказывается лишь о переживаниях невинных жертв перед смертью по злодейской воле Святополка. И в других древнерусских источниках на первом плане жертвенная смерть, смерть в беспрестанной молитве.

Из источников известно следующее: они юны душой и телом, безвинны, девственны, не претендуют ни на что, готовы всем уступить ради мира, не участвовали в политической борьбе, уважали право старшего на наследование отцовского стола. Ряд исследователей считают их детьми болгарки Милолики. С. М. Соловьев, опираясь на мнение В. Н. Татищева и сведения Тверской летописи, допускает вероятность их рождения византийской Анной²⁸. От решения этого вопроса зависели окончательные оценки их возраста.

Если принять первый вариант, то они рождены до 988 года и было им к моменту смерти не менее 27 лет, то есть сыновья великого князя были к этому времени

государственными мужами, самостоятельными политическими деятелями. В этом возрасте уже водят военные дружины, участвуют в международных переговорах и, как правило, женаты. Ничего этого не известно о Борисе и Глебе. Вместе с тем из источников следует, что они получили уделы, возглавляли их. Следовательно, должны были либо выражать интересы своих земель, либо противостоять им в угоду центру — проводить христианизацию. Поэтому представленный «Сказанием» образ не может удовлетворить запросы исследователя.

Если принять к сведению второе предположение, то они родились после 988 года, действительно были юны, безбидны и девственны и должны были в 8—10-летнем возрасте отправиться в княжества по второму распределению земель.

Имеется возможность исследовать их возраст, исходя из высказанной ранее гипотезы, что Борис и Глеб не родные, а сводные братья. Но аргументов в ее пользу почти никаких. И тем не менее привлекает именно этот вариант.

В «Повести временных лет», где довольно подробно излагается покушение на убийство святых мучеников, нет ни слова о том, что они единокровные братья. Лишь после ужасной смерти они соединятся душой и телом. Вместе с тем удивляет некоторая изолированность третьей жертвы — Святослава. У них один отец, но почитается не привычная для Руси троица, а впервые герои выступают в тандеме. Почему? Давайте вместе проанализируем ситуацию. Обратите внимание — Борис и Глеб захоронены в одной могиле и формируется единый культ мучеников. Святослав же неизвестно где, и потому не примкнул к святой паре. Но если на минуту представить, что и он в общей могиле, несомненно, появилась бы святая троица. На наш взгляд, именно объединение в одной могиле содействовало появлению суждений о ближайшем родстве Бориса и Глеба.

Однако из летописи видно, что Борис старше, время его рождения ближе всех к Святополку. Киевская знать стоит перед выбором: кто лучше, кого взять, от кого принять подарки — от Бориса или Святополка. Нет здесь речи ни о Ярославe, ни тем более о Глебе. Можно представить эту группу сыновей Владимира по старшинству в следующем порядке: Святополк, Борис, несколько моложе Святослав и Глеб. Где-то между Свя-

тославом и Глебом — Ярослав. Совершенно непри-
вычно выглядит он в этом списке. Но еще раз проверим
себя. Он моложе Бориса и Святополка — это точно.
Моложе Святослава? Не совсем уверены, но есть неко-
торые предположения, о которых говорить преждевре-
менно. Ярослав старше Глеба. Такая расстановка сы-
новей Владимира в этом отрывке списка пригодится
нам в дальнейшем.

— Теперь пришло время уточнить еще один немаловаж-
ный аспект: кто такой посадник великого князя? На наш
взгляд, это предводитель местной знати, глава окраин-
ного княжества, выразитель интересов местной знати.
Он полководец, глава дружины, в его обязан-
ности входит охрана вверенных земель, удержание
в повиновении подданных (народа и знати). Собст-
венно, посадник должен был оторвать местную кня-
жеско-боярскую знать от народа, преодолеть их влияние
на массы и подчинить Киеву. Он же являлся главным
судьей, руководил сбором налогов и распоряжался фи-
нансами.

В дохристианскую пору посадник мог претендовать
и на роль главного жреца. Подавал, по крайней мере,
пример в исполнении религиозных ритуалов.

После введения христианства в Киеве у него появи-
лась новая забота — по заданию великого князя начи-
нать христианизацию своего края. Результат этой
деятельности зависел от личного отношения посадника
к христианству и от наличия внутривластных
предпосылок для перехода к новой религиозной системе.
Вместе с тем князь, дабы удержаться во вверенной ему
земле, должен был учитывать местные традиции, об-
щественное мнение, не мог игнорировать волю местной
знати.

Таким образом, поведение князя-посадника зависе-
ло от двух обстоятельств: силы княжеской дружины
и прочности связей князя с местной знатью. Как ни си-
лен и знаменит был князь, не мог он без вече, без знати,
без видных дружинников проявить свою волю. В про-
тивном случае к нему применялись различные меры,
вплоть до лишения «живота».

К сказанному надо добавить, что в начале удель-
ного периода князья не являлись владельцами земли,
она была собственностью общины, которая, по сути дела,
содержала и князя, и всю знать, выплачивая им дань на
государственные расходы, содержание дружины. Рас-

ходы были весьма значительные, ведь иногда дружины земель не уступали великокняжеской, в чем убеждают результаты многочисленных сражений на Руси.

Сложно и трудно было исполнять функции посадника и из-за чрезмерно больших претензий великого князя. Он требовал от посадника ликвидации децентрализаторских настроений, беспрекословного подчинения земли центру, т. е. проведения общегосударственной политики в землях. Не менее велики были требования киевского князя к посадникам и по христианизации земель. Хотел он того лично или не хотел, но должен был насаждать новую религию в подчиненных землях. Поэтому были возможны самые невероятные случаи сопротивления как со стороны посадника, так и всего народа земли. Если местная знать и народ препятствовали процессу введения христианства, то посадник не мог единолично преодолеть их сопротивление.

Эти размышления построены на анализе существовавших на Руси общественных отношений и на известных данных о становлении Русской православной церкви, на сопоставлении сроков и конкретных дат появления епископий. В начале XI в. епископские кафедры появились в Новгороде, Чернигове, Тмутаракани, Полоцке и Турове, но в двух последних тут же исчезли. Думается, на это были серьезные причины. К концу XI в. они появились в Ростове, Владимире-Волынском, Юрьеве, Белгороде и Переяславле, причем три последние находились в непосредственной близости от Киева. Только в XII в. были созданы Смоленская, Туровская, Полоцкая, Рязанская, Галицкая кафедры.

С особыми трудностями христианство утвердилось в Ростове, где, согласно летописям, посадниками были Ярослав и Борис, а также в Муроме, где правил Глеб. Возникает законный вопрос: можем ли мы, анализируя историческую обстановку начала XI в., игнорировать отношение князей-посадников к христианству и процесс его внедрения в русские земли? Ответ однозначен — нет. В таком случае, любознательный читатель, и он же справедливый судья вправе спросить: почему мы до сих пор рассматриваем проблемы введения христианства и трагедию 1015—1019 годов разрозненно?

Нельзя не сказать, что такие попытки были. Так, А. Шахматов довольно скрупулезно изучил все древнерусские источники и кроме Ярослава нашел только два случая участия сыновей Владимира в распространении

христианства. Читатель догадывается, что это были Борис и Глеб.

Шахматов указывает на житие Авраама Ростовского, где есть сообщение о христианизации этого края епископом Илларионом, присланным вместе с будущим мучеником Борисом²⁹. Приписка настолько очевидна, что Шахматов без всякого сомнения тут же указывает на ее искусственность.

Если об участии Бориса в «крещении» Ростова есть пусть даже недостоверные сведения, то сама же житийная литература, по мнению того же Шахматова, отрицает причастность к этому Глеба: по житию Константина Муромского, муромчане даже не приняли Глеба на княжение, он вынужден был отъехать от города на 12 поприщ на реку Именю и пребывал здесь до смерти отца³⁰.

Не было бы чересчур смелым предположить, что Святополк поддержал антихристианские настроения Туровской земли и содействовал изгнанию отсюда епископа. Вскоре после этого идет на следующий важный шаг — перестает платить Киеву дань, чем вызывает гнев Владимира и в результате оказывается со всей семьей и духовником в темнице. Данная точка зрения основывается на посылке, что не все сыновья Владимира в одинаковой степени восприняли христианство, и в первую очередь старшие. Они столкнулись с невосприятием новой религии в землях и определенным образом отразили это в своих действиях.

Мы относим «крещение» киевлян, как и возвращение Владимира из Херсонеса, к 990 году, когда старшие сыновья уже получили уделы. В семье оставались только Ярослав и моложе его дети. Вышеслав, Изяслав, Святополк, Борис и, возможно, Святослав были уже посадниками. Могли ли они самостоятельно, без согласия своих земель, принять христианство? Думаем, что это имело бы последствия. Так же как и Глеба, их просто не пустили бы в уделы. Обратим внимание на еще один немаловажный аспект — судьбу вышеперечисленных князей. Первые, Вышеслав и Изяслав, умерли к 1015 году. Следующие три брата погибли в усобицах 1015—1019 годов.

Читатель вправе спросить нас, почему мы не говорим о Святославе, возглавлявшем Древлянское княжество? На этот вопрос у нас нет однозначного ответа. Нам ничего не известно о нем. Предположительно, он сын от

брака с чехиней Адилью. О возрасте его ничего не сообщают ни летописи, ни иностранные источники. Лишь Д. Ф. Калинин Мариенбургский ставит его вслед за Борисом. Но обратим внимание на следующий факт. Древлянская земля всегда стремилась к самостоятельности, известны многочисленные выступления, в том числе и казни древлянами князя Игоря. Нет оснований утверждать, что они с радостью встретили предложение принять христианство. Известно, что киевские монархи так и не смогли поставить древлянам епископа и со временем эти земли были присоединены к Владимирской епархии. В то же время проскальзывают сведения, что Ярослав в 1017 году прошел через древлянские земли, захватил враждебный ему город и жестоко наказал его жителей. Святослав исчез. Смерть его приписана Святополку, хотя причин для его убийства не было.

Не сомневаемся, что проблемы религиозно-политического характера имели место и во взаимоотношениях Ярослава с Брячиславом и Судиславом. Не без причины он держал Судислава в темнице до конца своей жизни. Это был, видимо, один из серьезнейших политических противников Ярослава. И еще одна деталь: только после гибели всех братьев Ярослав прочно и окончательно укрепляется на княжеском столе.

Вся эта информация должна заставить нас подумать, что же в действительности произошло на Руси в 1015—1019 годах. В общем, как мы и обещали в начале главы, нерешенных вопросов стало еще больше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой последовательно
излагаются события 1015 года и доказывается,
что Святополк не принял христианство*

1015 год. Владимир, возмущенный отказом Ярослава платить Киеву дань за прошлый год, отдает приказ: «Расчищайте пути и мостите мосты», т. е. начал подготовку к походу на Новгород.

Ярослав, в свою очередь, нанимает варягов и готовится дать отпор Киеву. И в летописи неожиданно наталкиваемся на удивительную по содержанию запись: «Но бог не дал дьяволу радости» (ПВЛ. Ч. 1. С. 288). Что имел в виду летописец? Кто дьявол? Киев? Святополк? Борис? Владимир? Или все вместе? Можно сослаться на то, что это следы новгородского летописания — так проще. Смысл ее истолковывался по-разному, вплоть до проклятия Владимира, якобы сожалеющего, что «не то выбрал» и отошедшего в конце жизни от христианства. Но не пойдем на поводу у этой загадочной фразы, а будем считать ее началом тенденциозного изложения истории будущего мудрого и всегда праведного Ярослава.

Итак, Владимир умер 15 июля на Берестове в своем дворце. От Святополка вроде вначале скрыли смерть отца и, как говорят некоторые летописи, это было не трудно сделать, ибо он находился в Вышгороде. Причины умолчания предлагаются разные: Н. М. Карамзин, ссылаясь на В. Н. Татищева, говорит: «Не Святополк, а придворные хотели утаить кончину Владимира, боясь Святополкова властолюбия»¹. Ф. И. Успенский считал, что близкие Владимира специально скрывали его смерть от Святополка, но это не удалось². С. М. Соловьев дает свою интерпретацию событий: «Окружающие скрыли его смерть, потому что Святополк был в Киеве», и дальше говорит об их стремлении тайно перенести тело покойника в Десятинную церковь: «...хотели утаить смерть Владимира для того, чтобы Святополк узнал о ней не прежде граждан киевских, ибо тогда ему труднее было действовать»³.

Все авторы комментариев как будто заранее знают, что Святополк задумал плохое, но что именно — не ясно. Если причиной страха был неожиданный захват

власти, то почему столь поспешно переносят тело в церковь? Из летописи можно понять, что часть знати — христиане, от которых Владимир, вероятно, отошел, пытаются тайно похоронить его по христианскому обряду. Однако возможно и иное прочтение: они боятся Святополка-язычника, как бы тот не начал действовать и не похоронил бы по славянским традициям. В пользу последнего говорит дальнейший текст летописи, где идет речь о спешке и таинственности действий прохристианской знати: «Ночью же разобрали помост между двумя клетями [пол между этажами], завернули его [тело] в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили его в (церкви) святой Богородицы, которую сам когда-то построил» (ПВЛ. Ч. 1. С. 288). Такое начало похорон иногда даже современные авторы связывают с якобы существовавшими обрядами. Но можно ли всерьез говорить о наличии уже отработанных обрядов у христиан, они ведь только зарождались. Тем более что это были первые похороны великого князя после введения христианства.

Здесь налицо все элементы дохристианского обряда погребения с одной лишь особенностью — никогда на Руси не выносили тело покойника из дома ночью. Нельзя признать традиционной и разборку пола-потолка между этажами, иначе придется согласиться, что Древняя Русь была многоэтажной.

Расшифровать эту фразу можно довольно просто. Прохристианская знать, желая поместить тело Владимира в церкви, ночью, тайком от Святополка реализовала задумку. Но вынести мраморный гроб со второго этажа хором не могли, поэтому разобрали перекрытие. Единственный элемент традиционного характера — неперемные сани и зимой, и летом.

Более интересна запись об этом событии в «Сказании о Борисе и Глебе»: «Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на саних и поставил в церкви святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить».

Здесь важно подчеркнуть два момента. Первый — сведения перевернуты с ног на голову. Кошунство христиан, по сути дела, укравших труп, приписано окаянному преступнику Святополку. Второй — причи-

ны рыдания Бориса. Отчего он плакал? Не потому ли, что Святополк совершил надругательство над телом и командует похоронами?

Такого рода разночтения в древнерусских источниках затрудняют формирование исторической концепции. Ясно, что в одном из источников фальсификация, но в каком? «Сказания» появлялись раньше летописи. А может быть, список «Сказания», который мы приводим, более поздний? Отсюда множество толкований, предположений, объяснений. Только поэтому не можем избежать их и мы.

Думаем, что нам действительно попал более поздний список, в котором с самого начала Святополк уже выглядит преступником, хотя еще ничего преступного не совершил.

После похорон Владимира события развиваются еще быстрее и описываются красочнее. Семнадцать лет правления Владимира летописец пропустил и теперь наверстывает упущенное. Он отдал свое перо ветру фантазии и сочиняет: о задаривании Святополком киевлян, о нежелании последних принимать эти подарки, о мечтах киевлян взять себе князем Бориса.

Однако Борис не мог претендовать на стол киевский, никаких преимуществ перед Святополком у него не было. Это всего лишь введение в будущее «Сказание». Летописное сообщение о приглашении Бориса на киевский стол, основанное на «Сказании», надуманно и ничем не обосновано.

Далее летописи, вслед за сказаниями, рассказывают, что Окаянный все-таки захватывает власть в Киеве, затем убивает Бориса и Глеба. Возмущенный его действиями, Ярослав начинает подготовку наказания. Не повторяя описанных в первой главе событий, лишь напомним: все сделано Святополком, судя по летописи, ради единственной цели — захватить власть.

Итак, Ярослав становится мстителем божьим. Узнав от сестры Предславы о смерти отца, он, с одной стороны, обрадовался — опасность сражения с Киевом на время отпала, наступило время, когда можно во всеуслышание заявить о выходе из федерации восточно-славянских княжеств. Но в целом Ярослав не был готов заниматься общерусскими делами, у него своих проблем хватало. Нанятые варяги постоянно требовали повышения содержания, утех и потому неоднократно, не довольствуясь малым, творили насилие новгородцам и их

*Ярослав готовится уничтожить «крамолу»,
которая вернула южные земли Руси
к прежней религиозной системе.*

женам. Новгородцы восстали и перебили часть варягов на дворе Парамоновом. Разгневался Ярослав на новгородцев, отправился в село Ракомо (родовое имение), вызвал туда обманным путем лучших мужей новгородских и перебил всех до одного. Как раз наутро после казни и пришла ему весть от Предславы. Пришлось ему обратиться к новгородцам: кручинился, каялся и просил помощи-поддержки. Собрал 1000 новгородцев, да еще 40 000 воинов и пошел на Святополка: «Не я начал избивать братьев моих, но он, да будет бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба» (ПВЛ. Ч. 1. С. 295). Это оправдание не впервые используется в русской истории для мотивации убийств. Заметим, что ни один древнерусский источник не сожалеет о несправедливо убитых Ярославом новгородцах. Вся скорбь — по Борису и Глебу.

И еще одно замечание: все вышеизложенное дается вне временных рамок, создается впечатление, что события произошли в три дня. Рассмотрим их более детально и, может быть, обнаружим серьезные противоречия в источниках.

По данным летописей и «Сказания», Владимир умер 15 июля. Борис, по разным источникам, погиб 24 июля или 12 августа⁴. Ярослав же, когда отправлялся в поход, уже знал о гибели Глеба, происшедшей после 5 сентября. Выходит, Ярослав отправился в поход на Киев осенью 1015 года, т. е. за несколько летних месяцев собрал дружины соседних народов.

Если же мы обратимся к скандинавским сагам, то выясним, что именно осень — зиму 1015—1016 годов он проводит в Скандинавии, нанимает дружину Эймунда и сватается к Ингигерде. Напомним, за невесту была отдана Ладога. Был ли случаен столь дорогой подарок? Ясно, что Ярослав предпринимает активные меры, ведет настойчивую и целенаправленную политику, ищет союзников и помощников в будущей войне с киевским князем.

Весной 1016 года он завершает переговоры с Эймундом и направляет его в Новгород, женится на Ингигерде и лишь летом у него появляется возможность выступить в поход на Киев. Наша мысль не нова, ее высказал в свое время А. Шахматов. Разбирая события тех лет, он указал на некоторую поспешность их изложения и пришел к выводу: битва у Любеча не могла состояться

раньше осени 1016 года⁵, т. е. на год позже летописного сообщения.

Каковы же мотивы похода? Не будем слишком доверчивы, чтобы принять летописную трактовку событий за подлинную. В летописях причина одна — месть за смерть любимых братьев, месть справедливая, божественная и безжалостная. Только она может успокоить душу Ярослава.

Мы уверены, что действительной причиной выступления Ярослава было стремление Новгорода противостоять централизаторским усилиям нового киевского князя, добиться независимости от Киева именно в тот момент, когда Святополк еще не успел накрепко взять бразды правления в свои руки. В будущем стремление к независимости переросло в желание подчинить всю страну. Исторически так сложилось, что Новгород всегда претендовал на первенство и любое ослабление властей в Киеве использовалось для установления если не первенства, то равновесия. Поэтому никаких причин, в том числе и личных, претензий нравственного характера быть не могло, что мы и попытаемся доказать.

Святополк по праву старшего занял киевский стол. Как предполагают некоторые исследователи, он уже несколько лет до смерти Владимира правил страной^{6,7}. Таким образом, приоритет старшинства не был нарушен. В летописях нет фактов, иллюстрирующих подлинные причины противостояния князей. Поэтому выдвигается основная претензия — рожден вне брака, гнусным, порочным образом — от двух отцов и, следовательно, не может претендовать на место великого князя. Эта посылка летописца нашла развитие у В. О. Ключевского: «Между отцом и детьми действовало семейное право, но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права, чем и можно объяснить усобицы между сыновьями Святослава и Владимира»⁸.

Эта мысль своеобразно интерпретируется в церковной исторической литературе, где звучит похвала Борису, едва ли не инициатору появления закона о старшинстве в наследовании земель. На этой же основе базируется и вывод, что якобы церковь, освятившая подвиг Бориса, заложила основы феодалного права, а заодно и централизации Древней Руси.

Есть предположения, что начало борьбы за власть кроется в событиях 980 года, в ходе которых разрешился

спор Владимира и Ярополка. А. С. Хорошев достаточно глубоко и последовательно прослеживает этапы нарастания розни между Ярополковичами и Владимировичами и показывает, что пик ее пришелся на период столкновения Ярослава и Святополка⁹.

Нам эта аргументация кажется не совсем убедительной. Во-первых, потому что уверены: Святополк — родной сын Владимира. Во-вторых, столкновения между детьми Ярополка и Олега и детьми Владимира могли быть за Тмутаракань и Чернигов, за древлянские земли, но не за киевский стол.

Анализ предшествующих исторических концепций позволяет судить, что появление множества интересных предположений о социально-политической жизни Древней Руси совсем не случайно. Они — результат разностороннего изучения межкняжеских наследственных распрей. А вот процессы, происходившие в надстройке, оказались вне внимания. Успокоительно действовали и давние установки о роли русского православия в тот период. В результате оказалось, что религиозные и политические проблемы начали исследовать отдельно. При изучении этого исторического периода как-то в стороне остались условия и предпосылки единства государственных образований: региональное разделение труда и единый экономический рынок. Отсутствие их в период перехода от раннефеодальных к зрелым феодальным отношениям характерно для всех народов. Феодальной раздробленности в разной форме не избежала ни одна страна.

Любопытно, что во всех славянских странах феодальная раздробленность усиливалась после принятия ими христианства. Стремление к автономии князя усиливалось тягой к этому и епископа. Первое содействовало возникновению разногласий между Киевом и Туровом, Киевом и Полоцком, Киевом и Новгородом. А религиозно-политическая борьба либо углубляла их, либо сглаживала. Но ни в одном случае религиозные противоречия не были главными. Напряженность возникала там и тогда, где земли, стремящиеся к самостоятельности, имели внутренние заделы и перспективы, довольно развитое земледелие, ремесло и торговлю, в том числе активные международные связи. Совершенно очевидно: Северо-Западная Русь и Новгород являлись в начале XI в. своеобразными центрами Древней Руси, претендующими на автономию.

Разногласия между центром и столь развитыми окраинами возрастали по мере повышения требовательности Киева к своим вассалам. В основном противоречии между ними можно выделить две стороны: разрастающийся центральный государственный аппарат, постоянные военные действия требовали увеличения финансовых средств, для извлечения которых был один выход: повышение размера дани земель Киеву (Новгород уже должен был отдавать в центр две трети ежегодного сбора налогов с населения); всевозрастающее стремление Киева духовно закрепить земли при помощи новой религии.

Финансово-экономическое и духовное насилие Киева над окраинами определенным образом отражалось в общественном сознании удельной знати, в конце концов понимающей, что всего этого можно избежать одним путем: отделением от Киева во что бы то ни стало. В случае самостоятельности вся дань оставалась бы в княжестве и распределялась совершенно иначе. Поэтому посадники и местная знать использовали все рычаги для сохранения независимости. Лучшим условием, залогом ее обеспечения они считали удачные матримониальные союзы с правящими домами сильных соседних государств. Это явление стало правилом: Святослав — Предслава венгерская; Владимир — болгарка, чешка, скандинавка, гречанка; Святополк — полька; Ярослав — скандинавка и т. д. Полоцкие, Новгородские, Галицкие, Смоленские правящие княжеские дома продолжали эту политику, находя своим сыновьям жен в Литве, Польше, Венгрии и других государствах. Заключение подобных браков они рассчитывали как можно скорее обрести самостоятельность.

Следует особо сказать о возрастании противоречий между землями Киевской Руси и центром в период введения христианства.

Под влиянием церковных авторитетов все больше укрепляется в целом неверная концепция «триумфального шествия» христианства по Киевской Руси. Славяне якобы как бабочки слетались к огню христианской лампы. На самом же деле это был длительный, мучительный и кровавый процесс. Удельная знать, посадники понимали, что христианизация, идущая из Киева, усилит зависимость их земель от центра и в этом видели опасность. Особую неприязнь вызывали епископы, присылаемые из центра. В первое время они, греки,

не говорящие на местных языках, представлялись некими нежелательными контролерами, ревизорами, ябедами. Поэтому их изгоняли, убивали сразу же после ухода великокняжеских дружин, сопровождавших миссионеров. Нередко сообщение о том или ином епископе было одновременно первым и последним — он исчезал. Подобными действиями население земель демонстрировало свое негативное отношение не только к христианству, но и к централизаторским устремлениям Киева. Так, Туров и Полоцк, как когда-то Новгород, категорически отказались принять христианство. В Полоцк в 1000 году Владимиром был послан епископ Мина, в Туров, в 1005 — епископ Фома. Но, как признают даже церковные писатели, только через сто с небольшим лет здесь появились епископии.

Если в первые годы христианизации Владимир еще мог прибегнуть к военной силе и активно применял ее при «крещении» ряда городов, то в начале XI в. ситуация изменилась. И он сам, и его сыновья по разным причинам не всегда обращались к насилию и постепенно переходили к убеждению. Об этом свидетельствуют крайне медленное создание церковных центров в окраинных землях в XI—XIII вв. и данные летописей о восстаниях, которые носили одновременно антифеодальный и антихристианский характер. Уже тот факт, что Владимир не смог сам решить эту проблему, говорит о трудностях при введении новой религиозной системы.

В целом же сведения древнерусских источников о процессе христианизации противоречивы: есть намеки на быстрое решение проблемы, есть сообщения и о сложностях, особенно до XV—XVI вв. Несомненно, Владимир пытался утвердить в землях христианство, но встретил сопротивление. В связи с этим важно подчеркнуть следующее: в распространении христианства он возлагал надежды на помощь старших сыновей. Но что же произошло в действительности?

Новгород, где посадником должен был быть самый старший сын Вышеслав, был крещен силой. Владимир не мог смириться с тем, что второй центр его страны игнорирует новую религию. При этом ни в одном источнике, где речь идет о «крещении» новгородцев, не упоминается имя новгородского князя (Вышеслава), как будто его там и не было.

Полоцк во главе с Изяславом, а потом с его сыном

Брячиславом и внуком Всеславом более ста лет сопротивлялись христианизации¹⁰.

В туровской земле, где правил Святополк, местная знать успешно решала экономические и социальные проблемы при помощи силы и прежней веры. А сам Святополк, выражая ее интересы, также не принял христианство. Не было в Турове сил, заинтересованных в принятии христианства, киевского уровня международных и культурных связей, т. е. внешнеполитических предпосылок. Посадник не мог противопоставить себя народу в лице вече, совета старейшин и выполнить задание отца насильственным методом.

О том, что он не был христианином, свидетельствуют все древнерусские источники. Лучшими свидетелями негативизма Святополка были летописи. На фоне христолюбивых страстотерпцев и правдолюбцев, святых заступников и мучеников — гонитель и беззаконник Святополк, зачинщик неправды, второй Каин, треклятый, не боящийся креста, неистовый и подлый убийца выглядит дьяволом, носителем самых страшных злодеяний.

Второе свидетельство того, что Святополк представлял какое-то направление сопротивления христианству, дает нам «Сказание о Борисе и Глебе». Повторяемая после смерти Святополка фраза «Перестала быть крамола на Руси» — красноречивый документ. На ее контекст первым обратил внимание митрополит Макарий, а последующие поколения церковных писателей пытались увести от нее внимание исследователей. Так, Е. Е. Голубинский приложил немало усилий для доказательства, что борьба братьев носила сугубо политический характер¹¹. Тем самым он продолжил мысль Кирилла Туровского, который в свое время подчеркивал: «Святополк задумал восстать против отца»¹².

Третьим свидетельством является демонстративно отрицательное отношение к Святополку киевской прохристианской знати, не хотевшей видеть его великим князем.

Еще раз подчеркнем, что в объяснении причин борьбы Святополка с Владимиром и позже с Ярославом многие исследователи упорно настаивали: Святополк не был против христианства вообще. Он просто предпочитал католицизм и планировал вместе с Рейнберном ввести в стране эту неправильную веру, чем якобы изменял православной Руси. Эта мысль подтверждалась

обвинениями в его связях с «погаными» печенегам, в браке на католичке, в приближении Рейнберна.

Как мы уже говорили, роль Рейнберна преувеличивают и западные историки. Они до сих пор пытаются доказать, что Русь приняла христианство по западному образцу. Особенно много такого рода мнений появилось накануне празднования у нас в стране 1000-летия введения христианства.

Однако ряд исследователей аргументированно доказывают: арест Святополка, его жены и Рейнберна никак не связан с дальнейшими событиями на Руси, с насаждением в стране католицизма.

Более того, организационно и идеологически христианство в Польше ничем не отличалось в то время от христианства на Руси. Польская церковь была еще настолько слаба, что не могла и помышлять о миссионерской деятельности в великой соседней стране. Не было еще и речи о расколе христианства — до официального разделения церквей оставалось сорок лет.

И наконец, убедительным свидетельством отрицательного отношения Святополка к христианству являются источники, не упоминающие ни об одном факте распространения христианства от имени Киева в годы правления Святополка, не указывающие на открытие хотя бы одной церкви. В эти годы, несомненно, в Киев вернулась знать, выступавшая против введения христианства. Но летописи свидетельствуют о наличии и прохристианской группировки, которая раньше поддерживала Владимира, а в начале борьбы за власть между его сыновьями готова была ориентироваться на того из них, кто выступал за христианство. Вспомните отрывок из летописи: «Созвал киевлян и стал раздавать им подарки. Они же брали, но сердце их не лежало к нему».

Здесь отчетливо проступают две идеи: если бы подарки раздавал другой, если бы знать была единой, то все вместе они не дали бы вокняжиться Святополку. Значит, в Киеве было маловато сил, чтобы противостоять «антихристу» — такое сожаление пронизывает все древнерусские источники.

Прохристианскую их настроенность доказывать нет необходимости. Она проявляется даже при описании основных героев: Ярослава и Святополка, Святополка и будущих святых Бориса и Глеба. Поклонники и последователи русского православия, в чьих руках оказалось летописание, сделали все, чтобы свалить вину за брато-

убийственную войну и ее последствия на Святополка Окаянного. Ни у одного читателя, познакоившегося со «Сказанием о Борисе и Глебе», ни на минуту не возникает сомнений в явной тенденциозности его содержания.

Все перечисленные свидетельства, факты и выводы, подтверждающие антихристианскую направленность деятельности Святополка, позволяют анализировать ее еще с одной точки зрения — в фокусе религиозно-политической борьбы, разгоревшейся после введения христианства. На наш взгляд, ни одно событие, происшедшее в Киевской Руси конца X — начала XI в., неправомерно рассматривать в отрыве от этого важнейшего процесса. Считаем, что решение конкретной проблемы — взаимоотношений между сыновьями Владимира — возможно только при условии одновременного исследования всех источников и только в связи с процессом христианизации.

Важно подчеркнуть, что приоритет в установлении непосредственной и опосредованной связи отдельных событий с процессом христианизации принадлежит известным советским ученым П. П. Толочко и А. С. Хорошеву. Именно П. П. Толочко, анализируя положение князя Владимира в конце правления и соотнося его с введением христианства, впервые отметил, что в условиях острейшего противоборства двух идеологий решительный отказ от традиций грозил серьезными неприятностями, отстранением от власти, а то и смертью¹³. В этой же связи А. С. Хорошев предполагает, что Святополк был некоторое время регентом Владимира, потому он стал править в Киеве после смерти отца¹⁴.

Итак, надежды Владимира на помощь сыновей при введении новой религии не оправдались. Христианизация центра Руси началась в 990 году, удельные же земли включились в этот процесс через десять — двадцать лет. Дело в том, что старших сыновей Владимир отправил на посадничество до 988 года, значит, они ушли править уделами, еще не приняв христианство. За это время они вжились в местную среду и, естественно, не были свободны в своих действиях. Не могли удельные князья принять христианство единолично, не считаясь с интересами своего народа и местной знати. Поэтому христианство проникало в окраинные земли с трудом.

Наше обращение к исследованиям ученых разных

областей научного знания понадобилось для подготовки следующих выводов. Во-первых, есть все основания и данные для того, чтобы признать фактом непрерывное пребывание Святополка на киевском столе с 1013 по 1016 год. Во-вторых, негативное отношение Святополка к христианству дает возможность судить, что в этот период его усилиями был приостановлен процесс христианизации. Поэтому можно предполагать, что восстание в Новгороде против Ярослава и засилья варягов было не чем иным, как поддержкой Святополка.

Подводя итог событиям 1015 года, мы должны заметить, что каких-либо столкновений между Святополком и Ярославом в этом году не было. Ярослав только еще готовится к походу на Киев, собирает силы. Но движет им не желание отомстить за смерть Бориса и Глеба, хотя на этом упорно настаивают летописи. Братья еще живы. Ярослав готовится уничтожить «крамолу», которая вернула южные земли Руси к прежней религиозной системе.

Хотелось бы попросить прощения у читателя за столь пространные рассуждения по поводу событий 1015 года (смерть Владимира и вокняжение Святополка). Но без них не могут быть поняты последующие события.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

*О событиях 1016—1017 годов,
на первый взгляд незначительных,
но на самом деле определяющих развязку*

1016 год. О ходе событий в этом году идут длительные дискуссии. Одни исследователи упорно стоят на том, что поход Ярослава на Киев был в 1015 году, другие собирают факты, относящие его к 1016 году. В предыдущей главе нами высказывалась мысль о том, что Ярослав занимался осенью, зиму и лето сбором новых дружин, сватовством к Ингигерде и женитьбой. Поэтому, согласно нашим расчетам, раньше лета 1016 года выступить в поход он не мог.

Довольно однозначно и последовательно события конца 1015 года излагает «Повесть временных лет»: «И пошел на Святополка, услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом». Сразу же после этого сообщения идут уже сведения 1016 года: «Пришел Ярослав на Святополка, и стали тот и другой по обе стороны Днепра, и не решались начать бой ни эти против тех, ни те против этих, и стояли три месяца друг против друга» (ПВЛ. Ч. 1. С. 296). Из дальнейшего текста следует, что стояли до наступления заморозков, т. е. до осени.

И здесь мы видим в летописи явное временное несоответствие. Если враждующие стороны встретились в конце 1015 года, то сражение произошло в марте. Но о каких заморозках может идти речь? Вероятнее всего, в летописях ошибка. События происходят осенью 1016 года, примерно в ноябре, когда у берега и на мелководье уже стоит лед, но переправа в лодках еще возможна.

Таким образом, Ярослав вышел из Новгорода в июле — августе, три месяца стоял на берегу Днепра, не решаясь приближаться к Киеву, и здесь его напел Святополк. Анализ «Эймундовой саги» и Новгородской летописи утверждает нас в мысли, что битва состоялась в ноябре 1016 года. Уточнение времени сражения позволяет еще раз убедиться в том, что Святополк правил в Киеве едва ли не до конца этого года.

Не будем пока вдаваться в дискуссии по поводу продолжительности противостояния, рано или поздно битва произошла. Цитируемая «Повесть временных лет» рассказывает: «Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною своею. Ярослав же наутро, приготовив дружину свою к бою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, они оттолкнули ладьи от берега и пошли в наступление, и сошлись обе стороны. Была битва жестокая, и не могли из-за озера печенеги прийти на помощь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили они [воины Святополка] на лед, и подломился под ними лед, и одолевать начал Ярослав. Увидев это, Святополк обратился в бегство» (ПВЛ. Ч. 1. С. 296). Из приведенного текста видно, что войска Ярослава в более выгодном положении, у них есть возможность переправляться на лодках. Воины же Святополка ступили на лед и начали проваливаться. Им некуда деваться, как-будто сама природа зажала их между двух озер и рекой с обманчивым льдом.

Для сравнения приведем текст из «Эймундовой саги», где, мы уверены, описано это же событие: «„Между тем, мы, Нордманны, не сидели праздно: все наши ладьи и военный снаряд [снаряжение] оттащили мы вверх по реке. Мы отправимся туда с нашими людьми и нападём на них в тыл, а ставки [шатры] пусть стоят здесь порождение: вы же поспешите как можно скорее завязать бой при помощи своих людей“. Так и сделано: поднялся бранный клик, возвысили знамена и распределили рать к войне. Оба ратные народа сошлись вместе: наступила страшная битва, и гибло очень много людей. Конунг Эймунд и Рагнар направили на конунга Бурислейфа сильный удар, напав на него по ту сторону щитов [с тыла]: воспоследовала жесточайшая битва и резня. Вслед за тем Бурислейфова рать была сломана, и его люди начали бежать. Но Эймунд заступил им путь, и избил такое множество мужей, что долго было бы прописывать имена всех их. (Вражьи) полчища были опрокинуты, так что (скоро) не с кем было сражаться; а те, которые остались целы, разбежались по лугам и по лесу, чтоб спасти жизнь свою: но в этой суматохе пронесся слух, будто и сам конунг Бурислейф убит». Исследователи саги утверждают, что это было первое сражение Эймунда на Руси и произошло оно в 1016 году.

Сопоставив оба источника, мы обнаружим как общие так и отличия при описании битвы. Едины они в изобр:

*Наступила страшная битва,
и гибло очень много людей.*

жении места действия, в том, что был предпринят обход с тыла. И летопись, и «Эймундова сага» сообщают о руководстве сражением Ярослава, об участии в нем варягов и о поголовном разгроме врага. Но в первом источнике войска противника Ярослава возглавляет Святополк, во втором — Бурислейф. Нет здесь сведений и об отступлении на лед.

Новгородский летописец освещал битву при Любече ближе к тексту «Эймундовой саги», уточняя некоторые детали: новгородцы переправляются ночью, обвязывают головы белыми убрусами и побеждают Святополка на рассвете. Но, по мнению новгородского летописца, он бежит к печенегам. Сага, как относительно нейтральный источник, убеждает в достоверности событий. Сомнений быть не может: перед нами описание одного и того же сражения, но некоторые детали нуждаются в уточнении.

Первое, и самое важное. Бурислейф (Борис) пришел к месту сражения с печенегами, именно поэтому он представляется главным противником Эймунду. О том, что печенеги были лишь свидетелями события, говорит и летопись. Но что объединяло Бориса с ними — пока неизвестно. П. Голубовский считал, что Святополк в каждом случае нанимал печенегов и с ними боролся против Ярослава, самого яркого в то время представителя федеративных устремлений¹.

Думаем, что Святополк состоял в союзе с Борисом, которого отправил за помощью к печенегам. С ними он пришел к месту сражения, но что-то сдерживало печенегов, они не приняли участия в битве. Возможно, их не удовлетворяли условия найма.

В обоих описаниях сражение выглядит показательным тактически: русская летопись демонстрирует первую казнь злодея, а «Эймундова сага» показывает, что Эймунд хорошо отрабатывает большое содержание. Но вполне вероятно, что опытный воин Эймунд продемонстрировал молодым русским князьям свое тактическое превосходство.

Второе уточнение требуется в связи с продолжительностью стояния. Известно, что в Древней Руси, как и в других странах, тактика ведения боя сводилась к следующему: войска становились друг против друга, демонстрировали свои силы, изучали местность и это могло продолжаться весьма долго. Одновременно велись переговоры и разведка. Не исключено, что в данном случае варяги подошли позже и потому простояли только

четыре дня, как указано в «Эймундовой саге». В заждавшихся битвы, оторванных от баз снабжения новгородских войсках началось брожение, и Ярослав сразу же после прибытия варягов начал сражение.

Обратимся к итогам, а они таковы: как сообщает Лаврентьевский список летописи, Святополк ушел после поражения в Польшу, Новгородский и сага — к печенегам. Исследователи, решая этот вопрос, полагались в основном на интуицию. Наше решение проблемы состоит в следующем: Святополк участвовал в сражении не один. С печенегами, как мы говорили, пришел Борис. Судьбу Святополка, ушедшего в Польшу, проследил Лаврентьевский список, составленный в Киеве. Разночтения летописей можно объяснить только этим.

В этом месте необходимо отклониться от наметившегося плана изложения проблемы и взглянуть хотя бы мельком на русско-печенежские связи. Без их анализа мы не сможем понять роль Бориса в исследуемый период и ответить на уже возникшие вопросы: почему именно Бориса послал Владимир к печенегам в 1015 году? каким образом Борису удалось привести печенегов на битву у Любеча? почему он ушел с печенегами после поражения?

Русско-печенежские связи в русской исторической науке почти не изучались. Лишь несколько ученых обращались к этой проблеме: русский историк П. Голубовский и советская исследовательница С. А. Плетнева. Известнейшие историки прошлого М. П. Погодин, С. М. Соловьев, М. В. Довнар-Запольский, Д. И. Багалей, В. О. Ключевский сформировали в отечественной науке мнение, что кочевые племена, и прежде всего печенеги, являлись несчастьем Руси, мечом, занесенным над Киевом. Категоричность этой оценки не содействовала умножению исследований, потому о печенегах и других кочевниках нам известно крайне мало.

Между тем печенеги, унаследовавшие культуру сарматов, во многом были близки к уровню материальной и духовной культуры Древней Руси. Довольно схожи культура скотоводства, ремесла и земледелия, обрядовая культура еще ближе и даже более совершенна по сравнению с Русью (если можно так сравнивать). Славяне покупали у печенегов племенной скот, некоторые ремесленные изделия, товары из кожи. Охотно и почти непрерывно обменивались продуктами земледелия и воинским снаряжением. Торговля не прекращалась

даже в период военных действий. Печенеги с почтением относились к купцам, потому случаев ограбления их неизвестно. Затруднена была транзитная торговля, которая предполагала найм проводников, бесконечные подарки знати каждого племени и таможенные сборы. Она становилась настолько убыточной, что желающих пробираться с товарами через всю страну не было.

С уверенностью можно сказать, что существовало государство печенегов, которое варяги называли Бярмией. Это было государство военной демократии с хорошо организованной армией. Необычная тактика ведения боя: засады, заманивания, ложные отступления-ловушки наводили ужас на противника. Несмотря на то что печенеги воевали все время, единого войска и военачальника у них не было, оно состояло из самостоятельных племенных отрядов. Поэтому печенеги нередко терпели поражения от объединенных и организованных противников, в том числе и от древнерусских дружин.

Основным средством ведения и решения межгосударственных проблем было заложничество². Печенеги требовали заложников из правящих домов Руси, Византии, Болгарии, Венгрии и других стран, с кем вели переговоры. Заложники жили под охраной, которая не столько стерегла их, сколько прислуживала и охраняла от обид. Им предоставлялось право выбирать себе невесту, в том числе из племенной знати.

Истории известно немало случаев найма печенегов на службу к правителям других стран. П. Голубовский насчитал 34 случая их вербовки русскими князьями для решения внутригосударственных проблем и отметил, что «кроме подарков, известной платы за труды, союзники обогащались большой добычей, незаконно грабя мирных жителей»³. Можно представить последствия таких наймов и таких расчетов. Печенегам порой отдавались на разорение захваченные районы, жителей которых ожидало рабство. Поэтому неизвестно, в каком случае больше страдало население — при неожиданных нападениях печенегов или при подобных расчетах с ними. Как и восточные славяне, они почти не использовали рабский труд и в основном продавали невольников в другие страны.

Удивляет и то, что постоянная борьба славян с печенегами не нарушала в целом доброжелательных отношений. Они откликались на зов о помощи, давали приют у себя опальным князьям, а отдельные представители

их знати находили убежище на Руси. С 915 года до второй половины X в. руссы и печенеги жили дружно и мирно. Не случайно у обеспокоенного этой дружбой Константина Багрянородного появилась запись: «Руссы стараются быть в союзе с ними и получать от них помощь»⁴.

Печенеги участвовали в походах Руси 944 и 965 годов на Византию. Видя это единство действий, византийский император делает все, чтобы его разрушить, и добивается своего. У ряда исследователей нет сомнений в том, что убийство Святослава Игоревича печенегами — результат дипломатии Византии. Можно сказать, что после этого ужасного события отношения между восточными славянами и печенегами обострились. В 977 году они уже владели территориями на расстоянии двухдневного конного перехода от Киева. С этого времени стало традиционным положение: как только киевская дружина выходила из Киева на ратное дело, так печенеги уже у ворот города. Именно в связи с этим киевские правители искали пути для примирения с ними, а позже с торками и половцами, нанимали их и тем самым не только укрепляли свои дружины, но и сберегали Киев от нападений и разрушений.

Первая попытка найти в лице печенегов союзников в борьбе против внутренних соперников была предпринята Ярополком Святославовичем. Но наступление Владимира было столь стремительно, что он не успел воспользоваться их помощью. Успел уйти к печенегам Ярополков воевода Варяжко и долго не давал покоя Владимиру. Но и он нашел подход и нанял в 985 году печенегов и торков для похода против болгар. В целом же у Владимира были сложные отношения с кочевниками: он побеждал их в 933 году, был бит в 997 и сам едва не погиб в этом столкновении. С 997 по 1015 год печенеги в летописях не упоминаются. Может, потому, что были заняты своими проблемами — сдерживали продвижение на Запад торков и половцев, опасность с Востока отвлекала их силы.

По мнению ряда специалистов, изучающих этот период нашей истории, какую-то, возможно, даже значительную роль в налаживании отношений между соседями сыграл немецкий епископ-миссионер Бруно. Около 1008 года он был благосклонно принят князем Владимиром, который проводил его до самой границы с печенегами. Бруно, отправляясь вводить христианство

у печенегов, якобы обещал Владимиру восстановить добрососедские отношения. Печенеги откликнулись на предложение и потребовали, как это было заведено, заложника. Владимир согласился и послал одного из своих сыновей.

Анализ событий 1015—1019 годов заставляет предполагать, что это был либо Борис, либо Святополк. Последний, как мы уже отмечали, занимался в это время вопросом о своем браке с дочерью Болеслава. В пользу Бориса говорят его активные контакты с печенегами, чья страна стала для него в означенный период едва ли не местом постоянного жительства.

«Эймундова сага» сообщает, что он там временами проживал. В своих предположениях мы пойдем несколько дальше. Вполне возможно, что Борис там женился на девушке из правящего дома, иначе непонятны причины его постоянной поддержки, ведь средств для расчета с печенегами у Бориса не было. Только благодаря родственным связям он мог оказать те услуги Владимиру и Святополку, которые имели место. Отсюда еще одна посылка — Владимир послал Бориса к печенегам в 1015 году не для сдерживания их от нападения на Киев, а для заключения договора о взаимопомощи. Смерть Владимира разрушила подготовленный им план, и Борис спокойно вернулся к Святополку в Киев.

Если наша посылка выдержит самую строгую критику и будет признана верной, то в истории Бориса откроются новые страницы. Таким образом будет восстановлена истина.

Дальнейшее исследование событий также невозможно без реконструкций исторического характера. На появление одной из них повлияла интереснейшая мысль А. С. Хорошева о причинах союзнических отношений Святополка и Бориса: «Борьба за политическое господство в Северной Руси могла привести Бориса в Киев накануне похода Владимира против непокорного Новгорода»⁵. Другими словами, ростовский посадник, по мысли А. С. Хорошева, пришел в Киев с дружиной, чтобы вместе отстаивать свое право на союз с Киевом. Так мы понимаем А. С. Хорошева, тем более что дальше у него находим: «Возможно, что Ярослав, в условиях уже сложившейся антиновгородской коалиции Киева и Ростова, противопоставил ей союз Новгорода и Муром против Киева. Для муромского князя Глеба опаснее было возвышение близкого Ростова, чем далекого Нов-

города»⁶. Ученый подчеркивает, что, видимо, для связи с Ярославом Глеб выбирает дорогу через Смоленск, недалеко от которого погибает.

Эти предположения А. С. Хорошева весьма интересны и привлекательны, совершенно новый взгляд на политическую ситуацию начала XI в. Читатель, несомненно, заметил, что цитируемый нами исследователь рассматривает проблемы только политические. Но такой подход представляется нам несколько упрощенным (вспомним, что это был период введения христианства). Хочется напомнить и довольно серьезное замечание А. А. Шахматова о направлении Бориса в действительности во Владимир на Волыни.

Нам кажется более вероятным политический союз между Волынью и Киевом. Распределение сил в религиозно-политической борьбе имело прежде всего мировоззренческие основания. Борис, Святополк, Святослав и Судислав отстаивали прежнюю религию, а Ярослав и Глеб были ревнителями новой. Такое представление, думается, является более полным и содержательным. Поэтому следующая реконструкция несколько не укладывается в предшествующие исторические представления, но, на наш взгляд, имеет право на существование.

Владимир вызывает Бориса для участия в походе против Новгорода. Во время длительных сборов умирает Владимир, и Святополк занимает киевский стол. Ярослав же, чувствуя слабость нового киевского князя, собирается взять Киев, повторив «подвиг» отца. Но восстание 1015 года в Новгороде сорвало планы, ослабило Ярослава и он вынужден был искать союзников для похода на Киев. Союзнические переговоры, сватанье и женитьба отнимают массу времени и только осенью 1016 года он подходит к Киеву.

Святополк, изучив планы Ярослава, состав его сил, отправляет Бориса за помощью к печенегам. На помощь далекого Болеслава рассчитывать было трудно и бесполезно, так как весть о подходе Ярослава запоздала. Борис привел печенегов к Любечу, но здесь выяснилось, что добычей могут стать только боевые трофеи, захваченные в бою. Это печенеги сочли явно недостаточным и в бой не вступили. Киевская и Борисова дружины потерпели поражение.

Возможно и другое толкование итогов сражения у Любеча. Святополк в нем не участвовал, ибо не мог оставить без присмотра Киев и киевскую прохристиан-

скую знать и потому все сражение вел Борис. Именно его называет «Эймундова сага». Если бы Киев представляли два князя, то варяги не преминули бы украсить свой подвиг. Борис после поражения ушел к печенегам, а Святополк в поисках помощи бежит в Польшу настолько быстро, что оставляет в Киеве свою жену, которая попадает в плен к Ярославу. Позже в плену у Болеслава оказалась семья Ярослава, что послужило поводом к равному обмену.

Составитель киевского свода имел сведения об уходе Святополка из Киева и смело написал: «в Ляхы», не без основания полагая, что это единственно возможный для него путь.

1016 год завершается триумфом Ярослава. Он на киевском столе, вновь объединены Киев и Новгород. Противники разбиты, Ярослав считает, что их уже нет в живых. Торжество его безгранично, он почувствовал силу и решил избавиться от варяжских дружин, умышленно задерживая им жалованье. Через некоторое время он говорит варягам прямо: «Нет в вас больше надобности». Эймунд доказывает, что Бурислейф жив, он у печенегов и собирается на Киев.

1017 год. Два события этого года наиболее достойны внимания. Первое описано в летописи так: «В год 6526 Ярослав пошел в Киев, и погорели церкви» (ПВЛ. Ч. 1. С. 296). Более загадочного сообщения в летописи нет. Во-первых, это повтор предыдущего о том, что после победы у Любеча Ярослав пришел в Киев. Во-вторых, совершенно непонятно, почему погорели церкви? Сведения других летописей о большом пожаре в городе, о нападении печенегов не раскрывают картины. Короче говоря, до сих пор причина большого пожара в Киеве неизвестна. Понять эту фразу можно только при помощи «Эймундовой саги». Мы это сообщение не принимаем полностью, но давайте вместе вчитаемся в его строки.

Варяги не называют ни город, ни дату, но описывают приготовления города к защите, сообщают о пребывании зимой Бурислейфа в Бярмии и о скором приходе его сюда, то есть туда, где жили в это время Ярослав и Эймунд. Все указывает на то, что это был Киев.

Эймунд взял укрепление города на себя: велел рубить деревья с ветками и ставить их вокруг крепостной стены, чтобы создать помехи множеству печенежских стрел; вокруг наружной стены велел выкопать огромный

ров, а затем напустил в него воды и замаскировал ветвями; наметил местом сражения два городских воротных сооружения. План был таков: впустить степных воинов, привыкших к широкому маневру, и перебить их в городской тесноте.

Накануне того дня, когда ждали неприятеля, Эймунд велел женщинам надеть самые лучшие украшения и выйти на стены, как только появятся печенеги. По его замыслу, украшенные, улыбающиеся женщины должны были усыпить бдительность неприятеля и заманить его в город. Бурислейф с дружиной и печенегами, привлеченные гуляющими женщинами, кинулись к городу, многие попали в прикрытый ров и там погибли. Бурислейф заметил, что все ворота города закрыты, лишь двое открыты, но к ним нелегко подступиться. Ярислейф и Эймунд заняли оборону, каждый у своих ворот. Началась жестокая битва, она шла с переменным успехом. В самый решительный момент Ярислейф был ранен в ногу и Эймунд поспешил на выручку. Но печенеги уже ворвались в город. Они грабили дворцы и церкви, захватывали богатые трофеи, поджигали церкви.

Несомненно, Бурислейф — это Борис. Он пообещал им в добычу несметные богатства киевских церквей. Цель его поступка была двойной: уничтожить церкви и разбить Ярослава.

Но, занявшись грабежом, печенеги забыли о второй, основной своей задаче. Эймунд воспользовался этим и выбил из города разрушителей. Но он уже горел. Началось преследование дружины Бурислейфа и печенегов. В ходе завершающего удара был убит хоругвеносец Бурислейфа и вновь пошел слух, что сам он убит, хотя тело его не было найдено. Варяги и Ярослав победили Бурислейфа, который в очередной раз ушел к печенегам.

Важно несколько уточнить имеющиеся сведения о данном событии. **Первое** — происходило ли оно в Киеве? А. А. Шахматов не сомневается в этом, относит его к 1017 году, но обвиняет в пожаре и бесчинствах варягов⁷.

Мы не можем поддерживать это мнение, так как считаем: основной виновник пожара — печенеги. Если бы это были варяги, они разграбили бы город еще в 1016 году, когда только вошли в него. Кроме того, варяги были христианами, почему же они бросились

грабить храмы? Позже и сам Шахматов склонился к мысли, что Киев сожгли и ограбили печенеги⁸.

Второе уточнение требуется в связи с определенным сходством в описании событий 1017 и 1036 годов в различных древнерусских источниках и даже некоторым повтором, связанным с закладкой Золотых ворот и св. Софии на месте, где были разбиты печенеги. Думается, что повтор этот вызван необходимостью восславить ратный подвиг Ярослава.

Нельзя оставить без внимания и указания различных источников о количестве сожженных церквей в Киеве, оно колеблется от 400 до 600. Поверить в это не могут даже откровенные апологеты православия. Епископ Кирион, историк Ю. А. Гогельмейстер предлагали различные расчеты. Последний привел следующий: он взял наименьшее количество дворов на одну церковь — 30. Получалось, что в Киеве 21 тысяча дворов, а если в каждом из них по 6—8 жителей, то население Киева превышало 150 тысяч человек, что составляло для тех времен невероятную цифру⁹. В городе жило примерно 30 тысяч, потому получается, что на церковь приходилось 5—10 человек.

Успешное сражение вдохновило Ярослава — в течение года две блестящие победы. Он решает окончательно разделаться с противниками и готовит поход на запад, против Болеслава и Святополка. Напомним, он не знает о судьбе Бурислейфа и считает его погибшим. В «Повести временных лет» этот поход отнесен к 1018 году, но большинство источников датирует его годом раньше. Особенность сообщения «Повести» в том, что инициативу она приписывает Болеславу, который якобы вместе со Святополком готовился к сражению: «Пришел Болеслав (король польский) со Святополком и поляками на Ярослава. Ярослав же, собрав Русь и варягов и словен (новгородских), пошел навстречу Болеславу и Святополку, и пришел к Воляню, и стали они по обе стороны Буга» (ПВЛ. Ч. 1. С. 296).

Однако обстановка была сложнее, чем представляют ее летописи. Чтобы обезопасить себя в случае нападения Болеслава и Святополка, Ярослав заключил союз с германским императором Генрихом II и осенью 1017 года сам напал на Болеслава. Ряд летописей лаконично сообщают: «Ярослав иде к Берестью». Оно принадлежало в это время Польше и потому фразу надо понимать буквально — Ярослав идет на противника. Но взять

Берестье он так и не смог. Ф. И. Успенский усматривал в договоре Ярослава с Генрихом II дальновидность русского князя¹⁰.

Нам кажется, что события на Буге должны рассматриваться не только с позиции превознесения мудрости Ярослава. Оценки должны отражать действительные исторические события. В связи с этим необходимо до конца раскрыть позицию Ярослава, в действиях которого еще раз проявилась его агрессивная сущность. Ведь Болеслав, несмотря на родственные связи со Святополком, не спешил воевать с Ярославом. Вечная занятость урегулированием польско-германских отношений настойчиво диктовала необходимость сохранения мира на Востоке. Ради решения своих проблем Болеслав был готов поддержать любого правителя в Киеве. Подтверждением этому является его стремление породниться с Ярославом, взяв в жены сестру Ярослава Предславу, что должно было укрепить польско-русские связи. Ярослав же искал любые предлоги отомстить покровителю Святополка и не пошел на матримониальный союз.

Думается, что побочной причиной похода было стремление Ярослава навести порядок в Западной Руси, которая открыто не поддерживала ни одну из группировок, но явно игнорировала самозванного киевского князя. Именно в этом походе Ярослав имел возможность столкнуться с князем древлянским Святославом, через земли которого он прошел по дороге к Берестью. Судьба Святослава, вполне возможно, оказалась в руках Ярослава. Нам в данном случае важно не найти убийцу Святослава, а снять подозрения со Святополка, обвиняемого летописями в этом злодеянии. Давайте проанализируем сообщение летописи и попытаемся доказать его невиновность.

Во-первых, из летописи следует, что Святополк убивает уже третьего брата и после его убийства внезапно решил: «Перебью всех братьев своих и стану один владеть Русскою землею». Но после этого заявления он не убивает никого, в то время как агрессивность Ярослава, стремящегося любыми методами добиться единовластия, все возрастает.

Во-вторых, анализ текста дает основания полагать, что это позднейшая вставка, призванная окончательно убедить всех в виновности только Святополка в междоусобной войне.

В-третьих, есть основания полагать, что Святослав

также был противником введения новой религии. О том, что он по крайней мере не содействовал ее распространению, говорит факт отсутствия христианства у древлян в XI в.

Но вернемся к сражению. Летопись описывает его так. Ярослав подошел к Бугу и встретился с Болеславом. Затем последовала перебранка, взаимные оскорбления, которые должны были накалить страсти. Первым не выдержал Болеслав и, сев на коня, пустился через реку, а за ним воины его. «Ярослав же не успел собрать воинов и победил Болеслав Ярослава. Ярослав же бежал с 4 мужами в Новгород» (ПВЛ. Ч. 1. С. 296).

Варяги вообще не сообщают нам о сражении, хотя и участвовали в нем. Мы объясняем это нежеланием оставлять потомкам свидетельства их поражения.

Лишь Титмар Мерзебургский дает более пространное описание боя, расстановку сил и показывает полное отсутствие полководческого таланта у Ярослава.

Как видим, сражение освещено крайне плохо как в русских, так и в скандинавских источниках. Оно и понятно — его итоги не прибавляли славы ни Ярославу Мудрому, ни Эймунду Смелому.

Ясно одно: Ярослав потерпел сокрушительное поражение, сбежал в Новгород и собирался бежать дальше — в Скандинавию. Но, согласно летописи, Константин Добрынич вместе с новгородцами удержали его. Они помогли собрать и вооружить новое войско за счет дополнительной дани с каждого двора.

Дальнейшие события вновь оторваны от временных координат, происходят едва ли не в один день. Месть очень скоро на руку. Летописец торопится все расставить на свои места.

Мы же подведем итоги событиям 1016—1017 годов. Главным действующим лицом в них оказывается князь Борис. Но каждый, кто читал летописи и «Сказание о Борисе и Глебе», воспринял информацию о том, что он погиб в 1015 году, и высказанные выше предположения о роли Бориса в исследуемых событиях не всеми будут приняты. Поэтому еще раз приведем наши аргументы.

Во-первых, они построены на анализе предшествующих событий в Ростове. Мы заметили, что никаких следов деятельности Бориса там нет. Затем приняли посылку А. А. Шахматова, что он был не в Ростове, а во Владимире, где также нет свидетельств его участия в

христианизации. Переворот в нашем сознании совершила «Эймундова сага». Если глубоко ее проанализировать и сравнить с нашими источниками, то исчезнут все сомнения относительно деятельности Бориса в 1016—1017 годах.

Во-вторых, если не было Бориса со своей дружиной и печенегами, то кто их привел к Любечу? кто штурмовал Киев в 1017 году? Ведь Святополк в это время был в Польше. И самое главное — нам вместе предстоит завершить историю Бориса в следующей главе. Она должна помочь нам до конца понять его роль в этих событиях.

У современного историка, к счастью, есть право подобным образом понимать события того времени. Полное отсутствие данных о содействии Святополка, Бориса и Святослава проведению христианизации дает возможность несколько нетрадиционно объяснить их действия. И в самом деле. Согласно древнерусским источникам, складывается довольно странная ситуация: князья дерутся, убивают друг друга, а процессы, происходящие в стране, их не касаются.

В действительности же мировоззренческие проблемы находились на первом плане. Борьба двух идеологий не могла оставить в стороне ни одного человека. Не были безразличны к ней Вышеслав новгородский и Изяслав полоцкий, но и они не названы ни среди сторонников христианства, ни в числе противников. Первоначальный летописец сознательно обошел этот вопрос. Используя его сведения, а также другие источники, мы можем отнести к ревнителям веры только Ярослава и Глеба, хотя участие второго в распространении христианства довольно проблематично — нет ни одного факта пропаганды им новой религии. О его принадлежности к христианству можно судить только по противопоставлению Глеба Борису.

А. С. Хорошев заметил и выделил ряд примеров, свидетельствующих о враждебности «святых братьев», о более раннем возникновении культа Глеба, большей благосклонности Ярослава к нему, а не к старшему и якобы первым убитому брату¹¹. Создается впечатление, что не оба они пожертвовали собой ради торжества идей Ярослава. Искусственное стимулирование глебовского культа, преобладание глебоборисовского культа над борисоглебским отмечал и известный советский ученый М. Х. Алешковский¹².

Выделенные А. С. Хорошевым и М. Х. Алешковским особенности окончательно убеждают нас, что единственным союзником Ярослава был Глеб. Именно он (Ярослав) предупреждает Глеба об опасности, удерживает от посещения Киева.

Летописец вслед за Ярославом как бы оберегает Глеба, переживает вместе с ним. Он показывает, что Глеб «не хотел», чтобы его тело положили в одной усыпальнице с Борисом: «После того, взяв Глеба в гробу каменном, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли его. Когда были уже в дверях, остановился гроб и не проходил. И повелели народу звать: "Господи, помилуй" и повезли его» (ПВЛ. Ч. 1. С. 322). Это был, на наш взгляд, своеобразный протест против смертного объединения бывших врагов в одной усыпальнице.

На основе уже известных событий можно смело сказать: на Руси существовала сложная религиозно-политическая обстановка. Конфронтация братьев была вызвана не причинами личностного характера, а сложными религиозными и политическими проблемами. Совершенно ясно, что существовали по крайней мере две религиозно-политические группировки во главе с Ярославом и Святополком.

Антихристианская партия была более многочисленна, но менее организована. Часть князей, разделявших религиозные взгляды Святополка, занимала выжидательную позицию. Их-то, выжидающих, и уничтожил в первую очередь Ярослав после победы над Святополком.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О событиях под Киевом, почти детективных, но самых значительных и интересных

Напомним последовательность происшедших событий: в конце 1016 года Ярослав занимает Киев, в 1017 происходит сражение под Киевом между Ярославом и Борисом, а потом Ярослав идет к Берестю, терпит поражение и убегает в Новгород.

1018 год. Пока Ярослав собирает силы, Болеслав 30 января заключает мир с Германией и готовится к походу на Киев, чтобы возвратить Святополка на Киевский стол. 22 июля 1018 года он выступил в поход. В составе его войск 300 немцев, 500 угров, 1000 печенегов — все наемники, и основной костяк — воины Болеслава. Из разных источников известно, что среди них шел русский князь, но ни один не называет его имени. Думаем, что это был Святополк с остатками своей дружины.

Буквально через две недели войска Болеслава, нигде не встречая сопротивления, подошли к Киеву. 4 августа именитые горожане, в том числе и представители духовенства, встречали победителей.

О пребывании Болеслава в Киеве нет достаточно полных сведений. В одних источниках речь идет о десяти месяцах, другие отводят не более месяца. Известно, что здесь он захватывает в плен семью Ярослава, посылает послов из Киева к византийскому императору и в Рим, пишет Ярославу письмо с предложением об обмене пленными (ведь у Ярослава в плену его дочь). Но Ярослав отказывает в обмене. В летописях есть записи о том, что Болеслав изнасиловал Предславу, которую ранее Ярослав не отдал ему в жены.

Очень много гипотез высказано по поводу отправки Болеславом посольств в центры христианства. Думается, что это, скорее всего, обыкновенная демонстрация своих успехов как миротворца, своего растущего международного авторитета. Известно, что Болеслав в эти годы настойчиво добивался королевской короны. Заслуживает внимания и предположение, что он завершал выбор ориентации польской церкви. Поэтому велись переговоры с обоими центрами, подыскивался более

удобный вариант, обеспечивающий самостоятельность национальной церкви. В любом случае переговоры из Киева не имели отношения к русским делам.

В «Повести временных лет» к 1018 году отнесены следующие эпизоды: поражение Ярослава на Буге, занятие Болеславом Киева, изгнание Святополком поляков из Киева и какое-то неизвестное сражение Святополка с Ярославом под Киевом: «И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк к печенегам» (ПВЛ. Ч. 1. С. 296—297). События разных лет вновь перепутаны. Лишь иностранные источники, в частности хроника Титмара, дают возможность строго их датировать.

Вместе с тем действия самого Болеслава привлекают внимание ученых своей неординарностью. С одной стороны, непонятное милосердие, как будто бескорыстный патронаж. Он едва ли не как мальчишку уже второй раз привозит Святополка в Киев и усаживает на трон. Не стал преследовать убегающего Ярослава и, более того, ведет с ним переговоры, инициатором которых также является сам.

С другой стороны, известно, что он собирает драгоценности в виде подарков и дани, увозит пленных из страны, которую освобождал для Святополка и... оставляет на Руси два центра (Киев и Новгород), двух правителей, готовых вновь вступить в борьбу. Почему он не завершил начатое дело?

Может быть, Болеслава больше устраивала междоусобная борьба, чем сильный сосед за спиной, способный в любое время заявить о себе и потребовать возврата некоторых территорий? О каких-то довольно серьезных противоречиях между Святополком и Болеславом говорят летописи в сцене изгнания поляков из русских городов. Думается, она возникла как реакция на захват Болеславом Червенских городов. Мол, сделал он это с обиды за выдворение из Киева. На наш взгляд, это специальная дорисовка образа Святополка, который вместо благодарности тестю изгнал его из Киева. Ему, убившему братьев, ничего, дескать, не стоило убить и тестя. Летописец представляет события таким образом, что Болеслав якобы еле ноги унес от окаянного зятя.

Нам представляется, что Болеслав был в Киеве не более месяца. После взятия города он рассчитался из киевской казны с наемниками и отпустил их по домам, а вскоре и сам отправился в Польшу, чтобы успеть до наступления осенней распутицы. По дороге домой он

подчинил Червенские города. Это было бескровное мероприятие, своеобразная плата Святополка за последнюю услугу. Что касается пленных, то это были люди, близкие Ярославу: сестры, мачеха, а возможно, и дети. В обмен на них Болеслав рассчитывал освободить свою дочь. Среди пленных в качестве заложников могли быть и бояре Ярослава. Известно, что несколько позже обмен все же состоялся.

Но вернемся немного назад. Во время пребывания Болеслава и Святополка в Киеве к городу осторожно приближается Ярослав. Он скрытно располагает свою ставку в Вышгороде — поместье киевских князей — и ведет отсюда разведку, устанавливает связи с прохристианской знатью Киева. От них он узнает, что Борис жив и находится у печенегов. В открытое сражение «пощипанному» на Буге Ярославу идти нельзя, и он выбирает иную тактику.

Уважаемый читатель! Мы приближаемся к развязке и потому хотелось бы несколько уточнить ее время. Речь идет об убийстве Бориса. Летописи указывают 24 июля 1015 года. Но мы уже убедились, что дата ошибочна. Идет 1018 год, а Борис жив. Здесь следует подчеркнуть, что летописный рассказ об убийстве Бориса — сочинение насквозь надуманное и преследует определенные нравственные и политические цели. Ему не доверял и А. А. Шахматов, считая, что «Сказание о Борисе и Глебе» — искусственно созданное произведение, построенное так, что невозможно выделить факты. Оно носило характер политический работы, поэтому «приняться за таковую приличествовало и летописцу»¹.

О событиях этого времени красочно и в деталях рассказывает также «Эймундова сага». Напомним, что ей не доверяют многие исследователи и всячески игнорируют этот шедевр скандинавской литературы.

А. И. Лященко, один из лучших исследователей саги, считал, что «этот эпизод из саги не вошел в летопись, так как не допускалась возможность появления даже тени подозрения об участии Ярослава в этом деле»².

Н. Н. Ильин, отмечая великую историческую ценность саги, говорил, что русское предание по сравнению с нею отрывочно и противоречиво³. Анализируя содержание саги и особенно той ее части, где речь идет об убийстве Бурислейфа, он обнаруживает поразительное ее сходство со сценой убийства Бориса, описанной в «Сказании».

Сведениям саги склонны верить многие советские ученые, но полное признание ее сдерживается воспитанной в нас классиками русской истории традицией преклонения перед летописью. Один из исследователей этого периода строго предупредил нас: «Хватит критиковать и анализировать недостатки летописи». Для современной истории она, мол, представляет огромную ценность. Ничуть не умаляя достоинств этого памятника древнерусской литературы, мы все же осмеливаемся назвать «Эймундову сагу» бесценным документом в освещении данного периода. Думается, нет смысла и дальше доказывать ее превосходство. Сегодня каждый исследователь вправе иметь и отстаивать собственную концепцию, для обоснования которой он изберет соответствующие источники и сам определит их достоверность.

Не сомневаясь в достоверности информации саги, приступаем к анализу событий с ее помощью.

Из саги следует, что Бурислейф после поражения под Киевом (1017 год) провел зиму у торков и белокуманов (половцев), набрал среди них войско и снова двинулся к Киеву.

Эймунд узнает о приближении Бурислейфа и советует Ярислейфу расправиться с братом, «потому что никогда не будет конца этим суматохам, пока вы оба остаетесь в живых». Этот совет не сразу повлиял на выработку Ярославом окончательного решения. Он дает уклончивый ответ, который в то же время содержит одобрение замысла Эймунда. Мы не будем пересказывать содержание главы «Эймунд умерщвляет конунга Бурислейфа». Предоставим читателю возможность сделать это самостоятельно и сравнить с соответствующим отрывком из «Сказания о Борисе и Глебе».

После изучения материалов в сознании складывается следующая картина. Бурислейф приближается привычным путем к Киеву и останавливается в излюбленном месте. Убийство происходит глубокой ночью. Убийцы проникают в шатер и расправляются со всеми, кто там ночевал. Остальные узнают об этом утром. Они возмущены варварством, подозревают друг друга и, переругавшись, расходятся. В обоих произведениях есть обезглавленный труп. Без сомнения, в них описано одно и то же событие, только герои расставлены по-разному.

Нельзя не отметить, что сага достаточно полно раскрывает всю сложность ситуации, сложившейся в

стране. Призыв Эймунда покончить с разногласиями, убив Бурислейфа, — не эпический прием составителей саги. Это вывод, характерный для подлинно исторического сочинения. Подчеркивая его, мы одновременно выделяем интересную мысль: Эймунд считал Ярислейфа и Бурислейфа основными политическими противниками.

С этого момента переходим к обозначению наших героев собственными именами, так как ясно, что это именно они.

Убийство Бориса стало для Ярослава политической необходимостью. Хотя он и не дал определенного ответа на предложение Эймунда убить Бориса, но уже понимал, что тесно им будет дальше на Руси и потому обещал не порицать его убийц.

Ряд ученых обратили внимание на наблюдение Д. В. Айналова, который при изучении миниатюр Сильвестровского сборника XIV в. и Радзивилловской летописи особо выделил сцену прихода убийц Бориса с докладом к Святополку. Так подписаны миниатюры в летописях, но их можно было бы подписать и иначе. На миниатюрах предводитель варягов протягивает князю красную шапку убитого Бориса, а в саге — отрубленную голову: «На! Вот тебе голова, господарь! Можешь ли ее узнать?» — воскликнул Эймунд.

Несомненно, это один и тот же эпизод, только вместо шапки — голова, а вместо Святополка — Ярослав. Документальная передача сагой событий позволяет в деталях представить происходящее: «Конунг покраснел при виде этой головы... "Опрометчивое дело вы сделали, и на нас тяжело лежащее!"». Тут же он приказал варягам похоронить Бориса, да так, чтобы не знало население. Что они и сделали, схоронив Бориса в Вышгороде, где в это время находилась ставка Ярослава.

Таинственное появление могилы, исчезновение князя Бориса вызывало повышенный интерес, появились самые невероятные слухи. Когда же выяснились некоторые детали, то сострадание к погибшему постепенно породило мистический страх. Толки о смерти Бориса были настолько невероятны, что даже сам Ярослав задумался о мерах, которые могли бы их несколько умерить и успокоить. А. С. Хорошев считает, что чрезмерная идеализация Бориса не была удобна Ярославу, поэтому он специально выдвинул в число безвинно

*На! Вот тебе голова, господарь!
Можешь ли ее узнать?*

убиенных братьев не менее таинственно погибшего Глеба. Тело его переносится в Вышгород, ближе к могиле Бориса, а соответственно, формируется и образ окаянного убийцы — Святополка⁴.

Где и когда погиб Глеб — самая сложная загадка, почти неразрешимая из-за отсутствия источников, альтернативных «Сказанию». Но кто убил Глеба — можно предполагать. В сказаниях и житиях ответ однозначен: вся вина списывается на Святополка, причем подчеркивается, что он поступил, как Каин. Глеб — это ветхозаветный Авель, и тот и другой должны страдать на этой земле.

Думаем, что в его смерти не повинен ни Святополк, ни Ярослав. Эту гипотезу подтверждает сообщение из повести «О водворении христианства в Муроме», где говорится, что население Муромы не хотело «крести́тиша» и отвергло князя-христианина⁵. Дружинники и местные жители могли убить его по дороге в Новгород, чтобы не дать соединиться с Ярославом.

Такой подход снимает ряд проблем: почему Глеб оказался под Смоленском? почему его убил собственный повар Торчин? Трудно поверить в то, что специально посланные люди могли на ходу уговорить Торчина свершить приговор. Ясно, решение было чем-то глубоко мотивировано, возможно, завершило многолетний спор.

В отношении убийц Бориса все понятно. Ярослав руками варягов ликвидировал политического противника номер один, который обеспечивал связь Святополка с кочевыми народами. Смерть Бориса оборвала нить и тем приблизила полную победу Ярослава.

Наше представление о виновниках убийства Бориса не является историческим открытием. Интуитивные предположения об убийстве Бориса Ярославом появлялись в разное время в работах М. Х. Алешковского, Н. Н. Ильина, А. С. Хорошева. Все они базируются на одном и том же материале и расходятся лишь в датировке смерти. Но в целом можно констатировать, что такое развитие событий и разрешение противоречий становится все более приемлемым в широких научных кругах.

Итак, Борис погибает в конце лета — начале осени 1018 года. После его смерти Святополк остается в одиночестве.

Если обратиться к летописным источникам, то складывается следующая картина: Святополк под ударами

Ярослава вынужден бежать к печенегам. Там он якобы нанимает дружину и идет в который раз на Ярослава. Но супостата ждала «справедливая кара», законная месть на Альте. Именно здесь в соответствии со «Сказанием» Святополк убил Бориса в 1015 году. Поэтому, по традициям летописания, месть должна произойти там, где совершилось зло. И вот что нам сообщается о последнем сражении на Альтском поле, почти на границе с печенегами, неподалеку от Переяславля, год 1019.

Ярослав на месте убийства. Христолюбивый и мудрый князь кипит от возмущения, он готов отомстить Окаянному, воздевает руки к небу и говорит: «Кровь брата моего вопиет к тебе, владыка. Отомсти за кровь праведника этого, подобно тому как отомстил ты за кровь Авеля, осудив Каина на стенания и содрогания. Так поступи и с этим». Помолился и сказал: "Братья мои! Хоть телом вы отошли отсюда, но молитвою помогите мне против врага этого — убийцы и гордеца". И после того как он это сказал, противники двинулись друг на друга, и покрыли поле Альтское множеством воинов. Была же тогда пятница, на восходе солнца сошлись противники, и бой был жестокий, какого не было на Руси, и, за руки хватая друг друга, рубились, и сходились трижды, так что по низинам кровь текла» (ПВЛ. Ч. 1. С. 297).

Но пусть не содрогается читатель от страха. Не было этой ужасной битвы.

Сражение на Альте 1019 года — результат искусственных построений, основанных на принципе: зло наказано на месте преступления. Придуманно оно для торжественного завершения божественной кары невероятно окаянного преступника. Да летописец и не описывает сражения. Он озабочен тем, как бы красочнее передать пафос молитв Ярослава, подготовку божьего суда и сам суд. Отсюда и повтор фраз, где проводится единственная мысль: «Ярослав мстит за невинную смерть». Именно это должен запомнить потомок. Альтская битва как бы завершала третье и решающее наказание Святополка — зло должно быть наказано трижды. И в этом сражении трижды сходятся и расходятся противники. Думается, это своеобразный эпический прием, не имеющий под собой почвы.

Битва могла быть в любом месте Руси, но так же неминуемо было поражение Святополка. В этом убе-

ждает анализ расстановки сил. В очередной раз привел его Болеслав в Киев и посадил на стол. Но опять Святополк не смог удержать власть. Потеряны после гибели Бориса союзники-печенеги, разбиты войска союзных княжеств, нет поддержки киевской знати — она окончательно перешла на сторону Ярослава, ждет его прихода и готова помочь. Достаточно было небольшого сражения где-нибудь под Киевом, чтобы завершить спор. Поэтому отступление Святополка на границу с печенегами совершенно необъяснимо. Он мог дать сражение и у стен крепости.

На наш взгляд, все делалось для усиления значения суда божьего. Последние дни Святополка выдержаны в летописи в мрачных тонах, что делает искусственность построения этого сообщения еще более очевидной: «И во время бегства напал на него бес, и расслабил суставы его. Он не мог сидеть на коне и несли его на носилках. Принесли его к Берестю, убегая с ним. Он же говорил: "Бегите бегом ко мною, гонятся за нами". Отроки же его посылали посмотреть: "Не гонится ли кто за ними?" И не было никого, кто бы гнался по их следам, и продолжали бежать с ним... Ему невыносимо было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый божьим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там кончил бесчестно жизнь свою. Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти он принял муки окаянного... посланная ему богом смертельная рана безжалостно кинула его смерти, и по смерти он, связанный, терпит вечные муки. Стоит могила его на этом пустынном месте и до сего дня, и исходит из нее смрад жестокий» (ПВЛ. Ч. 1. С. 298).

В «Сказании» после перечисления этих же кар рассказывает, что из могил «безвинно убиенных» исходят благоухания, вокруг них совершаются многочисленные чудеса. Такая прекрасная концовка заставила сказителей и летописцев отбросить все другие версии последних дней жизни Святополка. Поэтому мы сегодня и не знаем, что же произошло на самом деле. Туманные сообщения о его исчезновении между «Чахы (чехи) и Ляхы (ляхи, поляки)» не удовлетворяет исследователей. Но ни один источник не содержит каких-либо альтернативных концепций. Не может рассказать об этом времени и «Эймундова сага», так как варяги перешли на службу к князю полоцкому Брячиславу.

Однако со смертью Святополка, Святослава, Бориса и Глеба не завершилась борьба на Руси за киевский стол. Она разгорелась между Брячиславом полоцким и Ярославом. Уже в 1021 году Брячислав пошел на Новгород и взял его, «захватив с собой новгородцев и имущество их, пошел в Полоцк обратно» (ПВЛ. Ч. 1. С. 298). На обратном пути настиг его Ярослав и разбил. Это — последние сведения в летописях о двух виднейших правителях Руси.

Сага же сообщает, что борьба была длительной и одно время Брячислав даже занял Киев, изгнав оттуда Ярослава. В ходе ее, несомненно, вновь встали мировоззренческие проблемы. На это указывают сообщения о том, что Брячислав храмы порушил в Новгороде. Он и его сын Всеслав еще долго боролись против Ярослава и христианизации своего края.

Нет смысла глубже исследовать эту проблему, так как ни один источник, кроме саги, не говорит об этом. Но давайте проследим дальнейший ход событий.

В 1023 году, «когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмутаракани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове» (ПВЛ. Ч. 1. С. 299).

Не правда ли, стиль сообщений резко изменился. После многословных молитв и проклятий появляются скупые строки. Но за ними видится продолжение борьбы. Ясно, что, разгромив Святополка, Ярослав не подчинил всю Русь, не стал единовластным правителем. Ему достается, как говорили в народе, и в хвост и в гриву, он мечется по стране и не может ею овладеть. Продолжались начавшиеся при Владимире процессы феодализации и христианизации общества. Они накладывали на исторические события особый отпечаток, оттенки которого не всегда возможно учесть. С одной стороны, Брячислав, с другой — Мстислав. И оба, как и Ярослав, претендуют на всю Русь. В это же время подняли голову волхвы, вспыхнули восстания в Ростове и Суздале. В итоге Русь оказалась разделенной на три части: Брячислав и его потомки долго еще владели Полоцком и Туровом; остальная Русь по договору между Ярославом и Мстиславом была поделена на две части по Днепру.

Самым счастливым в жизни Ярослава был 1036 год, когда умер его главнейший политический противник — Мстислав. Смерть его так же загадочна, как и других

братьев. Он вышел на охоту, неожиданно разболелся и умер. В этом же году Ярослав посадил одного из последних своих братьев — Судислава — в темницу. Он, видимо, не соглашался с методами достижения Ярославом политического господства и представлял какую-то опасность не только для Ярослава, но и для его потомков. Об этом говорит факт содержания его в тюрьме до смерти Ярослава. Дети его выпустили дядю на волю, но тут же спровадили в монастырь.

Лишь полоцкие князья сохраняли независимость. Они продолжали, несомненно, дело, начатое князем Святославом.

Так закончился первый, весьма маленький этап многовековой братоубийственной войны, которую продолжили потомки великих киевских князей до XV в. Начало ее по праву принадлежит «благочестивому и мудрому» Ярославу. Такой вывод будет шокировать тех, кто не хочет глубже и критически переосмыслить нашу древнюю историю, не может расстаться с милыми сердцу идеализированными картинками «Святой Руси».

Завершив к 1036 году борьбу с основными противниками, Ярослав занялся преобразованиями, в том числе и строительством Русской православной церкви. Анализ его религиозно-политической деятельности в этот период заставляет думать, что первое время он старательно отработывает широко обещанную программу: переносит митрополию из Переяславля в Киев и закладывает собор св. Софии, начинает строительство монастыря, организует перевод религиозных книг, помогает в подготовке кадров священнослужителей и начинает формировать национальный культ святых. Поэтому летопись сравнивает его, как и Владимира, с Соломоном. Но если Владимир удостоился этой чести из-за множества жен и наложниц, то Ярослава летописец чтит за церковную деятельность: «И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей крещенных, а враг сетовал на это, побеждаемый новыми людьми крещенными» (ПВЛ, Ч. 1. С. 303). Эта фраза содержит в себе очень много информации. Она показывает, что процесс христианизации продолжается и идет весьма трудно. Вместе с тем она предназначена для демонстрации успехов в этом «божьем деле». Летописец создает впечатление, что наступил период триумфа православия, звучат фанфары и хвала блаженному Ярославу.

На самом же деле не так великолепны были дела,

как их восторженно рисует летопись. Она всего лишь рассчитывается с Ярославом за то, что он отстоял христианство. Князь Ярослав построил за свою жизнь всего четыре церкви и начал строить один монастырь. Церковные сооружения, построенные его детьми и внуками, не считаем. Собственно, лично мы их и не считали. Это сделал за нас церковный историк П. Глазунов, который с возможным тщанием проверил все древнерусские источники, но не обнаружил свидетельств, демонстрировавших успехи Ярослава в этой области⁶. Основная заслуга в строительстве Киево-Печерского монастыря принадлежит не ему (он был в правление Ярослава печерным), а его сыну Изяславу.

Пришло время кратко проследить пути трансформации исторических событий в религиозное сказание.

Бушевавшие ряд лет события, несмотря на их таинственность, становились ведомы народу, получали своеобразную интерпретацию в христианских общинах. В народе появились различные оценки братоубийственной войны, в различных социальных и религиозных группах складывались специфические основы будущего сказания. Сделанные к нашему времени анализы различных списков «Сказания о Борисе и Глебе» в основном направлены были на поиск последовательности их появления. Но различия между ними как раз в том, что они составлялись в разных слоях населения и отражали миропонимание этих групп. Естественно, что главная идея «Сказания» — прекратить братоубийственные войны. Отсюда рожденный народными массами вывод: «Из-за чего спорить? Править должен старший брат, так испокон веков было в любой семье». Его признавала и знать. Ведь в нравственном сознании право старшего давно утвердилось, стало нормой наследственного права. Общественное мнение было преднамеренно сведено к обсуждению этой проблемы.

На самом деле события 1015—1019 годов явились результатом нарушения этого права Ярославом. Деятели же церкви повернули дело другой стороной: представили нарушителем закона Святополка. Начальная информация, выдаваемая духовенством, своеобразно направляла и общественное мнение. Об этом можно догадываться, анализируя историческую обстановку. Вначале Ярослав не настаивал на обвинении Святополка в преступлениях. Более того, есть свидетельства довольно

ровного отношения к его памяти (Ярослав дает согласие называть Святополком внука).

В некоторых списках «Сказания» говорится о каких-то душевных страданиях Ярослава. О грехах своих он поведал в конце концов митрополиту Иоанну. Известия были потрясающие и вызвали неожиданную реакцию со стороны митрополита: Иоанн, немедленно собрав «поповство», велел им идти в Вышгород. Почему именно туда? Что там было примечательного? Несомненно, там был похоронен Борис. После исповеди Ярослава освятить могилу невинно убитого и отправился митрополит. С этого момента она становится объектом поклонения. Именно тогда начала формироваться легенда о безвинно погибшем сыне Владимировом, которая со временем получила новое звучание — был «найден» виновник его смерти. А после перенесения в Вышгород останков Глеба могилы приобретают статус святого места.

Возможно, инициатива снятия греха с Ярослава принадлежит митрополиту Иоанну. У него, как ни у кого другого, была возможность заложить идею и разработать сюжетную линию «Сказания». Думаем, что он — автор текста первой службы в память Бориса и Глеба.

Нельзя обойти вниманием и непосредственного свидетеля событий — Моисея Угрина, брата Георгия Угри-на, погибшего вместе с Борисом. Из жития Антония известно, что Моисей бежал с места событий к Предславе и рассказал ей о неизвестных разбойниках, напавших ночью на лагерь. Моисей находился у Предславы до победного дня Ярослава. Он, несомненно, не раз рассказывал о страшной ночи и мог быть первоисточником разошедшихся по стране слухов. Но, как и все отроки Бориса, он не знал, кто убийца, поэтому имя его в рассказе не упоминалось. Находясь под опекой Ярослава и Предславы, Моисей мог одним из первых подхватить новую версию, стать, таким образом, первым «подлинным свидетелем» и тем самым придать ей видимость правдивости.

В последующие годы наличие в одном месте, в Вышгороде, двух могил сыновей великого князя Владимира вызывало неоднозначный интерес и требовало какого-то объяснения. Слухи о таинственной гибели Бориса и Глеба обрастали новыми «подробностями». Легенды поддерживались и подогревались церковными службами в честь Бориса и Глеба, что ускоряло формирование «Сказания». Как долго оно складывалось? Основы его

были известны Ярославу, вполне возможно, что им и заложены, но окончательно оформилось оно лет через 100—130, когда события междоусобной войны стерлись из людской памяти. К этому времени закончилось формирование «Сказания о первоначальном распространении христианства», неотъемлемой частью которого стало и «Сказание о Борисе и Глебе».

Несколько ускорили оформление первых редакций «Сказания о Борисе и Глебе» попытки Ярослава канонизировать их. Его личную заинтересованность в подобном акте можно объяснить и тем, что «Сказание» должно было содействовать формированию ореола святости вокруг его великого княжения.

Наличие национального культа святых становилось проблемой политической, позволяло ставить вопрос перед Византией и Римом о национальной, самостоятельной русской церкви, что явилось важным шагом в укреплении авторитета Руси в христианском мире. Ярослав, как известно, предпринимал и другие действенные шаги в этом направлении. Имеется в виду его попытка поставить митрополитом Руси Иллариона, выходца из местного духовенства. Поэтому можно заключить, что хвала Борису и Глебу воздавалась задолго до окончательного оформления «Сказания» и до их канонизации.

У специалистов нет единого мнения по поводу времени канонизации. Большинство склоняется к тому, что это произошло не позже правления Изяслава Ярославовича. Именно по его инициативе останки Бориса и Глеба были перенесены в 1072 году из старого в новый, специально построенный храм в Вышгороде. В этом акте участвовали и другие сыновья Ярослава, а также духовенство. Все летописи перечисляют участников данного события, оно должно было знаменовать единство братьев, которого в действительности не было и у этого поколения князей. Были ли наши герои к этому мероприятию канонизированы, достоверно не известно, да это и не столь уж важно. Культ Бориса и Глеба существовал, использовался церковью и князьями для решения религиозных и политических проблем, начал приобретать государственно-политическое и идеологическое значение.

Но больше всего он пригодился Русской православной церкви для возвышения ее роли и авторитета в государстве. Проведение упомянутого выше торжества,

где впервые многочисленная киевская знать участвует в значительном религиозном событии вместе с церковной иерархией, знаменовало важный этап на пути становления Русской православной церкви. Многие годы настороженного, а то и прямо враждебного отношения значительной части феодальной знати к епископам и митрополитам завершились принятием духовенства в ряды государственной рати. Столь своеобразный подарок 1072 года — знаменательная дата в истории церкви. Она не забыла и воспела инициатора события — князя Изяслава Ярославовича.

События, связанные с канонизацией, должны были сами по себе иметь важные политические последствия. Изяслав, пригласив братьев на торжество, надеялся, что оно поможет преодолеть начинающиеся усобицы. Но этого не произошло. Уже в 1073 году «возбудил дьявол распрю между этими братьями Ярославовичами. В этой распре Святослав со Всеволодом были заодно против Изяслава. Ушел Изяслав из Киева» (ПВЛ. Ч. 1. С. 322).

На завершающем этапе подготовки канонизации Бориса и Глеба основной упор был сделан на формирование идей кротости, смирения и мученичества. В связи с этим уточнялись «детали» преступления и вина в их гибели была окончательно возложена на Святополка. Отныне ранее существовавший эпитет «Окаянный» стал характеризовать вполне конкретное лицо. Но для окончательного признания святости Бориса и Глеба нужны были посмертные чудеса. За ними дело не стало. К этому времени Вышгород был переполнен слухами о чудесных знамениях и событиях. Все случавшиеся в городе невероятные истории стали приписываться мученикам. Горожане заговорили о знамениях и чудесах, происходящих у могил, об огненных столбах, о песнях ангелов, что порождало стремление христиан хотя бы прикоснуться к становящимся знаменитыми могилам. Но слух о том, что один варяг наступил на одну из могил и обжегся, предотвратил их неизбежное уничтожение самими почитателями. Они стали неприкосновенными. Для усиления сострадания к безвинно погибшим святым их биографии были дополнены сведениями о стремлении к аскетической жизни, о том, что они не познали земного счастья, были юны и девственны, братолюбивы.

Борис и Глеб выглядят поборниками политического единства, главными заступниками от нашествий кочев-

ников, хранителями феодального правопорядка, носителями важнейшей идеи — подчинения старшим.

В заключение скажем: в деятельности древнерусских князей, детей Владимира, не было ничего необычного. Они были носителями моральных устоев феодального времени в целом, выразителями экономических интересов и мировоззренческих исканий своих социальных групп. Столкновение этих интересов и исканий вылилось в междоусобную войну 1015—1019 годов. Однако в силу сложившихся обстоятельств исторические сведения были истолкованы таким образом, что безвинные стали преступниками, а подлинные зачинатели и вдохновители братоубийственной борьбы — героями.

Такой поворот в оценке событий стал возможен потому, что ее интерпретаторы были кровно заинтересованы в искажении и фальсификации истории.

Культ Бориса и Глеба получил столь широкое распространение только потому, что он был выгоден Ярославу и киевской прохристианской знати, содействовал утверждению православной идеологии в сознании народных масс. Заслуга в его развитии полностью принадлежит Русской православной церкви, которая за многие века своей деятельности так укрепила и развила глебо-борисовский культ и настолько опорочила его «убийцу», что всякое сомнение в подлинности излагаемых в «Сказании» событий до сих пор воспринимается как посягательство на общечеловеческие ценности.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

заключительная, в виде акта о политической реабилитации Святополка

В первоначальном варианте наша работа виделась как протокол судебного следствия, в ходе которого рассматривалось бы дело о посмертной реабилитации туровского князя Святополка. Уже были распределены роли: судья — История, обвинитель — Время, свидетели — Титмар Мерзебургский, Иаков Мних, митрополит Иоанн, Эймунд, обвиняемые — Святополк Окаянный, Ярослав Мудрый, пострадавшие — Борис, Глеб, Святослав, Судислав.

Назначена была экспертиза в составе Екатерины II, Карамзина, Ключевского, Ломоносова, Соловьева и Шлецера. Адвокатом предполагалось взять Истину, а секретарем суда назначить Филиста. Было все готово для проведения судебного процесса: обвинительное заключение, свидетельства очевидцев и мнения великих комментаторов из экспертизы, проект приговора и частные определения в адрес Института истории СССР. Однако наш план не осуществился по двум причинам: во-первых, свидетели дали весьма туманные и противоречивые показания; во-вторых, комментаторы окончательно запутали дело. Вместо четких рекомендаций следствию и выводов они призывали прислушаться только к их мнению. Призывы комментаторов, столь же громкие, как и противоречивые, заставили нас обратить внимание лишь на несколько источников. Когда же эта величественная компания заговорила, то впору было обвиняемых менять местами с пострадавшими. Дело оказалось бесперспективным и по той причине, что секретарь суда не справился с решением проблем литературного характера. Пришлось признать в отсутствии способностей создать исторический детектив.

В конце концов был избран жанр популярной исторической литературы, который позволяет более широко использовать источники и, самое главное, дает право высказывать даже интуитивные предположения. Это право обеспечено и нынешним состоянием общества, в котором гарантирован плюрализм мнений, даже в области истории. Таким образом, имеется прекрасная

возможность изложить давние исторические события с учетом авторской точки зрения. Жанр популярной литературы позволяет вести свободный разговор с читателем, предоставить ему равное с автором право в анализе источников. Для этого они публикуются вместе с предлагаемой автором концепцией.

Периодическая печать призывает повернуть советского человека лицом к отечественной истории, дать ему возможность самому разобраться в событиях как прошлых, давно минувших лет, так и нынешних. И ко всеобщей радости этот процесс оживления интереса широких народных масс к своей истории уже начался, уже идет. Мы лишь продолжаем работу, которая требует от нас одного — восстановления Истины, реабилитации невинных и оклеветанных.

Идя навстречу этим пожеланиям, мы попытаемся наш проект заключения по изучаемой проблеме выполнить в простой и удобной форме, без всяких цитирований и ссылок. Представляем суду читателя собственное видение этой проблемы в виде заключительного документа несостоявшегося Суда Истории.

ПРИГОВОР ОТ ИМЕНИ ИСТОРИИ И ИСТИНЫ (проект)

Суд в составе Председателя, Народных заседателей, Прокурора и Защитника, рассмотрев в ходе расследования материалы по обвинению Святополка Владимировича, по кличке Окаянный, родившегося в Новгороде в 975 году, проживавшего в Турове и Киеве, служившего на должности посадника великого князя, образование домашнее, женатого, ранее не судимого, и Ярослава Владимировича, по прозвищу Мудрый, проживавшего в Киеве, Ростове и Новгороде, рожденного в Киеве в 978 году, служившего посадником великого князя, образование домашнее, женатого, ранее не судимого.

Установил: Святополк и Ярослав Владимировичи обвиняются в развязывании междоусобной войны и соучастии в гибели братьев Бориса, Глеба, Святослава, уничтоженных с корыстными целями.

Существо дела. Святополк, сын Аллогии и Владимира, родился в 975 году, являлся законным наследником князя Владимира после смерти старших братьев Вышеслава и Изяслава, принимал активное участие в

подавлении междоусобных войн, возглавлял антихристианскую партию в Киеве и Турове.

Ярослав, сын Рогнеды и Владимира, родился в 978 году. Не имел ни нравственных, ни правовых оснований для получения киевского стола. После смерти отца возглавил прохристианскую партию в Новгороде и северных землях Руси.

Предпосылки преступления. В 988 году князь Владимир с целью укрепления киевского государства ликвидировал племенные княжества и направил в важнейшие земли своих сыновей, оставив за собой Киевскую землю. В результате повторного распределения земель после смерти старших братьев Ярослав был направлен в Новгород, Святополк оставался в Турове.

Киевская Русь не представляла в этот период единого социально-экономического государственного образования, окраинные земли тяготели к автономии. Сыновья Владимира, оказавшись в удельных окраинных землях Руси, вынуждены были учитывать классовые интересы и религиозные позиции местной знати, стремившейся к полной самостоятельности. Поэтому проблема объединения земель с помощью сыновей оказалась неразрешимой. Противоречия между землями и центром углублялись по мере распространения христианства. Удельные княжества, где еще не созрели социально-политические и идеологические предпосылки к введению новой религиозной системы, видевшие в христианизации новую попытку подчинения центру, оказывали сопротивление христианизации. Наиболее упорно противоборствовали именно те земли, в которые были направлены старшие сыновья, не принявшие вместе с Владимиром христианства.

Состав преступления. Кризисные явления, вызванные процессами централизации и христианизации Киевской Руси, обострились в 1012—1014 годах. Первой заявила о своем праве на самостоятельность Туровская земля во главе со Святополком. За отказ выполнять обязательства перед Киевом князь Владимир арестовал его вместе с ближайшим окружением. Болеслав Храбрый, князь польский, тесть Святополка, заключив в июне 1013 года мир с Германией, отправился на Русь. Осенью этого года он взял Киев, освободил из темницы Святополка и добился признания его регентом при престарелом и немощном князе Владимире. Вокняжение его в Киеве означало остановку процесса христианиза-

ции страны, что вызвало недовольство уже окрепшей на Руси прохристианской партии во главе с Ярославом.

Главным центром распространения христианства стал Новгород. Не без этой причины Ярослав отказался в следующем, 1014 году выплачивать Киеву две трети годовой дани. Он предпринимает меры по укреплению обороноспособности Новгорода, начинает переговоры со странами Скандинавии, надеясь на их помощь. Киевская знать принимает решение поставить Новгород на колени, но неожиданная смерть Владимира в июле 1015 года ломает планы и одновременно обостряет отношения между двумя центрами. Наследственные, религиозные, политические и экономические проблемы скручиваются в единый жгут противоречий. В борьбу включаются и вернувшийся от печенегов князь Борис. Он присоединился к партии Святополка.

Ярослав жестоко подавляет восстание 1015 года в Новгороде, заключает матримониальный союз с конунгом Олавом и берет его дочь в жены, там же нанимает дружину Эймунда и в 1016 году идет к Киеву. На Днепре у Любеча осенью 1016 года состоялась первая битва между двумя претендентами на киевский стол. Сюда же для поддержки Ярослава торопится с дружиной Глеб, но по дороге его убивают недовольные политикой посадника муромчане.

У Любеча встретились Ярослав с варягами и Святополк с печенегами, возглавляемыми Борисом. Благодаря полководческому опыту Эймунда, Ярослав одерживает победу. Святополк уходит после поражения в Польшу, а Борис к печенегам. Но каждый из них готовится к дальнейшей борьбе. В 1017 году Борис во главе печенегов нападает на Киев, пообещав им в случае удачного исхода отдать на разграбление киевские храмы. Они ворвались в город, ограбили и сожгли церкви, но не смогли удержать его.

В августе 1018 года Болеслав вновь захватывает Киев и оставляет на киевском столе Святополка.

Примерно в это же время с севера к Киеву подходит Ярослав и занимает великокняжеское поместье Вышгород, откуда ведет разведку, налаживает связи с прохристианской знатью Киева. Он получает через Эймунда известие о выходе Бориса с новыми силами на помощь Святополку. Эймунд советует Ярославу расправиться с противниками по очереди и предлагает убить Бориса до его соединения со Святополком. Ярослав дает молча-

ливое согласие и в результате продуманной операции Борис погибает. Это его голову привез Эймунд Ярослав, но тот, не желая огласки, приказывает тайно похоронить брата.

После уничтожения Бориса единственным противником остается Святополк. Ярослав из Вышгорода, используя прохристианскую киевскую знать, раздувает недовольство киевлян правлением Святополка и блокирует любые его шаги к сопротивлению. Святополк практически одинок: Киев уже не поддерживает его, как некогда, Борис погиб, а с ним и надежда на помощь кочевников, не надеется он и на помощь Болеслава — тот занят своими проблемами. После ряда небольших стычек в начале 1019 года Святополк в очередной раз бежит в Польшу. Где и как закончил он дни свои, следствием не установлено. Легенды о его гибели между «Чахы и Ляхы» не подтверждаются. Кровавопролитного сражения на Альте в 1019 году не было.

Ярослав укрепляется в Киеве, обменивается пленными с Польшей, постепенно освобождается от других претендентов на киевский стол. Судислав, главный свидетель братоубийственной войны, посажен в темницу, продолжаются многочисленные сражения с Мстиславом Тмутараканским и Брячиславом, князем полоцким. В 1036 году Мстислав неожиданно умирает на охоте, и с 1037 года Ярослав становится почти единственным правителем Киевской Руси, если не считать Полоцкого княжества, продолжающего борьбу. Из всех сыновей князя Владимира в живых, кроме Ярослава, остается только Судислав, да и тот сидит в темнице.

Заключение суда. Исследовав материалы судебного дела, Суд Истории находит, что смерть большинства сыновей князя Владимира произошла в ходе многолетней религиозно-политической борьбы двух партий. Святополк Владимирович непосредственного участия в их убийстве не принимал. Он в основном отстаивал свое наследственное право и право на сохранение веры предков. Об этом свидетельствуют доказательства, добытые из иностранных источников и в ходе комплексного анализа древнерусских.

По мнению суда, смерть Бориса наступила осенью 1018 года в районе Альтского поля, на расстоянии суточного конного перехода от Киева. Виновником смерти является Ярослав, создавший условия для преступле-

*В соответствии с законами Древней Руси
Святополк по праву занимал киевский стол,
защищался от чрезмерных притязаний
Ярослава и противостоял насильственному
насаждению христианства.*

ния. Непосредственным исполнителем воли Ярослава стал Эймунд.

Следствие о виновниках убийства Глеба прекратить. Судить народ, лишивший своего правителя жизни, невозможно.

Святослава, князя древлянского, считать пропавшим без вести в ходе многолетней братоубийственной войны.

В действиях Святополка в 1015—1019 годах Суд не обнаруживает состава преступления. В соответствии с законами Древней Руси он по праву занимал киевский стол, защищался от чрезмерных притязаний Ярослава и противостоял насильственному насаждению христианства. Действуя в порядке защиты, он не превысил норм необходимой обороны, его защита соответствовала характеру и опасности посягательства на честь и достоинство со стороны Ярослава.

Руководствуясь законами истории и общечеловеческими нормами справедливости, Суд приговорил:

1. Святополка Владимировича по предъявленному ему обвинению в совершенном преступлении оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления.

2. Возбудить дело о его исторической посмертной реабилитации в памяти народа.

3. Выделить особое дело по обвинению Ярослава Владимировича в инкриминируемых ему преступлениях.

* * *

Итак, уважаемый читатель, мы проследили историю «преступлений» Святополка Окаянного и пришли к выводу о его невиновности. Надеемся, что позицию свою мы изложили достаточно четко и определенно. Хрестоматийная часть работы даст вам возможность проявить свои исследовательские наклонности.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

•

БОРИС И ГЛЕБ

•

ЭЙМУНДОВА САГА

---

* Все материалы подготовлены к печати Г. М. Филистом.

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛѢБѢ

Сказание и страсть и похвала святюю мученику Бориса и Глѣба

Древнерусский текст

Господи, благослови, отъче.

«Родъ правныхъ благословиться,— рече пророкъ,— и сѣмя ихъ въ благословлении будетъ».

Сице убо бысть малѣмъ прежде сихъ. Сущю самодръжцю въсеп Русьскѣи земли Володимиру сыну Святославлю, вѣнуку же Игореву, иже и святымъ крещениемъ всю просвѣти сию землю Русьску. Прочая же его добродѣтели инде съкажемъ, нынѣ же нѣсть время. А о сихъ по ряду сице есть: съ убо Володимиръ имѣяше сыновъ 12 не отъ единой жены, нѣ отъ раснѣ матеръ ихъ. Въ нихъ же бѣше старѣи Вышеславъ, а по немъ Изяславъ, 3 — Святоплѣкъ, иже и убийство се зѣлое изобрѣтъ. Сего мати прежде бѣ чърницею, грѣкыни сущи, и поялъ ю бѣ Яроплѣкъ, братъ Володимиръ, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея. И зача отъ нея сего Святоплѣка оканѣнаго. Володимиръ же, поганѣи еще, убивъ Яроплѣка и поятъ жену его непраздну сущю. Отъ нея же родися сии оканѣнии Святоплѣкъ, и бысть отъ дѣвою отцю и брату сущю. Тѣмъ же и не любляше его Володимиръ, аky не отъ себе ему сущю. А отъ Рогнѣди 4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мѣстислава, и Ярослава, и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мѣстислава, а отъ бѣлгарынѣ Бориса и Глѣба. И посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении, иже инѣде съкажемъ, сихъ же съповѣмы убо, о нихъ же и повѣсть си есть.

Посади убо сего оканѣнаго Святоплѣка въ княжении Пиньскѣ, а Ярослава — Новѣгородѣ, а Бориса — Ростовѣ, а Глѣба — Муромѣ. Нѣ се остаану много глаголати, да не многописани въ забыть вѣлѣземъ, нѣ о немъ же начахъ, си съкажемъ убо сице. Многомъ же уже днѣмъ минувшемъ, и яко съкончашася днѣи Володимиру, уже минувшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крещении, въпаде въ недугъ крѣпѣкъ. Въ то

же время бѣше пришелъ Борисъ изъ Ростова, печенегомъ же о онуду паки идущемъ ратию на Русь, въ велицѣ печали бѣше Володимиръ, зане не можааше изити противу имъ, и много печалѣашеся. И призывавъ Бориса, ему же бѣ имя наречено въ святѣмъ крещеніи Романъ, блаженааго и скоропослушливааго, предавъ воѣ многы въ рудѣ его, послаа и противу безбожнымъ печенѣгомъ. Онъ же съ радостию вѣставъ иде рекъ: «Се готовъ есмь предъ очима твоима сѣтворити, елико велить воля сѣрдьца твоего». О таковыхъ бо рече Притѣчникъ: «Сынъ быхъ отцю послушливъ и любимъ предъ лицомъ матере своеа».

Ошедъшю же ему и не обрѣтъшю супостатъ своихъ, вѣзравѣвшюся въспѣтъ ему. И се приде вѣстникъ къ нему, повѣдая ему отцю сѣмрътъ, како преставися отць его Василии, въ се бо имя бѣше нареченъ въ святѣмъ крещеніи, и како Святоплѣкъ потаи сѣмрътъ отца своего, и ночь проймавъ помостъ на Берестовѣмъ и въ ковѣръ обертѣвъше, сѣвѣсивше ужѣ на землю, вѣзше на санѣхъ, поставиша ѣ въ цѣркви святыа Богородица. И яко услыша святыи Борисъ, начатъ тѣломъ утѣрпѣвати и лице его вѣсе слѣзъ испълнися, и слѣзами разливаясь и не могъи глаголати. Въ сѣрдьци си начатъ сѣцевая вѣщати: «Увы мнѣ, свѣте очию моею, сияние и заре лица моего, бѣздо уности моеѣ, наказаніе недоразумѣния моего! Увы мнѣ, отче и господине мой! Къ кому прибѣгну, къ кому вѣзрю? Къде ли насыщюся таковааго благааго учения и наказания разума твоего? Увы мнѣ, увы мнѣ! Како заиде свѣте мой, не сущу ми ту! Да быхъ понѣ самъ чѣстное твое тѣло своимъ рукама сѣпрятѣлъ и гробу предалъ. Нѣ то ни понесохъ красоты мужьства тѣла твоего, ни сѣподобленъ быхъ цѣловати доброплѣнныхъ твоихъ сѣдинъ. Нѣ, о блаженіице, помѣни мя въ покои твои! Сѣрдьце ми горитъ, душа ми сѣмыслъ сѣмущаеъ и не вѣмъ къ кому обратитися и къ кому сию горькую печаль простерети? Къ брату ли, его же быхъ имѣлъ въ отца мѣсто? Нѣ тѣ, мнѣю, о суетии мирьскихъ поучаетъся и о биеніи моемъ помышляеъ. Да аще крѣвь мою пролѣтеъ и на убийство мое потѣщитъся, мученикъ буду господу моему. Азъ бо не противлюся, зане пишеться: «Господъ гѣрдымъ противитъся, сѣмѣреннымъ же даеътъ благодать». Апостолъ же: «Иже рече — «Бога люблю», а брата своего ненавидѣтъ — лѣжъ естъ». И паки: «Боязнь въ любовь нѣстъ, сѣвършеная любовь вѣнъ измѣщеть страхъ». Тѣмъ же что реку или чѣто сѣтворю? Се да иду къ брату моему и реку: «Ты ми буди отць — ты ми братъ и старѣи. Чѣто ми велиши, господи мои?»

И си на умѣ си помышляя, идѣаше къ брату своему и глаголаше въ сѣрдьци своемъ: «То понѣ узрю ли си лице брата моего мнѣшааго Глѣба, яко же Иосифъ Венѣямина?» И та вѣся полагаа въ сѣрдьци си: «Воля твоя да будеътъ, господи мои». Помышляше же въ умѣ своемъ: «Аще поиду

въ домъ отца своего, то языци мнози превратятъ сѣрдце мое, яко прогнати брата моего, яко же и отъць мой прежде святаго крещения, славы ради и княжения мира сего, и иже все мимоходитъ и хуже паучины. То камо, имамъ приити по ошъствию моему отсюду? Какъ ли убо обрящюся тѣгда? Кѣмъ ли ми будетъ отвѣтъ? Кѣде ли скрѣю множество грѣха моего? Чѣто бо приобрѣтоша прежде братия отца моего или отъць мой? Кѣде бо ихъ жития и слава мира сего, и багряница и брячины, сребро и золото, вина и медо-ве, брашна чѣстная и быстрыи кони, и домове красньи и велиции, и имѣния многа, и дани, и чѣсти бесчисльны, и гвѣрѣния, яже о болярѣхъ своихъ? Уже все имъ, аки не было николи же: вся съ нимъ ижезоша, и нѣсть помощи ни отъ кого же сихъ — ни отъ имѣния, ни отъ множества рабъ, ни отъ славы мира сего. Тѣмъ и Соломонъ, все прошѣдъ, всѣхъ видѣвъ, всѣхъ сътяжавъ и съвкупивъ, рече рассмотривъ все: «Суета и суетие суетию буди», тѣмъ помощь отъ добръ дѣлъ, и отъ правовѣрия, и отъ нелицемѣрныхъ любве».

Идыи же путемъ, помышляаше о красотѣ и о добротѣ телесе своего, и слъзами разливаашеся весь. И хотя удръжати и не можааше. И вси зряще его, тако плакаашеся о добродѣтели тѣлѣ и чѣстности разумѣ възраста его. И кѣждо въ души своей стонааше горестию сѣрдечною, и вси смущаахуся о печали.

Кѣто бо не въсплачется сѣмрѣти тоѣ пагубной, приводя предъ очи сѣрдца своего?

Образъ бо бѣаше уныльи его, взоръ и скрушение сѣрдца его святаго, такъ бо бѣ блаженный тѣ правдивъ и щедръ, тихъ, крѣткъ, смѣренъ, всѣхъ милуя и всѣхъ набѣдя. Помышлять же въ сѣрдци своемъ богоблаженный Борисъ и глаголааше: «Вѣдѣ,— брата моего зѣлу ради чловѣци понудяти и на убийство мое, и погубитъ мя, да аще пролѣетъ кровь мою, то мученикъ буду господу моему, а духъ мой приметъ владыка». Таче, забывъ скѣрбь сѣмрѣтнующую, тѣшааше *сѣрдце свое* о словеси божии, «Иже погубити душу свою мене ради и моихъ словесъ, обрящети ю въ животѣ вѣчнѣмъ съхранитъ ю». И поиде радѣстнѣмъ сѣрдцемъ, «не презри мене,— реки,— господи премилостиве, уповающаго на тя, нѣ спаси душу мою».

Святопѣлкъ же, сѣдя Кыевъ по отьци, призвавъ кыяны, многи дары имъ давъ, отпусти. Посла же къ Борису, глаголя: «Брате, хочу съ тобою любвь имѣти и къ отню ти придамъ». Лъстно, а не истину глаголя. Пришедъ Вышегороду ночь, отаи призъва Путьшу и вышегородскыѣ мужѣ и рече имъ: «Повѣдите ми по истинѣ, приязньство имѣете ли къ мнѣ?» Путьша рече: «Вси мы можемъ главы своя положить за тя».

Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидѣи добра чловѣка,

яко всю надежу свою на господа положилъ есть святыи Борисъ, начатъ подвижныи бываати, и обрѣтъ, яко же преже Каина на братоубиство горяща, тако же и Святопѣлкъ. По истинѣ втораго Каина улови мысль его, яко да избьетъ вся наслѣдники отъца своего, а самъ прииметь единъ всю власть.

Тѣгда призва къ себе оканьныи трѣклятыи Святопѣлкъ свѣтъники всему алу и началники всеи неправдѣ, и отъверзъ прескверная уста рече, испусти злыи гласъ, Путишинѣ чади: «Аще убо главы своя общаетеся положити за мя, шедше убо, братия моя, отаи, кѣде обрящете брата моего Бориса, съмотрыше время убийте ѿ». И общашася ему тако створити.

О таковыхъ бо рече пророкъ: «Скори суть крѣвь пролияти бес правды. Си бо общаются крѣви и събирають себе злая. Сихъ путѣе суть събирающей безаконие, нечистиемъ свою душу obejmлють».

Блаженныи же Борисъ, яко же ся бѣ воротилъ и сталъ бѣ на Лѣтъ шатры. И рѣша къ нему дружина: «Поиди, сяди Кыевъ на столѣ отъни, се бо вси вои въ руку твою суть». Онъ же имъ отъвѣщааваше: «Не буди ми възяти руки на брата своего и еще же и на старѣиша мене, его же быхъ имѣлъ, акы отъца». Си слышавше вои разидошася от него, а самъ оста тѣмъо съ отроки своими. И бяше въ днь суботныи. Въ тузѣ и печали, удручньмъ сѣрдцьмъ и вѣлѣзъ въ шатѣръ свой, плакашеся сѣкрушенъмъ сѣрдцьмъ, а душею радостною, жалостно гласъ испущаше: «Слѣзъ моихъ не презри, владыко, да яко же уповаю на тя, тако да с твоими рабы прииму часть и жребии съ высѣми святыми твоими, яко ты еси богъ милостивъ, и тебе славу въсылаемъ въ вѣкы. Аминь».

Помышляешъ же мучение и страсть святаго мученика Никиты и святаго Вячеслава, подобно же сему бывшю убийению, и како святыи Варварѣ отъцъ свои убойца бысть. И помышляше слово премудраго Соломона: «Правдѣници въ вѣкы живутъ и отъ господа мзда имъ и строение имъ отъ вышняго». И о семъ словеси тѣчию утѣшаашеся и радоваашеся.

Таче бысть вечеръ и повелѣ пѣти вечернюю, а самъ вѣлѣзъ въ шатѣръ свой начатъ молитву творити вечернюю съ слѣзами горькими и частымъ въздыханиемъ, и стонаниемъ многымъ. По сихъ леже съпати, и бяше сънъ его въ мѣпозѣ мысли и въ печали крѣпцѣ и тяжкѣ и страшнѣ: како предатися на страсть, како пострадати и течение сѣконьчати и вѣру сѣблюсти, яко да и щадимыи вѣнцѣ прииметь отъ руки вѣседържителевы. И видѣвъ, възбнувъ рано, яко годъ есть утрѣнии. Бѣ же въ святую недѣлю. Рече къ прозвутеру своему: «Въставъ, начни заутрѣнюю». Самъ же, обувъ нозѣ свои и умывъ лице свое, начатъ молитися къ господу богу.

Послання же придоша отъ Святопѣлка на Лѣто нощъ и подѣступиша близъ, и слышаша гласъ блаженааго страстотѣрпца поюща Псалтырь заутряню. Бѣше же ему и вѣсть о убиении его. И начатъ пѣти: «Господи, что ся умножиша сътужающии, мнози вѣсташа на мя», и прочая псалмы, до коньца. И начатъ пѣти Псалтырь: «Обидоша мя пси мнози и унѣци тучѣни одѣржаша мя». И пакы: «Господи, боже мои! На тя уповахъ, спаси мя». Таже по семь канонъ. И коньчавъшю ему утряню, начатъ молитися зря къ иконѣ господни и рече: «Господи, Иисусъ Христе! Иже симъ образъмъ явися на земли изволивъ волею пригвоздитися на крестъ и примъ страсть грѣхъ ради нашихъ, съподобилъ и мя прияти страсть!»

И яко услыша шпѣтъ зѣлъ окрестъ шатѣра и трѣпѣтъ бывъ и начатъ слезы испущати отъ очию своею, и глаголаше: «Слава ти, господи, о всемъ, яко съподобилъ мя еси зависти ради прияти сию горькую смѣрть и все претрадати любве ради словесе твоего. Не въсхотѣхомъ възискати себе самъ; ничто же себе изволихъ по апостолу: «Любы все тѣрпѣть всему вѣру емлетъ и не нищѣ своихъ си». И пакы: «Боязливъ въ любви нѣсть — съвършенная бо любви вѣнъ отъмещетъ боязнъ». Тѣмъ, владыко, душа моя въ руку твою вѣину, яко закона твоего не забыхъ. Яко господеву годъ — бысть». И узѣрѣста попикъ его и отрокъ, иже служааше ему, и видѣвъша господина своего дряхла и печалию облияна суща зѣло, расплакастася зѣло и глаголаста: «Милыи господине наю и драгыи! Колико благности исполненъ бысть, яко не въсхотѣ прѣтивитися любве ради Христовы, а колики воѣ дѣржа въ руку свою!» И си рекъша умилистася.

И абие узѣрѣ текущихъ къ шатѣру, блистание оружия и мечное оцѣнение. И без милости прободено бысть чѣстное и многомилостивое тѣло святаго и блаженааго Христова страстотѣрпца Бориса. Насунуша копии оканьнии: Путьша, Тальць, Еловичъ, Ляпшю. Видѣвъ же отрокъ его, вѣржеся на тѣло блаженааго, рекуи: «Да не остану тебе, господине мои драгыи, да иде же красота тѣла твоего увядаетъ, ту и азъ съподобленъ буду съконъчати животъ свой!»

Бѣше же съ родъмъ угринъ, имьнымъ же Георгии. И бѣаше възложилъ на нь гривну злату, и бѣ любимъ Борисѣмъ паче мѣры. И ту же ѣ пронзѣша, и яко бысть ураненъ и искочи и-шатѣра въ оторопѣ. И нача глаголати стояще округъ его: «Что стоите зѣряще! Приступивъше сконъчаимъ повелѣное намъ». Си слышавъ блаженныи, начатъ молитися и милъ ся имъ дѣяти, глаголя: «Братия моя милая и любимая! Мало ми время отдаите, да понѣ помолюся богу моему». И възѣрѣвъ на небо съ слезами и горѣ въздъхнувъ начатъ молитися сицими глаголы: «Господи боже мои многомилостивыи и милостивыи и

премилостиве! Слава ти, яко съподобилъ мя еси убъжати отъ прельсти жития сего лъстьнааго! Слава ти, прещедрыи живодавъче яко сподоби мя труда святыхъ мученикъ! Слава ти, владыко челоуѣколюбче, сподобивый мя съкончати хотѣние сърдѣца моего! Слава ти, Христе, мноному ти милосърдию, иже направи на правый путь мирьны ногы моя тещи къ тебе безъ съблзна! Призри съ высоты святыня твоея, вижь болѣзнь сърдѣца моего, юже прияхъ отъ сьродника моего, яко тебе ради умърщваемъ есмь въ сь днь. Въмѣниша мя, яко овьна на сьнѣдъ, вѣси бо, господи мои, яко не противлюся ни въпреки глаголю, а имыи въ руку вься воя отьца моего и вься любимыя отьцемъ моимъ, и ничьто же умыслихъ противу брату моему. Онъ же елико въздвиже на мя възмогъ, да «аще бы ми врагъ поносилъ, протърпѣлъ убо быхъ, аще бы ненавидя мене вельречевалъ, укрылъ быхъ ся». Нъ ты, господи, вижь и суди межю мною и межю братьемъ моимъ и не постави имъ, господи, грѣха сего, нъ прими въ миръ душу мою. Аминь».

И възървъ къ нимъ умиленама очима и спадъшемъ лицемъ, и вьсь слъзами обливъся рече: «Братие, приступивъше, съкончайте службу вашу. И буди миръ брату моему и вамъ, братие».

Да елико слышаху словеса его, отъ слъзъ не можааху ни словесе рещи, отъ страха же и печали горькы и мьногихъ слъзъ. Нъ съ въздыханиемъ горькымъ жалостно глаголааху и плакаахуся и къждо въ души своеи стонааше: «Увы намъ, къняже нашъ милыи и драгыи и блаженныи, водителю слѣпыимъ, одеже нагымъ, старости жьзле, казателю ненаказанымъ! Кто уже си вься исправить? Како не възхотѣ славы мира сего, како не възхотѣ веселитися съ чьстьными вельможами, како не възхотѣ величия, еже въ житии семь. Къто не почюдитися великууму съмерению, къто ли не съмѣрится, оного съмѣрение видя и слыша?»

И абие усьпе, предавъ душу свою въ руцѣ бога жива, мѣсяца июлия въ 24 днь, преже 9 каландъ агуста.

Изибиша же и отроки многы. Съ Георгия же не могуще съняти гривныи и отсѣкъше главу, отъвергоша ѿ кромѣ. Да тѣмъ и послѣдъ не могоша познати тѣла его.

Блаженааго же Бориса объртѣвъше въ шатъръ възложивъше на кола, повезоша. И яко быша на бору, начатъ въскланяти святую главу свою. И се увѣдѣвъ Святоплѣкъ, пославъ два варяга и прободоста ѿ мечемъ въ сърдѣце. И тако съкончася и възпрятъ неувядаемыи вѣньцъ. И положиша тѣло его принесъше Вышегороду у църкве святааго Василия въ земли погребоша.

И не до сего остави убийства оканьныи Святоплѣкъ, нъ и на большаяи неистояся, начатъ простиратися. И яко видѣся желание сърдѣце своего уже улучивъ, абие не

въспоману зѣлааго своего убиства и многааго убо съблажнення, и ни малы понѣ на покаяние преклонися. Нѣ ту абие въниде въ сѣрдѣе его сотона и начаты ѿ пострѣкати вящша и горьша съдѣяти и множайша убиства. Глаголааше бо въ души своей оканьѣи: «Что сътворю? Аще бо до сѣде оставлю дѣло убиства моего, то дѣвоего имамъ чаяти: яко аще услышатъ мя братия моя, си же варивѣше въздадять ми и горьша сихъ. Аще ли и не сиче, то да ижденуть мя и буду чужь престола отца моего, и жалость землѣ моя снѣсть мя, и поношения поносящихъ нападутъ на мя, и кнѣзяние мое приметь инѣ и въ дворѣхъ моихъ не будетъ живущааго. Зане его же господь възлюбѣ, а азъ погнахъ и къ болѣзни язву приложихъ, приложу къ безаконию убо безаконие. Обаче и матере моя грѣхъ да не оцѣститъся и съ правдыными не напишюся, нѣ да потреблюся отъ книгъ живущихъ». Яко же и бысть, еже послѣди съкажемъ. Нынѣ же нѣсть время, нѣ на предълежащее възвратимъся.

И си на умѣ си положивъ, зѣлыи сѣвѣтѣникъ дияволъ, посла по блаженааго Глѣба рекъ: «Приди възбѣрзѣ. Отць зоветъ тя и несѣдравить ти вельми».

Онѣ же възбѣрзѣ, въ мале дружинѣ, възсѣдъ на конь поѣха. И пришедъ на Вѣлгу, на поле потѣчеся подъ нимъ конь въ ровъ, и наломѣ ногу малы. И яко приде Смолинъску и поиде отъ Смолинъска, яко зѣрѣимъ едино, ста на Смядинѣ въ кораблицѣ. И въ се время пришьла бяаше вѣсть отъ Передѣслава къ Ярославу о отьни сѣмрти. И пришла Ярославъ къ Глѣбу река: «Не ходи, брате! Отць ти умърлѣ, а братъ ти убиенъ отъ Святопѣлка».

И си услышавъ блаженны възъпи плачѣмъ горькими и печалию сѣрдѣчною и сиче глаголааше: «О увѣ мнѣ, господине мой, отъ двою плачу плачюся и стѣню, дѣвою сѣтованию сѣтую и тужю. Увѣ мнѣ, увѣ мнѣ! Плачу зѣло по отьци, паче же плачюся и отѣчаяхъся по тебе, брате и господине Борисе. Како прободенъ еси, како без милости прочее сѣмрти предася, како не отъ врага, нѣ отъ своего брата пагубу възприялъ еси? Увѣ мнѣ! Уне бы съ тобою умрети ми, неже уединену и усирену отъ тебе въ семь житиѣ пожити. Азъ мнѣхъ възбѣрзѣ узѣрѣти лице твое ангельское, ти се селика туга състиже мя и унылъ быхъ съ тобою умрети, господине мой! Нынѣ же что сътворю азъ, умилени, очюженни отъ твоея доброты и отъ отца моего многааго разума? О милыи мои брате и господине! Аще еси уполучилъ дръзновение у господа, моли о моемъ унынии, да быхъ азъ съподобленъ ту же страсть възприяти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прельстѣнѣмъ».

И сиче ему стѣною и плачющюся и слѣзами землю омачающю съ въздыхании частыми бога призывающю, приспѣша възнезапу посѣланиѣ отъ Святопѣлка зѣлыи

его слугы, немилостивии крѣвопийцѣ, братоненавидѣици люти зѣло, сверѣпа звѣри, душу изимающе.

Святыи же поиде въ кораблици и сѣрѣтоша ѥ устие Смядины. И яко узрѣ ѥ святыи, въздрадовася душею, а они узрѣвъше и омрачахуся и гребяхуся къ нему, а съ цѣлования чаяше отъ нихъ прияти. И яко быша равнѣо плоущу, начаша скакати зѣлии они въ лодию его, обнажены меча имущѣ въ рукахъ своихъ, блещашася, акы вода. И абие вѣсѣмъ весла отъ руку испадоша, и вѣси отъ страха омыртѣша. Си видѣвъ блаженни, разумѣвъ яко хотятъ его убити, възрѣвъ къ нимъ умиленама очима и слъзами лице си умывая, сѣкрушенѣмъ срьдцѣмъ, сѣмѣренѣмъ разумѣмъ и частымъ въздыханиемъ, вѣсь слъзами разливался, а тѣлѣмъ утѣрая, жалостно гласъ испущаше: «Не дѣйте мене, братия моя милая и драгая! Не дѣйте мене, ни ничто же вы зѣла сѣтворивѣша! Не брезѣте, братие и господѣе, не брезѣте! Кую обиду сѣтворихъ брату моему и вамъ, братие и господѣе мои? Аще ли кая обида, ведѣте мя къ князю вашему, а къ брату моему и господѣину. Помилуйте уности моеѣ, помилуйте, господѣе мои! Вы ми будѣте господѣе мои, азъ вамъ рабъ. Не пожнете мене отъ жития не сѣзрѣла, не пожнѣте класа, не уже сѣзрѣвъѣша, нѣ млеко безѣлобѣя носѣща! Не порѣжете лозы не до конца въздрастѣша, а плодъ имуща! Молю вы ся и милъ вы ся дѣю. Убойтеся рекѣшааго усты апостольскы: «Не дѣти бываите умы, зѣлобнемъ же младенѣствуите, а умы сѣвършени бываите». Азъ, братие, и зѣлобнемъ и въздрастѣмъ еще младенѣствую. Се нѣсть убѣиство, нѣ сырорѣзание! Чѣто зѣло сѣтворихъ сѣвѣдѣтельствуите ми, и не жалю си. Аще ли крѣви моеѣ насытитися хочете, уже въ руку вы есмь, братие, и брату моему, а вашему князю». И не понѣ единого словесе постыдѣшася, нѣ яко же убо сверѣпѣи зѣвѣри, тако вѣсхытиша его. Онъ же видѣвъ, яко не вѣнѣшаютъ словесъ его, начатъ глаголати сице: «Спасися, милѣи мои отѣче и господѣине Василие, спасися, мати и госпоже моя, спасися и ты, брате Борисе, старѣишино уности моя, спасися и ты, брате и поспѣшителю Ярославѣ, спасися и ты, брате и враже Святѣопѣлче, спасетеся и вы, братие и дружино, вѣси спасетеся! Уже не имамъ васъ видѣти въ житии сѣмъ, зане разлучае мѣ есмь отъ васъ сѣ нужею». И глаголаше плачася: «Василие, Василие, отѣче мои и господѣине! Приклони ухо твое и услыши гласъ мои, и призѣри и вижъ приключѣшася чаду твоему, како безъ вины закалаемъ есмь. Увы мнѣ, увy мнѣ! Слыши небо и вѣнуши землѣ. И ты, Борисе брате, услыши гласа моего. Отѣца моего Василия призѣвахъ и не послуша мене, то ни ты не хочѣши мене послушати? Вижъ сѣкрѣбъ сѣрдѣца моего и язѣу душа моя, вижъ течение слъзъ моихъ, яко рѣку! И никто же не вѣнемлетъ ми, нѣ ты убо помѣни мя о мнѣ къ общему вла-

И дыць, яко имѣя дързновение и престою у престола его» начать, преклонь колѣнѣ, молитися сие: «Прещедрый и премилостиве господи! Сльзь моихъ не премѣлчи, нѣ умилися на мое уныние. Вижь съкрушение сѣрдца моего: се бо закалаемъ есмь, не вѣмъ, чѣто ради, или за котерую обиду не съвѣдѣ. Ты вѣси, господи, господи мои! Вѣмъ ты рекъша къ своимъ апостоломъ, яко: «за имя мое, мене ради възложить на вы руки, и предани будете родѣмъ и другы, и братъ брата предасть на смѣръть и умѣртьвять вы имене моего ради». И пакы: «Въ тѣрпѣнии вашемъ сътяжите душа ваша». Вижь, господи, и суди: се бо готова естъ душа моя предъ тобою, господи! И тебе славу вѣсылаемъ, отцю и сыну и святууму духу, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь».

Таче възрѣвъ къ нимъ умиленъмъ гласѣмъ и измѣклѣшъмъ грѣтанъмъ рече: «То уже сътворивъше приступльше сътворите, на не же послани есте!»

Тѣгда оканьнии Горясѣръ повелѣ зарѣзати ѣ възбрѣ. Поваръ же глѣбовъ, именъмъ Тѣрчинъ, изымъ пожъ и имъ блаженааго и закла и яко агня непорочно и безлобливо, мѣсяца септября въ 5 днь, въ понеделникъ.

И принесеса жертва чиста господеву и благовонна, и възиде въ небесныя обители къ господу, и узрѣ желаемааго си брата и въсприаста вѣнча небесныя его же и въжелѣста, и възрадовастася радостію великою неиздреченною, юже и улучиста.

Оканьнии же они убоиць възвративъшеся къ посѣлавъшюуму ѣ, яко же рече Давыдъ: «Възвратятся грѣшници въ адъ и вѣси забывающии бога». И пакы: «Оружие извлекоша грѣшници, напругоша лукъ свои заклати правыя сѣрдѣцѣмъ и оружие ихъ вѣнидетъ въ сѣрдѣца, и луци ихъ съкрушатся, яко грѣшници погыбнуть». И яко съказаша Святоплку, яко «сътворихомъ повеленое тобою», и си слышавъ, възнесеса сѣрдѣцѣмъ, и събыстся реченое псалмопѣвцемъ Давыдѣмъ: «Чѣто ся хвалиши сильнии о зѣлобѣ? Безаконіе въ сѣ днь неправду умысли языкъ твои. Възлюбилъ еси зѣлобу паче благостынѣ, неправду неже глаголаати правду. Възлюбилъ еси вѣся глаголы потопныя и языкъ лъстьвѣ. Сего ради раздрушитъ тя богъ до коньца, вѣстѣргнетъ тя и преселитъ тя отъ села твоего, и корень твой отъ земля живущихъ».

Убиену же Глѣбову и повържену на пустѣ мѣстѣ межю дѣвѣма колодама. И господъ не оставляяи своихъ рабѣ, яко же рече Давыдъ: «Хранитъ господъ вѣся кости ихъ, ѣ ни едина отъ нихъ съкрушится».

И сему убо святууму лежащю дълго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудъ пребыти неврежену, нѣ показа: овогда бо видѣша стѣлпъ огньнъ, овогда свѣщъ горущъ и пакы пѣния ангельская слышааху мимоходящии же путемъ гостие, ини же, ловы дѣюще и пасуще.

Си же видяще и слышаще, не бысть памяти ни единому же о възискании телесе святааго, дондеже Ярославъ, не тѣрпя сего зѣлааго убиства, движесе на братоубицица оного, оканьняаго Святоплѣка и брани мѣногы съ нимъ съставивъ. И въсегда пособиемъ божиемъ и послѣшениемъ святоу, побѣдивъ елико брани състави, оканьныи поспрамленъ и побѣженъ възвращашесе.

Прочее же съ трѣклятыи прииде съ множествомъ печенѣгъ, и Ярославъ, съвѣкупивъ вой, изиде противу ему на Лѣто и ста на мѣстѣ, иде же бѣ убиенъ святыи Борисъ. И въздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Се кровь брата моего възпиесть къ тебе, владыко, яко же и Авелева преже. И ты мсти его, яко же и на ономъ положи стонание и трясение на братоубицици Каинѣ. Еи молю тя, господи, да възприимуть противу тому. Аще и тѣлѣмъ ошѣла еста, нѣ благодатию жива еста и господеви предѣстоита и молитвою помозѣта ми!»

И си рекъ, и поидоша противу собѣ и покрыша поле Лѣтское множествомъ вой. И съступишася, възходящю сѣлнцю, и бысть сѣча зла отинудъ и съступашася тришѣды, и бѣшася чересь дѣнь вѣсь, и уже къ вечеру одолѣ Ярославъ, а съ оканьныи Святоплѣкъ побѣже. И нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти, и несяхуть его на носилѣхъ. И прибѣгоша Берестию съ нимъ. Онъ же рече: «Побѣгнѣте, осе женуть по насъ!» И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящааго, ни женущааго въ слѣдъ его. И, лежа въ немощи, възсхопивъся глаголааше: «Побѣгнѣмы еще, женуть! Охъ мнѣ!» И не можааше тѣрпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣже Лядскую землю гонимъ гнѣвъмъ божиемъ. И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы, и ту испровръже животъ свои зѣлѣ. И приять възмездие отъ господа, яко же показася посѣланая на нь пагубная рана и по сѣмърти муку вѣчнѣную. И тако обою животу лихованъ бысть: и сѣде не тѣкъмо княжения, нѣ и живота гонезе, и тамо не тѣкъмо царствія небеснааго и еже съ ангелы житія погрѣши, нѣ и муцѣ и огню предастася. И естъ могила его и до сего дѣне, и исходитъ отъ неѣ смрадъ зѣлыи на показание чловѣкомъ. Да аще кто си сътворить слыша таковая, си же приметь и вящѣша сихъ. Яко же Каинъ, не вѣдыи мсти прияти и едину прия, а Ламехъ, зане вѣдѣвъ на Каинѣ, тѣмъ же седмѣдесатицею мѣстися ему. Така ти суть отѣмѣстия зѣлыимъ дѣлателемъ, яко же бо Иулианъ цесарь, иже мѣногы крѣви святыихъ мученикъ проливавъ, горькую и нечеловѣчнѣную сѣмъртъ прия: не вѣдомо отъ кого *прободенъ* бысть копиемъ въ сѣрдѣце вѣдруженъ. Тако и съ бѣгая не вѣдыися отъ кого зѣлострастѣну сѣмъртъ прия.

И оттолѣ крамола преста въ Русьскѣ земли, а Ярославъ прея вѣсю волость Русьскую. И начатъ въпрашати о тѣльсѣхъ святоу, како или кде положена еста. И о святѣмъ Борисѣ повѣдаша ему, яко Вышегородѣ положенъ естъ. А о святѣмъ

Глѣбѣ не вси съвѣдаху, яко Смолинскѣ убиенъ есть. И тѣгда съказаша ему, яже слышаша от приходящихъ отътуду, како видѣша свѣтъ и свѣщѣ въ пустѣ мѣстѣ. И то слышавъ, посла Смолинску на възискание презвитеры, рекши, яко: «То есть братъ мой». И обретоша ѿ иде же бѣша видѣли, и шѣдше съ кресты и съ свѣщами мнози и съ кандилами, и съ чѣстїю многою, и вложише въ корабль, и пришедше положиша ѿ Вышегородѣ, иде же лежитъ и тѣло преблаженнаго Бориса и раскопавше землю, и тако же положиша и недоумѣюще, яко же бѣ лепо пречѣстнѣ.

Се же пречюдно бысть и дивно и памяти достойно; како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святаго, то же не врежено пребысть, ни отъ коего же плѣтоядца, ни бѣаше почрънѣло, яко же обычаи имуть телеса мъртвыхъ, нѣ свѣтло и красно и цѣло и благу воню имущю. Тако богу съхранившю своего страсотърпца тѣло, и не вѣдаху мнози ту лежащю святою страсотърпцю телесу. Нѣ яко же рече господь: «Не можетъ градъ укрытися врѣху горы стоя, ни свѣщѣ вѣжѣгше спудѣмъ покрываютъ, нѣ на свѣтилѣ поставляютъ, да свѣтитъ тѣмныя». Тако и си свѣтїи постави свѣтити въ мирѣ, премногими чудесы сияти въ Русьскѣи сторонѣ велицѣи, иде же множество стражующихъ съпасени бывають: слѣпїи прозирають, хромии быстрѣ сѣрны ришуть, сълудїи прострѣние приѣмлють.

Нѣ или могу всѣя съповѣдати или съказаати творимая чудеса, по истинѣ ни всѣ миръ можетъ понести, яже дѣются предивная чудеса и паче пѣсѣка морьскааго. И не ту единде, нѣ и по всѣмъ сторонамъ и по всѣмъ сѣмїямъ преходяща, болѣзни всѣи и недуги отгонїта, сумнѣихъ въ тѣмнищахъ и въ узахъ посѣщающа. И на мѣстѣхъ иде же мученьскыимъ вѣнцѣмъ увязостася, създанѣ бѣста църкви въ имя ею. Да и ту тако же многа чудеса посѣщающа съдѣваеа.

Тѣмъ же ваю како похвалити не съвѣмъ или чѣто рещи недоумѣю и не възмогу. Ангела ли ва нареку, имъ же въскорѣ обрѣтаеася близѣ скѣрбящихъ, нѣ плѣтскы на землѣ пожила еста въ чловѣчествѣ. Чловѣка ли ва именую, то паче всего чловѣчска ума преходїта множествѣмъ чудесъ и посѣщенїемъ немощныхъ. Цесаря ли князя ли ва проглаголю, нѣ паче чловѣка убо проста и смѣрена смѣрение бо сътяжала еста, имъ же и высокая мѣста и жилища въселистася.

По истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя княземъ, ибо ваю пособиемъ и защищенїемъ князи наши противу встающа държавно побѣжаютъ, и ваю помощїю хвалятеа. Вы бо тѣмъ и намъ оружие, земля Русьскыя забрала и утврѣжение и меча обоуду остра, има же дързость поганьскую низлагаемъ и дїавола шатанїя въ земли попираемъ.

По истинѣ несумьньнѣ рещи възмогу: вы убо небесная чловѣка еста, земельная ангела, стѣлпа и утвърженіе землѣ нашаея. Тѣмъ же и борета по своему отъчествѣ и пособита, яко же и великии Димитрии по своему отъчествѣ. Рекъ: «Аще убо и веселящемся имъ съ ними бѣхъ, тако же и погыбающемъ имъ съ нимъ умру». Нѣ обаче сии великии милъсърдѣи Димитрии о единомъ градѣ сице извѣща, а вы не о единомъ бо градѣ, ни о дѣву, ни о всѣи попечение и молитву въздаета, нѣ о всей земли Русьскѣи!

О блаженная убо гроба примѣши телеси ваю чѣстѣи акы съкровище мѣногоцѣнно! Блаженная църкы, въ ней же положенѣ быста рацѣ ваю святѣи, имущи блаженѣи телеси ваю, о Христова угодняка! Блаженѣ по истинѣ и высокѣ паче всѣхъ градъ Русьскыхъ и вышѣи градъ, имѣи въ себе таковое скровище. Ему же не тѣчѣнъ ни весь миръ. Поистинѣ Вышегородъ наречеса — вышѣи и превышѣи городъ всѣхъ; вѣторыи Селунъ явися въ Русьскѣи земли, имѣи въ себе врачество безмъздное, не нашему единому языку тѣтмо подано бысть бѣгъмъ, нѣ и всеи земли спасение. Отъ всѣхъ бо странъ ту приходяще туне почѣреплють ицѣление, яко же и въ святыхъ евангелиихъ господь рече святымъ апостоломъ, яко: «туне приеште, туне и дадите». О сихъ бо и самъ господь рече: «Вѣруи въ мя, дѣла, яже азъ творю и тѣ сътворишь и больша тѣхъ».

Нѣ о блаженная страстотърпца Христова, не забываиша отъчства, иде же пожила еста въ тели, его же всегда посѣтѣмъ не оставляета. Тако же и въ молитвахъ всегда молитася о насъ, да не придетъ на ны зѣло, и рана да не приступитъ къ телеси рабъ ваю. Вама бо дана бысть благодать, да молита за ны, вама бо далъ есть богъ о насъ молящася и ходатаи къ богу за ны. Тѣмъ же прибѣгаемъ къ вама, и съ слъзами припадающе, молимъся, да не придетъ на ны нога гърдыня и рука грѣшныча не погубитъ насъ, и всяка пагуба да не наидеть на ны, гладъ и озѣлобление отъ насъ далече отъженѣта и всего меча браньна избавита насъ, и усобичныя брани чюжа съворита и всего грѣха и нападения заступита насъ, уповающихъ къ вама. И къ господу богу молитву нашу усърдно принесѣта, яко съгрѣшихомъ зѣло и безаконьновахомъ премъного, и бещиствовахомъ паче мѣры и преизлиха. Нѣ ваю молитвы надѣющеся къ Спасу възъниемъ глаголюще: «Владыко, единыи без грѣха! Призри съ небесе святаго твоего на насъ убогихъ, елма же съгрѣшихомъ, нѣ ты оцѣсти, и безаконьновахомъ, ослаби, претѣкнухомъся по пременении, яко блудницю оцѣсти ны и яко мытоимѣца оправѣ!»

Да придетъ на ны милость твоя! Да въсканетъ на ны чловѣколюбие твое! И не ослаби ты преданомъ быти грѣхы нашими, ни уснути, ни умрети горькою смъртию, нѣ искупи ны отъ настаящаго зла и дажь ны время покаянню, яко многа безаконія наша предъ тобою, господи! Сътвори

съ нами по милости твоеи, господи, яко имя твое нарицается въ насъ, нѣ помилуй ны и ущедри и заступи молитвами пречестною страсотърпнцю твоею. И не сътвори насъ въ поносъ, нѣ милость твою излѣи на овѣца пажити твоея, яко ты еси богъ нашъ и тебе славу въсылаемъ отцю и сыну и святууму духу нынѣ и присно и въ вѣки вѣком. Аминь».

О Борисъ, какъ бѣ въ зрѣм.
Съ убо благовѣрными Борисъ благога корене сии послушливъ отцю бѣ, покаяся при всемъ отцю. Тѣлѣмъ бяше краснѣ, высокъ, лицѣмъ круглѣмъ, плечи величѣ, тѣнѣмъ въ чресла, очима добраама, веселѣ лицѣмъ, рода мала и усъ младѣ бо бѣ еще, свѣтѣся цесарьскы, крѣпѣмъ тѣлѣмъ, всѣячскы украшенѣ акы цвѣтъ цвѣтны въ уности свои, в ратѣхъ хрѣбрѣ, въ свѣтѣхъ мудрѣ и разумнѣ при всемъ и благодать божия цвѣташе на немъ.

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу

Перевод

Господи, благослови, отче!

«Род праведныхъ благословится,— говорил пророкъ,— и потомки ихъ благословенны будут».

Так и свершилось незадолго до нашихъ дней при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом, внуке Игоревом, просветившемъ святымъ крещениемъ всю землю Русскую. О прочихъ его добродетеляхъ в другомъ месте поведаемъ, нынѣ же не время. О томъ же, что начали, будемъ рассказывать по порядку. Владимиръ имѣлъ 12 сыновей, и не от одной жены: матери у нихъ были разные. Старшій сынъ — Вышеславъ, после него — Изяславъ, третій — Святополкъ, который и замыслилъ это злое убійство. Мать его гречанка, прежде была монахиней. Братъ Владимира Ярополкъ, прельщенный красотой ея лица, расстригъ ея, и взялъ в жены, и зачалъ отъ нея окаяннаго Святополка. Владимиръ же, в то время еще язычникъ, убивъ Ярополка, овладѣлъ его беременной женою. Вотъ она-то и родила этого окаяннаго Святополка, сына двухъ отцовъ-братьевъ. Поэтому и не любилъ его Владимиръ, ибо не отъ него былъ сл. А отъ Рогнеды Влади-

мир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же расскажем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса — в Ростове, а Глеба — в Муроме. Не стану, однако, много толковать, чтобы во многословии не забыть о главном, но, о ком начал, поведаем вот что. Протекло много времени, и, когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира — впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, а печенеги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них, и это сильно печалило его. Призвал тогда он к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом, блаженного и скоропослушного, и, дав ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник говорил: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор свой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увy мне! Как же ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честное тело твое убрал и могиле предал. Но не нес я доблестное тело твое, не сподобился целовать прекрасные твои седины. О блаженный, помани меня в месте упокоения твоего! Сердце мое горит, душа мой разум смущает и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным

дает благодать». И в послании апостола сказано: «Кто говорит: «Я люблю бога», а брата своего ненавидит, тот лжец». И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Поэтому, что я скажу, что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь мне отцом — ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?»

И, помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли я хотя бы брата моего младшего Глеба, как Иосиф Вениамина?» И решил в сердце своем: «Да будет воля твоя, господи!» Про себя же думал: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святого крещения. А ведь все это преходяще и непрочно, как паутина. Куда я приду по отшествию своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы, и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими? Всего этого будто и не было: все с ними исчезло, и ни от чего нет подспоря — ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон, все испытав, все видев, всем овладев и все собрав, говорил обо всем: «Суета сует — все суета!» Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви».

Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали юность его и его красоту телесную и духовную. И каждый в душе своей стenal от горести сердечной, и все были охвачены печалью.

Кто же не восплачется, представив пред очами сердца своего эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл и сердце его святое было сокрушено, ибо был блаженный правдив и щедр, тих, кроток, смиренен, всех он жалел и всем помогал.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое и погубит он меня, и когда прольет кровь мою, то буду я мучеником пред господом моим, и примет душу мою владыка». Затем, забыв смертную скорбь, стал утешать он сердце свое божьим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради меня и моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной». И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня, на тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с то-

бой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путышу и вышгородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки — преданы ли вы мне?» Путыша ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел перебить он всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть.

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяний и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путышиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

О таких пророк говорил: «Скоры они на подлое убийство. Оскверненные кровопролитием, они навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, — нечестием губят душу свою».

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но, с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, владыка, ибо уповаю я на тебя! Пусть удостоюсь участи рабов твоих и разделю жребий со всеми святыми твоими, ты бог милостивый, и славу тебе возносим вовеки! Аминь».

Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары был ее родной отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от господина им награда и украшение им от всевышнего». И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и непрерывными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная: как претерпеть мучение и страдание, и окончить

жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук вседержителя. И, проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться к господу богу.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и слышали голос блаженного стратотерпца, поющего на заутреню Псалтырь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстанут на меня» — и остальные псалмы, до конца. И, начавши петь по Псалтыри: «Окружили меня скопища псов и тельцы тучные обступили меня», продолжил: «Господи боже мой! На тебя я уповаю, спаси меня!» И после этого пропел канон. И когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Как ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня так принять страдание!»

И когда услышал он зловеющий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава тебе, господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям твоим. Не захотел ты сам избегнуть мук, ничего не пожелал себе, последуя заповедям апостола: «Любовь долготерпелива, всему верит, не завидует и не превозносится». И еще: «В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх». Поэтому, владыка, душа моя в руках твоих всегда, ибо не забыл я твоей заповеди. Как господу угодно — так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, обятаго скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благодати исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукою своей!» И, сказав это, опечалились.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова стратотерпца Бориса. Поразили его копьями окайненные: Путьша, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, — где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!»

Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной, и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили, и, раненный, выскочил он в оторопе из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начав, завершим повеленное нам». Услышав

это, блаженный стал молиться и просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолиться богу». И возрев на небо со слезами, и вознося вздохи горё, начал молиться такими словами: «Господи боже мой многомилостивый и милостивый и премилостивый! Слава тебе, что сподобил меня уйти от обольщений этой обманчивой жизни! Слава тебе, щедрый дарователь жизни, что сподобил меня подвига достойного святых мучеников! Слава тебе, владыка-человеколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего! Слава тебе, Христос, слава безмерному твоему милосердию, ибо направил ты стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святости твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника моего — ведь ради тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уравнили с овном, уготовленным на убой. Ведь ты знаешь, господи, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой, ничего не замышлял против брата моего. Он же сколько смог воздвиг против меня. «Если бы враг поносил меня — это я стерпел бы; если бы ненавистник мой клеветал на меня, — укрылся бы я от него». Но ты, господи, будь свидетель и сверши суд между мною и братом моим и не осуждай их, господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь».

И возрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышали слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных. С горькими вздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стenal: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?»

И так почил Борис, предав душу свою в руки бога живого в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских.

Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив ему голову, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неувядаемый венец. И, принеся тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

- И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха, и нисколько не раскаивался в содеянном. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянный: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстергши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня и лишат престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.
- И, замыслив это, злой дьявол сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжело болен он».
- Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле оступился под ним конь в яме и повредил слегка погу. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни, в ладье. А в это время пришла весть от Предславы к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».
- И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы мне, господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до господина, — помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение воспринять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».
- И когда он так стонал и плакал, орошая слезами землю и призывая бога с частыми вздохами, внезапно появились

и помолился посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники, свирепые звери, исторгающие душу.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: «Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте». Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытиться хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя». И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. Он же, видя, что не внимают словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис,— наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увy мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих, как река! И никто не внемлет мне, но ты помяни меня и помолись обо мне перед владыкой всех, ибо ты угоден ему и предстоишь пред престолом его».

И, преклонив колени, стал молиться: «Прещедрый и премилостивый господь! Не презри слез моих, смилуйся над моей печалью. Воззри на сокрушение сердца моего: убивают меня неведомо за что, неизвестно, за какую вину. Ты знаешь, господи боже мой! Помню слова, сказанные тобою своим апостолам: «За имя мое, меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради имени моего». И еще: «Терпением укрепляйте души свои». Смотри, господи, и суди: вот готова моя душа предстать пред тобою, господи! И тебе славу возносим, отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горьсер приказал резать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник. **И** была принесена жертва господу чистая и благоуханная, и поднялся в небесные обители к господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую и получили.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид: «Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие бога». И еще: «Обнажают меч нечестивые и натягивают лук свой, чтобы поразить идущих прямым путем, но меч их войдет в их же сердце и луки их сокрушатся, а нечестивые погибнут». И когда сказали Святополку, что «исполнили повеление твое», то, услышав это, вознесся он сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством сильный? Беззаконие в сей день, неправду замыслил язык твой. Ты возлюбил зло больше добра, больше ложь, нежели говорить правду. Ты возлюбил всякие гибельные речи, и язык твой истивый. Поэтому бог сокрушит тебя до конца, изринет и исторгнет тебя из жилища твоего и род твой из земли живых».

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Но господь, не оставляющий своих рабов, — как сказал Давид, — «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение. И ни единому, видевшему и слышавшему это, не пришлось на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаян-

ного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволением божьим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бывал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к тебе, владыка. И ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет. Молю тебя, господи, — да будут отмщены братья мои! Если телом вы и отошли отсюда, то благодатию живы и предстоите перед господом и своей молитвой можете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча злая, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом божьим. И прибежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти — муку вечную. И так потерял обе жизни: здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан. И сохранилась могила его до наших дней, и исходит от нее ужасный смрад в назидание всем людям. Если кто-нибудь поступит так же, зная об этом, то заплатится еще горше. Каин, не ведая об отмщении, единую кару принял, а Ламех, знавший о судьбе Каина, в семьдесят раз тяжелее наказан был. Такова месть творящим зло: вот Юлиан цесарь — пролил он много крови святых мучеников, и постигла его страшная и бесчеловечная смерть: неведомо кем пронзен был копьем в сердце. Так же и этот — неизвестно от кого бегая, позорной смертью скончался.

И с тех пор прекратились усобицы в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: как видели

свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженно-го Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так бог сохранил тело своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых страстотерпцев. Но, как говорил господь: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под снудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы светила всем». Так и этих святых поставил бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромые бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются.

Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир их не может вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас цесарями или князьями, но самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в горние места и жилища.

Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганных низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей! Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Дмитрий своему отечеству. Он сказал: «Как был с ними в

радости, так и в погибели их с ними умру». Но если великий и милосердый Дмитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!

О блаженны гробы, принявшие ваши честные тела как сокровище многоценное! Блаженна церковь, в коей поставлены ваши гробницы святые, хранящие в себе блаженные тела ваши, о Христовы угодники! Поистине блажен и величественнее всех городов русских и высший город, имеющий такое сокровище. Нет равного ему во всем мире. По праву назван Вышгородом — выше и превышает всех городов: второй Солунь явился в Русской земле, исцеляющий безвозмездно, с божьей помощью, не только наш единый народ, но всей земле спасение приносящий. Приходящие из всех земель даром получают исцеление, как в святых евангелиях господь говорил святым апостолам: «Даром получили, даром давайте». О таких и сам господь говорил: «Верующий в меня, в дела, которые я творю, сотворит сам их, и больше сих сотворит».

Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни да не коснутся тела рабов ваших. Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Потому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и межусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас, на вас уповающих. И к господу богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишеством и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыко, единый без греха! Возри со святых небес своих на нас, убогих, и хотя согрешили, но ты прости, и хотя беззаконие творим, помилуй, и, впавших в заблуждение, как блудницу, прости нас и, как мытаря, оправдай!»

Да снизойдет на нас милость твоя! Да прольется на нас челолюбие твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь нас от царящего в мире зла и дай нам время показаться, ибо много беззаконий наших пред тобою, господи! Рассуди нас по милости твоей, господи, ибо имя твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страстотерпцев твоих. И не предай нас в поругание, а излей милость твою на овец стада твоего, ведь ты бог наш и тебе славу воссылаем, отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь!»

Р. Борисе, каков был видом.

Сей благоверный Борис был благого кореня, послушен отцу покоряся во всем отцу. Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр, весел лицом, возрастом мал и ус молодой еще был, сиял по-царски, крепок был, всем был украшен — точно цвел он в юности своей, на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и благодать божия цвела в нем.

Печатается по:

Начало русской литературы.

XI — начало XII в.

Сост. и общ. ред. Д. С. Лизачева

и Л. А. Дмитриева.

М., 1978. С. 278—303.—

(Памятники литературы Древней Руси).

Борис и Глеб — нареченные во св[ятѣмъ] крещении *Роман и Давид*, св[ятые] мученики-страстотерпцы, князья российские, по времени — первые в сонме святых русской церкви. Иаков черноризец в «Сказаніи о страстотерпцахъ св. муч[еникахъ] Бор[исе] и Гл[ебе]» и преп[одобный] Нестор в «Чтеніи объ ихъ житіи и погубленіи» — писатели XI — XII вв. — представили в лице этих *первых* рус[скихъ] св. мучеников *некоторые* возвышенно-идеальные черты «князя-христианина» в его «семейственности» и «государственности», как бы в решительный противовес царившему еще тогда языческому строю жизни, с постоянными княжескими междоусобиями и раздорами, и подробно рассказали об их мученической смерти от руки родного брата Святополка, заклеянного в народной памяти, под влиянием их же рассказов, позорным прозвищем «окаяннаго». Бор. и Гл. в числе двенадцати сыновей великого кн[язя] Владимира св., рожденных от разных жен, были самыми младшими и происходили от матери «болгарини» (Иак. черн.) или, по некоторым известиям, от «царевны Анны», двоюродной сестры греч. императоров Василия и Константина (Иоакимовская и Тверская летоп[иси]) и, таким образом, если допустить последнее, — родились уже по принятии Владимиром христианства и от матери христианки. Среди других сыновей Владимира, из которых каждому он дал для управления по определенному княжескому уделу, Борис и Глеб, по словам Нестора, «сіяли, какъ двѣ свѣтлыя звѣзды» во мраке — своими прекрасными качествами, служили истинным утешением и усладой его старости, подобно Иосифу и Вениамину для Иакова, и потому Владимир и любил их предпочтительно пред другими. С раннего детства неразрывная братская любовь соединяла их. Так, когда Бор. и Гл. оба были еще в детском возрасте — «единаче

дѣтска бѣста» (Нест[ор], — но Борис был все-таки значительно старше летами, а Глеб еще «вельми дѣтескъ», — они тем не менее постоянно проводили время вместе — в чтении, молитве и в делах милосердия. Борис был уже научен грамоте и читал книги — «житія и мученія святыхъ», молясь и проливая слезы при этом чтении, — Глеб же, не умевший читать, «сидѣлъ подлѣ него и слушалъ», постоянно, день и ночь был вместе с ним. Отец их премного был «милостивъ» ко всем нуждающимся, сирым, болящим, повелевая развозить по городу нужное и потребное для всех таковых: так и сии св. Бор. и Гл., «видяща блаженная отца тако творяща, утверждастася на милостыню», подавая нищим, помогая вдовцам и сиротам. Отцу нравилось такое поведение их, потому что в этом он «видѣлъ на нихъ благословеніе Божіе». Самые имена, полученные ими при крещении (Роман и Давид), по словам преп. Нестора, служили предуказанием того конечного страдальческого подвига, который, по благословию и соизволенію Божию, долженствовал увенчать их жизнь и прославить в потомстве, так как в житии св. муч. Романа и в борьбе Давида с Голиафом он усматривает черты, сходные с тем, что случилось и с ними, и этим, очевидно, хочет показать, что на них «во всемъ почивало благословеніе Божіе». Вступив в зрелый возраст, Борис, исполняя желание и волю отца, женился: «се же блаженный, — говорит преп. Нестор, — сотвори не похоти ради тѣлесныя, — нѣтъ, не буди тако; но закона ради цесарскаго и послушанія ради отца». Вслед за этим Борис получил свой удел — Ростов (по Иакову черн., у Нестора не называется, какой именно удел), Глеб же остался при отце, который не хотел с ним расстаться, но затем, когда узнал, что Святополк злоумышляет против них, намереваясь погубить всех своих братьев, чтобы «всю страну покорити и владѣти единому», — Владимир призвал к себе и Бориса, «блудый, да нѣкаго проліетъ (Святополк) кровь праведнаго». Борис и Глеб, таким образом, остались жить при отце, по-прежнему пребывая «въ поученіи Божіихъ словесъ» и милостыню творя нищим, убогим и вдовым. Так рассказывает преп. Нестор. По Иакову чернор., оба — Борис и Глеб получили от отца уделы, Борис — Ростов, Глеб же — Муром, и уехали в эти города; но возможно, что Глеб, хотя и получил свой удел, все-таки оставался при отце, особенно после того, как распространился слух о коварных замыслах Святополка, что может быть заставило вызвать назад и Бориса, или же Борис, узнав об этих замыслах, сам, без особого зова, прибыл к отцу из Ростова, о чем и говорится у Иакова черноризца. Владимир был уже стар и впал в болезнь, между тем на Русь совершили набег печенегі: Владимир выслал против них Бориса с большим воинством и вскоре умер (в 1015 году). Святополк воссел на великокняжеском

престоле в Киеве и немедленно принялся за выполнение своих преступных замыслов относительно братьев и прежде других — относительно св. Бориса и Глеба. Он был женат на дочери польского короля, католика Болеслава, сам принял католичество, и возможно, что в своих планах единовластительства в русской земле находил поддержку как со стороны тестя, так и в содействии и подстрекательстве римско-католического духовенства, питавшего надежды на распространение чрез него латинства на Руси, как этого добивались римо-католики со времени принятия русскими христианства. Во всяком случае Святополк задумал погубить братьев и, заняв княжеский престол в Киеве, подговорил и послал убийц к Борису, который в это время возвращался из похода против печенегов и остановился на реке Альте, под Переяславлем: здесь нашли его убийцы. Борис уже знал о смерти отца и горько сетовал, что он умер и похоронен без него, получил он также известие и о том, что Святополк вступил на киевский престол. Дружина, бывшая с Борисом, советовала ему поспешить в Киев и самому воссесть на «отчий столъ», потому что «его всѣ желали» — за него было войско, его желали киевляне. Борис, как истинный христианин, охраняя святость братских отношений и прав старшинства, отверг предложение: «не могу поднять руки на старшаго брата,— сказал он,— старшій братъ будетъ мнѣ вмѣсто отца». Тогда дружинники покинули его — разошлись. По Нестору, Борис сам распустил их по домам, не желая, чтобы они гибли в междоусобной войне его с братом и собираясь лично отправиться к нему, чтобы установить и сохранить истинно братские отношения; по рассказу Иакова черноризца дружинники сами разошлись — бросили его, потому что он не согласился на их предложение — «не захотѣлъ служить выгодамъ Русской земли», «общеземскому дѣлу» (Забелин). Борис остался один, с немногими «отроками» — слугами. Он, по-видимому, не знал, что к нему уже посланы Святополком убийцы, хотя ожидал и готовился к этому (так по Иакову, по Нестору — он был извещен об отправлении к нему убийц и потому готовился христиански встретить и перенести мученические страдания); убийцы прибыли к его шатру глубокой ночью, выждали, когда он, проснувшись рано утром, молился за утренним богослужением, ворвались в шатер и, «какъ звѣря дивія», набросились на него и закололи копьями. Иаков черноризец так описывает эту мученическую «страсть» св. Бориса: «Внутри шатра пламенно, до изнеможенія силъ молился св. князь до поздняго вечера, затѣмъ возлегъ онъ на одрѣ своемъ и горько плакалъ, сонъ бѣжалъ отъ его очей, а убійцы лютые уже приближались. Наступало утро — время заутрени. То былъ воскресный день...» Блаженный князь велел находившемуся при нем священнику служить заутреню (в списке XII в. — «зао-

утреннюю», XIV в. — «оутреннюю»), сам же встал с постели, надел обувь, умыл лицо и начал молиться Господу Богу. Посланные Святополком убийцы пришли еще ночью, скрывались и теперь только показались пред княжеским шатром, в котором «блаженный страстотерпецъ самъ пѣлъ псалтирь заутреннюю»; его известили о приближении убийц, он продолжал пение псалмов (шестопсалмие): «Господи, что ся оумножиша стѣоужающіи; мнози вѣсташа на мя»...

«Господи, Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя» (по сѣ[иску] XII в.), засим канон и, кончив утреню, начал молиться пред иконой Господней, прося сподобить его «пріяти страсть», а когда услышал подле шатра «топотъ» (по сп. XIV в., в сп. XII в. — «шпѣтъ»), затрепетал, заплакал и воззвал к Богу: «Слава ти Господи, яко въ свѣтъ семъ сподобилъ мя еси зависти ради пріяти горькую сѣ смерть, всепострадати (в сп. XII в. «престрадати») любве ради и словесе Твоего (в сп. XII в. и — нет). Не всхотѣхъ бо взыскати княженія (слова этого в сп. XII в. нет) себѣ самъ; ничто же о себѣ изволихъ, по апостолу: *любѣ все терпѣть, всѣмъ вѣру емлетъ и не ищетъ* своихъ си. И пакы: *Боязни въ любви нѣсть, сѣвершенная бо любви вѣнъ (вонъ) измещетъ боязнь* (I Кор. 13,7; I Иоан. 4,18). Тѣмъ же, Владыка, душа моя въ руку Твоею выну, яко закона Твоего не забуду. Яко Господу годъ (угодна) бысть, тако буди» (по сп. XIV в.). Священник — «попинъ», бывший при Борисе, и «отрокъ», служивший ему, были глубоко потрясены, видя «господина своего дряхла (скорбна) и печалью обліяна суща», и «умилненно» сказали ему: «Милый наю (нашъ), господине драгий, колпкой благодсти исполненъ бысть, яко не вѣхотѣ противитися брату своему любве ради Христовы, яко велики вои держа въ руку твою». Тогда ворвались в шатер убийцы, кинулись на св. Бориса, поразили его копьем, и он пал на землю; любимый отрок его Георгій бросился было к нему, думая своим телом прикрыть его — убийцы поразили и его и, желая снять с него «золотую гривну», которая была подарена ему св. Борисом в знак особого расположения к нему и которую он носил на шее, — отрубили ему голову, уже мертвому. Борис, между тем, смертельно раненный, был еще жив, простил всем и молился за своих убийц. Злодеи, завернув тело его в шатер, в котором он находился, повезли к Киеву, но Святополк, извещенный о совершенном злодеянии и о том, что страдалец еще дышит, послал навстречу им двух варягов, которые и довершили убийство, на пути — «на бору», недалеко от Киева. Это случилось в 1015 г., 24 июля. Тело убитого было отнесено «тайно» (по Иакову чернор.) в Вышгород, который, по Нестору, «отъ Киева, града стольнаго» находился в расстоянии «пятнадцати стадій»: здесь оно было положено — погребено «у церкви св. Василия». Погубив

Бориса, Святополк тотчас же отправил убийц и к св. Глебу. В рассказе о мученической кончине последнего встречаются некоторые противоречия между Иаковом чернор. и преп. Нестором, более существенные, чем в других местах их «чтенія» и «сказанія», хотя вообще принято думать, что преп. Нестор в своем рассказе пользовался Иаковым мнихом. По Нестору, св. Глеб, узнав о братоубийственных намерениях Святополка, «*восхотѣ отбѣжати въ полуночныя страны*», пошел к реке (Днепру), нашел здесь «кораблець уготованъ», сел на него и «такъ отбѣже отъ законопреступнаго брата»; но куда именно, в какие «полуночныя страны» отбежал он и где, в каком месте нашли его убийцы, посланные Святополком, — неизвестно. По Иакову чернор., они встретили его на реке Смедыни, впадающей в Днепр, недалеко от Смоленска, плывшим в «насадѣ» — в княжеской лодке, и здесь он был зарезан ножом своим же поваром, Торчином по имени. Чем объясняется указанное противоречие или, точнее — умолчание, недостаток фактических подробностей у преп. Нестора, если он действительно имел пред собою точное показание чернор. Иакова о месте и обстоятельствах убийства св. Глеба, — остается не разъясненным. Проф. Голубинский полагает, что «повѣсть» Иакова не была собственно настоящим житием св. Бориса и Глеба, составленным по образцу греческих житий святых, что преп. Нестор взял на себя труд составить такое именно «житіе», пользуясь готовой уже повестью Иакова, и что «оно, такимъ образомъ, представляет собою первый у насъ опытъ настоящаго житія» (Ист. русск. церк. Т. 1, пол. 1. С. 620). Но все-таки непонятно, для чего в таком случае понадобилось ему допускать противоречия Иакову, приводить одни подробности из него и изменять или умалчивать о других, хотя бы и совершенно безразличных для главной его цели — церковно-назидательной. Кроме того, нельзя не заметить, что «сказаніе» Иакова, которое проф. Голубинский считает не совсем подходящим к обычному типу греко-славянских церковно-назидательных житий святых, пользовалось у нас несравненно большей известностью в церковном именно употреблении, чем собственно «житіе» Нестора, и по нему, главным образом, наши предки знали и научились чтить память святых и славных князей — страстотерпцев Бориса и Глеба. Так оно и дошло до нас во множестве списков, от XII до XVII в., тогда как «житіе» их, составленное Нестором, известно всего лишь в пяти-шести списках, из которых древний не позднее XIV в. — Проложныя «чтенія» о св. Борисе и Глебе, известные по спискам XII—XIII вв. и все позднейшие составлены по Иакову, а не по Нестору, а проложные чтения, назначавшіеся для церковного чтения, были просто *сокращением* более или менее обширных *церковных житий*, и при этом в некоторых списках Прологов, как напр. в Успенском

1405 г. (Синод. библия, Успен. рук. № 3) помещались — и краткое проложное чтение, и обширное «сказаніе», но именно — Иакова. В Степенной книге и в Четьи-Минеях м[итрополита] Макария приводится также «сказаніе» Иакова и нет «житія» Нестора, даже в нашей первоначальной летописи о св. Борисе и Глебе рассказывается по Иакову, а не по Нестору, хотя преп. Нестор и считается (допустим, и несправедливо) составителем этой летописи. На основании такой известности «сказанія» Иакова скорее можно думать, вопреки приведенному мнению почтенного историка, что оно (житие) именно, по крайней мере, считалось и признавалось у нас церковным житием св. Бориса и Глеба, а не «чтение» Нестора. Показание Иакова мниха о месте и обстоятельствах «погубленія» св. Глеба, занесенное и в первоначальную летопись, вместе с рассказом об убийнии св. Бориса (под 1075 г.), принимается всеми историками. Св. Глеб был зверски умерщвлен 5 сентября 1015 г., спустя месяц и 12 дней после убийния его брата. Тело его «было положено на путь мѣсть, на брезѣ, межи двѣма колодома», как говорится у Иакова, т. е., по объяснению проф. Голубинского, было похоронено «не въ Смоленскѣ, близъ котораго произошло убійство, а на томъ самомъ пустомъ мѣсть, гдѣ совершено убійство, на берегу Днѣпра», и «погребено было не съ подобающею честію (где-либо при церкви) въ княжескомъ каменномъ гробѣ, а съ безчестіемъ (на поле) въ простолудинскомъ деревянномъ гробѣ, состоявшемъ изъ двухъ колодъ, каковы были деревянные гробы въ древнее время» (История канонизации святых в русск. цер. С. 27, прим.). В рассказе о зверском «погубленіи» св. Глеба, как у Иакова, так и у преп. Нестора, в каждом слове чувствуется то же глубоко набожное, можно сказать, священное настроение и благоговение самих благочестивых «писателей» пред возвышенным нравственно-христианственным образом невинного святого страдальца-мученика, каким проникнуты их рассказы об убийнии и его брата, как и все их повествование. Пред их религиозно-освященным взором предносятся образы библейских и евангельских страдальцев — Авеля, невинно обвиненного своим же братом и первым на земле извергом — братоубийцей Каином, Иосифа Прекрасного, брошенного в ров, на погибель, также своими братьями, образ самого великого, божественного страстотерпца, агнца непорочного, закланного за грехи мира, Христа, и — сонмы христианских святых и мучеников. Своими рассказами они вводили этих первых в русской земле христианских страстотерпцев именно в сонм общевселенских святых православной церкви и показывали в их лице красоту и святость христиански воспитанной души и общественности. Св. Борис и Глеб, по их рассказам, невинно погубленные, павшие жертвой нечестиво-языческих вождельний

и дохристианского строя общественных отношений, представляли воплощение тех именно возвышенных нравственных достоинств и добродетелей, каких недоставало в языческом обществе и каких чуждо всякое общество полуязыческое или двоеверное (а таким в княжеский период нашей истории и долго позднее в значительной степени и было большинство нашего народа), — они были живым воплощением (как истинные сыны Владимира — христианина, а уже не язычника) святой, детски чистой и спасительной веры в Бога, послушания отцу и отеческим законам (они и погублены были потому, что не хотели нарушать закон старшинства и старшего в роде), братней любви, согласия и мира (в период постоянной братоубийственной розни и взаимных братских раздоров), горячей, деятельной любви к ближнему. И, напротив, Святополк Окаянный являлся прямым отрицанием всего этого, живым воплощением всего нечестивого «окаянства» язычества — и по своим душевным качествам, и по внешней деятельности. Такими наши древние «писатели», не мудрствуя лукаво, изображают св. братьев страстотерпцев Бор. и Гл., такими признала их Церковь, причислившая их к лику святых русской церкви и прославляющая (с XI в.) в своих песнопениях, наконец, такими же знал и знает их и весь православный русский народ, в котором они, за указанные высокие христианские добродетели почитаются и прославляются наряду с известнейшими и наиболее народными у нас святыми и мучениками — св. Николаем Угодником и св. Георгием Победоносцем (с тем и другим вместе они уже являются в рассказах Иакова об их чудесах).

Вслед за повествованием об убиении св. Бориса и Глеба, Иаков чернор. и преп. Нестор рассказывают и об открытии их мощей, о прославлении церковью причислением к лику русских святых и о чудесах их. Мы не приводим их рассказа об этом, так как его можно найти в любом сборнике житий русских святых (в Чт.—Мин.[Четьи-Минеи] Димитрия Рост[овского], у Муравьева, преосв[ященного] Филарета Чер[ниговского], Димитрия Твер[ского] и др.), — укажем лишь главное и существенное. Когда Ярослав после упорной борьбы «одоуль» наконец Святополка, который и погиб, как новый Каин, «гонимый гнѣвомъ Божиимъ», в неведомом месте — «въ пустынь межи Чахы (чехи) и Ляхы» (ляхи, поляки), когда «крамола престала въ Русской землѣ» и Ярослав сделался полным хозяином «самовластцемъ въ Рустѣй земли», соединившим в своих руках «всю власть надъ нею» (Лет. под 1019—1036 гг., Иаков «Сказ.», в изд. Срезневского. С. 64—65), то первой его мыслью и заботой было найти прах невинно погубленного его брата — страдальца, св. Глеба, чтобы перенести и похоронить в достойной и почетной усыпальнице, подле его любимого и спострадавшего с ним брата св. Бориса. Место это, где «на брегѣ»

р. Смедыни было «повержено» — «съ безчестіемъ» погребено тело убиенного св. Глеба, было указано, по устроению Божию, особыми «чудесными знаменіями», явленными на нем, гроб его был найден и с почетом перевезен по Днепру в Киев, а отсюда в торжественной процессии перенесен в Вышгород и похоронен у церкви св. Василия, подле могилы св. Бориса. Скоро близ места погребения св. мучеников также начали являться чудесные знаменія: «овогда бо на мѣстѣ, идѣже лежаста, видяху стояще столпъ огньнъ, овѣгда же слышаху ангелы поюща. И то слышаще людіе и видяще вѣрніи, и славяху Бога, приходяще поклоняхуся бо страхомъ на мѣстѣ томъ. И пришельцы мнози приходяху отъ инѣхъ странъ. И они вѣроваху си слышаще, а друзіи не вѣроваху, аky лжу мняху» (Иак.). Спустя немного деревянная церковь св. Василия, у которой были погребены тела св. Бориса и Глеба, сгорела, при этом из нее были вынесены решительно все священные предметы, ничего не сгорело, сгорели только одни стены церковные. Митрополитъ Иоанн, по совещаніи с вел. кн. Ярославом, устроил крестный ход в Вышгород, к месту погребения св. братьев-мучеников, в котором (крестномъ ходѣ) принималъ участіе и сам Ярослав, затем на месте сгоревшей церкви поставили «клѣтку малу» (небольшую часовню), митрополитъ отслужилъ в ней всенощную, а на другой день также с крестнымъ ходомъ пошелъ к ней и, сотворивъ молитву, велелъ откопать землю надъ гробами святыхъ братьев. И вот, когда изнесли изъ земли и открыли ихъ гробы, то увидели преславное чудо: тела святыхъ не имели никакой язвы, но были совершенно целы, и лица (ихъ) были светлы, какъ лице (ангела), такъ что дивились архиепископъ (м. Иоанн, котораго Иаковъ называетъ митрополитомъ и архиепископомъ) и все люди, которые ощущали великое благоуханіе. И, внесши (гробы) в ту «храмину», которая была сооружена на месте сгоревшей церкви, поставили ихъ поверхъ земли на правой сторонѣ (Иак. черн., у Голубинскаго, Канонизация и пр. С. 29). Скоро у гробовъ св. мучениковъ совершилось два чуда: исцеленіе сухорукаго и имевшаго скорченную ногу, и прозрѣніе слѣпого. Когда это стало известнымъ, Ярославъ рѣшилъ построить на месте часовни и построилъ большую и прекрасно украшенную пятиглавую деревянную церковь во имя св. Василия: сюда торжественно, въ присутствіи Ярослава, всего духовенства и народа были перенесены мощи св. Бориса и Глеба и установленъ имъ общецерковный всероссійскій праздникъ м[есяца] іюля в 24-й день (это и день убиенія св. Бориса). Тогда же, или вскоре потомъ, была составлена м. Иоанномъ (1008—1035 гг.) и церковная служба имъ, дошедшая до насъ в спискѣ XII в. (изд. проф. Голубинскимъ в Истор. р. цер., I, 2 пол. С. 429), а затемъ появился в томъ же XI в. и указанные церковные «сказаніе» и «чтеніе»

м. Иакова и преп. Нестора, из которых первое теперь известно также по списку XII в. (в изд. гг. Шахматова и Лаврова. М., 1899. С. 12—40). При Изяславе, сыне Ярослава I, вместо обветшавшей уже названной церкви св. Василия, была построена новая одноглавая церковь, во имя уже св. Бориса и Глеба, и в нее были перенесены, в каменной раке, их св. мощи, в 1072 г., мая 2-го и установлен на этот день новый праздник в память «перенесения ихъ мощей». Спустя 40 лет после этого, Владимир Мономах построил новую великолепную каменную церковь во имя св. Бориса и Глеба и в нее были снова перенесены их мощи, в 1115 г., 2-го мая, в день их праздника: это второе перенесение их мощей, бывшее при м. Никифоре, — к торжеству этого дня, вероятно, была составлена и новая служба им на 2-е мая, составителем которой, как предполагают, был киево-печерский инок преп. Григорий, который считается написавшим службу св. равноапостольному кн. Владимиру (арх. Дмитрий, Месяц. свят. Тверь, 1899. Май. С. 42). Кроме указанных, в честь Бор. и Гл. были еще праздники — 11 авг. (принесение ветхих рак их в Смоленск на Смедыни в 1191 г.) и 5 сент. (день убиения св. Глеба). Вообще память их чествовалась с особенной торжественностью в древней Руси. «Как первые русские святые, — говорит проф. Голубинский, — они признаны были патронами Русской земли и по этой причине в период домонгольский их память праздновалась весьма торжественно, быв причисляема к годовым праздникам Русской церкви» (Канонизация рус. св., 32). Но и в послемонгольский период память их пользовалась у нас великим почетом: об этом свидетельствует множество храмов и монастырей в разных местах, посвященных их имени. Во время нашествия монголов Вышгород был вконец разорен, церкви его разграблены или уничтожены, и мощи св. Бориса и Глеба исчезли неизвестно куда; делались попытки найти их на месте древнего Вышгорода (при импер. Елизавете Петр. в 1743 г., при Александре I в 1814 и 1816 гг. и в новейшее время), но все поиски остались напрасными. Существует народное предание, что исчезнувшие мощи св. Бориса и Глеба сокрыты на дне глубокого колодца, находящегося за алтарем Вышегородской церкви (арх. Дмитрий, *ibid.*, 45). Недавно местный смоленский археолог С. И. Писарев в брошюре «Было ли перенесение мощей св. Бор. и Гл. из Вышгорода в Смоленск на Смядынь» (Смоленск, 1897) высказал предположение, что мощи их и до днесь почивают под спудом, но не в Киеве или Вышгороде, а в Смоленске. В «Иконописномъ подлинникѣ» дается такое описание церковного изображения св. Бор. и Гл. на иконах: «Борись подобіемъ русъ, власы мало съ ушей, брада не велика, аки Космина, на главѣ шапка, опушка черная соболя,

ризы на немъ княжескія, шуба бархатная, выворотъ черной соболей, исподняя риза зеленая камчатая, въ руке крестъ, въ другой мечъ въ ножнахъ. Глебъ подобіемъ младъ, лицомъ бѣлъ, волосы съ ушей кратки малы, очень кудреваты, на главѣ шапка, опушка соболя, ризы княжескія, шуба камчатая, выворотъ соболей, исподняя риза лазоревая камчатая, въ рукѣ крестъ, въ другой мечъ въ ножнахъ. У обоихъ на ногахъ сапоги» (Филимонов, 334, 397, 398).

*Печатается по:
Православная богословская
энциклопедия
или
Богословский энциклопедический
словарь. Т. 2.
Под ред. проф. А. П. Лопухина.
Петроград, 1903. С. 954—968.*

ЭЙМУНДОВА САГА

1

Здесь начинается сказание
об Эймунде и конунге Олафе

Был конунг по имени Ринг: он рядил* Уппландиею, в Норвегии. Удел этот назывался Рингарик, потому что он был над ним конунгом. Он был умен, милостив, очень добр и богат, и был сын Дага Ринговича, внук Гаральда-Прекрасноволосого, а те, которые были получше и познаменитее (происхождением) в Норвегии, от него себя производили. У Ринга было три сына, и все они были конунги: один назывался Рёрек (Рюрик), и тот был старший; второй Эймунд; третий Даг. Все они были храбрые мужи, заступали место отца своего в походах и в (морском) витязестве и тем весьма прославились. Это было в то время, когда и конунг Сигурд-Свинья рядил в Уппландии: он имел (женою), Асту, дочь Гудбрандову и мать Олафа-Святого. Сестра ее называлась Торни, и была матерью Галльварда-Святого; вторая сестра, Исрид, была бабушка Стейгар-Тореру. Они воспитывались и выросли вместе, Олаф Гаральдович и Эймунд Рингович, и были почти равных лет. Они были обучены всему, что делает человека отличным, и проживали частью у конунга Сигурда, частью у конунга Ринга, отца Эймундова. Когда конунг Олаф отправился в Англию, Эймунд отправился тоже. С ним был еще Рагнар Агнарович, внук Рагнара-Ряккиля, сына Гаральда-Прекрасноволосого, и многие другие знатные мужи. Они становились тем достопочтеннее и славнее, чем дальше странствовали, как то ясно сбылось потом в рассуждении Олафа-Святого, ибо имя его сделалось известным по всему северу: когда достиг он власти в Норвегии, то покорил себе всю страну и истребил всех удельных конунгов, как о том сказано в его саге, употребив к тому различные средства, о чем писали мудрые мужи. Повествуется достоверным образом, что он отнял владения у пяти конунгов в одно

---

* Рядил — правил при участии совета, ряда, вече.

утро, а всего отнял владения у девяти конунгов той страны, по сказанию Стюрмера-Мудреца: некоторых убил, других зауечил, иных прогнал из отчизны. В это несчастье попали и Ринг с Рёреком и Дагом: Эймунд и ярл Рагнар Агнарлович были тогда на витяжестве, когда эти дела происходили. Уехали они из отчизны, Ринг и Даг, и долго проживали в набегах, потом отправились на восток, в Готландию, и там еще долго они рядили потом. А конунг Рёрек был лишен зрения и оставался при конунге Олафе, доколе не изменил ему, возмутив его придворных мужей, которые перерезались между собою: он нанес конунгу Олафу удар в день Вознесения Господня в ограде Христовой церкви, рассек платье, в котором был конунг; но Бог помиловал, что конунг остался не ранен. Отчего потом конунг Олаф на него разгневался и послал его на Гренландию, если ветер дозволит, с Торарном Нефюльфовичем, но они прибыли в Исландию, где он и остался у Гудмунда-Знатного, в Мадреваллах, в Эйяфирде, и умер в Кальфскинне.

2

Об Эймунде и Рагнаре

Наперед сказать, что Эймунд и Рагнар воротились в Норвегию скоро после этого со многими ладьями. Конунг Олаф был тогда в далекой стороне. Они сведали про те дела, о которых сказано выше. Эймунд составил вече из жителей области и говорил таким образом: «Здесь произошли большие вещи, в области, с тех пор как мы уехали вдаль. Мы потеряли родных наших, а некоторые из них изгнаны из отчизны в несчастном виде. Срам и убыток постигли нас после (истребления) знаменитых и достопочтенных родственников наших. Теперь один конунг в Норвегии, тогда как прежде было их много. Я полагаю, что это государство пойдет хорошо, будучи управляемо конунгом Олафом, моим совоспитанником, хотя иное кажется что-то весьма странным в его правительстве. Я надеюсь получить от него много милостей и почестей, исключая звание конунга». Тут друзья обоих стали советовать ему отправиться к конунгу Олафу, чтоб увидеть, не даст ли он ему звания конунга. Эймунд отвечал: «Ни сам щита не подниму против конунга Олафа, ни пойду на него с неприятельскою ратью; но после тех ужасных дел, какие произошли между нами, не могу идти связываться с ним и добровольно слагать с себя свое достоинство. Так что же, полагаете вы, предстоит нам делать, если мы не хотим ни примириться с ним, ни идти в его присутствие? Я знаю, что он окажет мне великие почести, если мы с ним повидаемся, чтоб только я не находил на его владение; но мне кажется невероятным, чтоб вам, моим мужам, было у него столь же хорошо, когда увидите вы

родных ваших тяжко уничиженными. Но если вы того от меня требуете, я готов стерпеть (это унижение), только мы наперед должны поклясться присягою и тогда уж будем держаться крепко». На то сказали Эймундовы люди: «Что же ты думаешь делать, если нам ни примиряться, ни идти в присутствие конунга, ни, уехав вдаль из наших вотчин, приставать к враждебной ему рати?» Рагнар примолвил: «Эймунд сказал очень сходно с тем, что мне самому мнится в душе: я тоже не хотел бы судьбу нашу верить конунгу Олафу. Но, я полагаю, надобно наперед подумать о том: если сбежим с наших дворов, будем ли мы казаться (людям) чем-то получше каких-нибудь купцов?» Эймунд сказал: «Хотите ли принять наряд, который задумал я в мысли? Я скажу вам мое мнение, если вы желаете: я узнал о кончине конунга Вальдамара (Владимира) на востоке, в Гардарике*, и теперь это владение держат три его сына, мужи самые доблестные. Но он разделил владение свое между ними едва ли поровну, потому что один из них имеет областей более, нежели два другие. Один называется Бурислейф (Борислав, Святополк) и получил самую большую часть отцовского наследства, он же и самый старший между ними; другому имя Ярислейф; третьему Вратилаф** (Вратислаф, Брячислав). Бурислейф имеет Кенугард*** (Киевгород), Ярослав**** Гольмгард (Новгород), а третий правит Палтеском (Полоцком) и всею тою областью, которая лежит подле, но они теперь в несогласии за свои владения: недовольствуется своим добром тот, который держит самую большую и лучшую часть раздела, думая, что у него мало государства, потому что менее, нежели как было у отца, и оттого считая себя ниже своих предков. Теперь мне пришлось в голову: не покажется ли вам удобным, чтоб мы отправились туда и повидались с теми конунгами, да пристали б к которому-нибудь из них, а всего лучше к тому, кто хочет удержать свое владение за собою и доволен так, как отец поразделил между ними? Для нас это было бы хорошо, как в рассуждении богатства, так и почестей. Я укреплю этот наряд за вами!» И все они изъявили то же желание. Были там многие мужи, которые хотели стяжать себе богатство и имели в виду вознаградить обиды свои в Норвегии: они скорее предпочли покинуть отчизну, нежели оставаться и терпеть последнюю беду от конунга и своих врагов, решились идти на чужбину с Эймундом и Рагнаром и поплыли вдаль, со многими людьми и с большою по мужеству и храбрости силою, держа путь на Аустурвег (Россию). Обо всем этом конунг Олаф узнал не прежде как после их отъезда, и сказал: «Дурно случилось,

---

* Гардарик — Русь.

** В дальнейшем — Вартилаф.

*** В тексте встречается и другое написание — Кунигард.

**** Так в источнике.

что Эймунд и его люди не повидались (со мною), ибо я заставил бы его считать друг друга лучшими приятелями. И то правда, что поделом он может быть озлоблен на меня!.. Но вот теперь выбыл из нашей земли такой муж, которому бы я предоставил величайшие почести, кроме звания конунга!» Когда Олафу рассказали, что Эймунд говорил на вече, конунг отозвался, что Эймунд всегда был способен принять хорошую меру. И как о том нечего сказать более, то обратим повесть к Эймунду и ярлу Рагнару.

3

Эймунд приезжает в Гардарик

Эймундовцы не прежде оставили путешествие, как прибыв на восток, в Гольмгардию, к конунгу Ярислейфу. Они решились (не предлагая своей службы другим) наперед явиться к конунгу Ярислейфу, согласно настоянию Рагнара. Конунг Ярислейф был в родстве со шведским конунгом Олафом: он имел (в супружестве) дочь его, Ингигерду. Как скоро сведал конунг о прибытии их в ту страну, послал к ним мужей предложить им безопасность в дружеской земле и (звать их к) его присутствию на веселый пир, за что они хорошо возблагодарили. Когда уселись к пиру, конунг и господня (его супруга) расспрашивали у них о разных норвежских делах и о конунге Олафе Гаральдовиче. Эймунд сказал им много хорошего об нем и об его нравах, говоря, что долгое время был он его совоспитанником и товарищем (на поле брани). Но не хотел распространяться о том, что его огорчало относительно к происшествиям, о которых упомянуто выше. Эймунду и Рагнару понравилось все, касающееся как до конунга, так и до госпожни, ибо она была решительна (в делах) и мягка на пенязь (т. е. щедра); конунг же Ярислейф, хотя отнюдь не славился мягкостью своею на пенязь, но был князь способный к правлению и знатновидный.

4

Договор Эймунда с конунгом Ярислейфом

Тут конунг спросил у них, куда думают они направить дальнейший путь, но они сказали: «Мы сведения, государь, что ты будешь в некотором убытке по твоему владению из-за твоих братьев; мы же изгнаны из нашей отчизны и отправились к востоку, сюда, в Гардарик, чтоб повидать вас, троих родных. Мы намерены помогать тому из вас, кто более всех доставит нам уважения и почестей, потому что желаем сами стяжать себе богатство и славу, а вам быть благодарными за почести и уважение. Пришло нам в голову, что вы захотите

иметь при себе бодрых мужей, когда на вашу честь станет нападать кто-нибудь из родных, тех самых, которые оборотились теперь вашими врагами. Мы просимся быть защитниками этого владения, (хотим) сойтись с вами на условиях и получать от вас золото и серебро, и хорошее платье; а если вы не намерены тотчас согласиться на наше предложение, мы получим то же самое добро от других конунгов, когда вы от нас уклоняетесь». Конунг Ярислейф отвечал: «И очень нуждаемся мы в вашей дружине и распорядительстве, потому что вы умные и храбрые мужи, Нордманны, но мне неизвестно, сколько потребуете вы жалованья за вашу службу». Эймунд отвечал: «Во-первых, ты пожалуешь дом для нас и всех наших людей, и не откажешь нам ни в каком добре из лучших твоих припасов, в котором будем мы иметь надобность». — «На это иждивение я согласен», — сказал конунг. Эймунд примолвил: «Тогда эти люди готовы сражаться впереди тебя и идти (на врага) первые за твоих людей и за твое владение. Сверх того, должен ты отпускать на каждого нашего воина по унции серебра, а каждому начальнику ладьи платить еще по полунции». Конунг возразил: «Этого мы не можем!» Эймунд сказал ему: «Можешь, государь, потому что вместо этой платы мы примем бобров и соболей, и другое добро, какое здесь, в вашей земле, водится в изобилии; оценку же им будем производить мы сами (а не наши воины). А если случится какая добыча, тогда можете отпустить нам пенязями. Если будем сидеть без дела, то добра жаловать нам менее». Конунг изъявил на все это свое согласие, и заключенное условие должноствовало продолжаться двенадцать месяцев.

5

Эймунд одерживает победу в Гардарике

Тогда Эймундовцы вытащили свои ладьи на берег и прилично их пристроили. Конунг Ярислейф повелел построить для них каменный дом и обить его (внутри) красным сукном; все нужное было им доставляемо в исправности, из лучших его припасов. Они проводили всякий день с конунгом и госпоdynей в большой радости и потехе. Но, когда прожили они недолгое время в добром почитании, (вдруг) пришли письма от конунга Бурислейфа к конунгу Ярислейфу, в которых было сказано так, что он требует от конунга нескольких деревень и торгов, примыкающих к его владению, изъясняя, что они удобны ему для сбора доходов. Конунг Ярислейф рассказал конунгу Эймунду о требовании брата. Тот отвечал: «Мало могу я о том судить, но от нас помощь готова, если вам угодно употребить ее. Необходимость повелевает кротко обходиться с братом, когда он поступает кротко; но если, как я предугадываю, он будет требовать более, получив это, тогда тебе само-

му (предстоит) избрать, хочешь ли отказаться, или нет, от своих владений, или же пожелаешь держаться в них силою и предоставить оружию (решить распрю) с братом, ежели надеешься потом удержаться сам собою. Безопаснее было бы миролюбиво уступить ему то, чего он домогается; но многим покажется малодушным и не княжеским, если ты предпочтешь эту (меру); да и не знаю, зачем держишь здесь заграничную рать, когда на нас не полагаешься? Ты теперь должен избрать сам, по твоему разумению». Конунг Ярислейф изъяснил, что он отнюдь не думает без попытки отдавать свои владения. Эймунд примолвил: «Тогда ты должен сказать послам брата, что будешь защищать свое владение. Не давай же им много срока для собрания людей против тебя, ибо умные сказали, что гораздо надежнее драться на своем дворе, нежели на чужом». После этого послы уехали и рассказали своему конунгу все, как что было — что конунг Ярислейф не хочет делиться с братом ни малейшею частию своего владения, и готов бороться, если тот придет в его удел. Конунг примолвил: «Он, верно, упоает достать (откуда-нибудь) людей и пособие, если полагает защищаться против нас; или же пришли к нему какие-либо заграничные мужи, которые подали ему совет укрепить (за собою) свое владение?» Послы сказали, что они слышали, будто находится там нордманнский конунг с шестьюстами Нордманнами. Конунг Бурислейф примолвил: «Так не иначе они держали ему этот совет!» Тогда собрал он к себе своих людей. Конунг Ярислейф велел возить стрелу по всему своему владению, и оба конунга созвали своих людей. Сбылось так, как предполагал Эймунд, что конунг Бурислейф выступил из своего владения против брата, а там, где они встретились, был большой лес с рекою. Ставки свои они расположили так, что посреди протекала река, а числом людей различествовали немного. Конунг Эймунд и все. Нордманны имели свои особые палатки. Так простояли они четыре ночи, не отдавая приказа к сражению друг с другом. Тогда сказал Рагнар: «Чего мы ожидаем, и что значит это сидение?» Конунг Эймунд отвечал: «Наш конунг неприятельскую рать считает немногочисленною, а его ряд ничтожен!» Затем пошли они к конунгу Ярислейфу спросить, думает ли рядить (дело) на сражение. Конунг отвечал: «Мне кажется, что у нас хороший сбор людей; мы привели большую рать и не боимся». Конунг Эймунд возразил на то: «По мне дело глядит другим образом, господарь! Во-первых, когда пришли мы сюда, ратных людей было, кажется, не много в каждой (неприятельской) ставке, и стан был обширно построен более для виду, нежели для многочисленности в нем народа; но теперь другое дело: они увеличивают число своих шатров, не то иные уже спят вне ставок, тогда как множество рати убегает от вас домой, в деревни, и теперь нельзя на нее полагаться». Конунг спросил: «Что же теперь рядить?» Эймундов ответ был такой: «Теперь все стало труднее, нежели как было прежде: сидя, мы упусти-

ли победу из рук. Но, между тем, мы, Нордманны, не сидели празднично: все наши ладьи и военный снаряд оттащили мы вверх по реке. Мы отправимся туда с нашими людьми и нападем на них в тыл, а ставки пусть стоят здесь порожние; вы же поспешите как можно скорее завязать бой при помощи своих людей». Так и сделано: поднялся бранный клик, высили знамена и распределили рать к войне. Оба ратные народа сошлись вместе: наступила страшная битва, и гибло очень много людей. Конунг Эймунд и Рагнар направили на конунга Бурислейфа сильный удар, напав на него по ту сторону щитов. Воспоследовала жесточайшая битва и резня. Вслед за тем Бурислейфова рать была сломана и его люди начали бежать. Но Эймунд заступил им путь и избил такое множество мужей, что долго было бы прописывать имена всех их. (Вражь) полчища были опрокинуты, так что (скоро) не с кем было сражаться; а те, которые остались целы, разбежались по лугам и по лесу, чтоб спасти жизнь свою, но в этой суматохе пронесся слух, будто и сам конунг Бурислейф убит. Ярислейф взял огромную добычу после этого сражения. Большая часть приписывала победу конунгу Эймунду и Нордманнам: они стяжали себе великую знаменитость, но торжество их произошло также и от справедливости дела, ибо Господь Бог, Иисус Христос, так решил это, как решает он все прочее. Отсюда отправились они домой, а конунг Ярислейф удержал за собою оба владения и всю добычу, какая была приобретена в этом сражении.

6

Эймундов совет

Потом, все лето и зиму, было спокойствие и бездействие: конунг Ярислейф управлял обоими владениями советом и смотрением конунга Эймунда. Нордманны пользовались большим уважением и почестями, служа конунгу щитом в ряжении и «грабеже», но жалованье (нередко) оставалось в недоимке за конунгом, который полагал, что теперь менее нуждается он в дружине, когда брат погиб, и думал, что во всех его владениях (господствует) тишина. Когда вышел срок договору, конунг Эймунд отправился к присутствию конунга Ярислейфа и молвил так: «Мы уже прожили, господарь, несколько времени в твоих владениях, теперь избирай, будет ли наш торг (т. е. договор) стоять далее, или желаешь ты уничтожить свое товарищество с нами, и мы должны искать себе другого начальника, ибо пенязи медленно были нам отпускаемы». Конунг отвечал: «Я полагаю, что теперь мне нет такой, как прежде, надобности в ваших людях. Для нас слишком великая трата богатства давать вам такую большую плату, как та, которой вы домогаетесь». — «Оно так, господарь, — сказал

конунг Эймунд, — потому что теперь должен ты уже отпускать нам по унции золота на каждого мужа, а начальникам ладей по полугривне золота». Конунг примолвил: «Тогда я избираю, что наш торг уничтожен». — «Это в вашей власти, — сказал конунг Эймунд, — но верно ли вы знаете, что Бурислейф помер?» — «Я думаю, что это достоверно», — сказал конунг. Эймунд спросил: «Приличная ли гробница будет ему построена? Где же его могила?» Конунг отвечал: «Этого мы не знаем наверное». На что Эймунд примолвил: «Однако ж вам, господарь, следовало бы знать могилу такого знаменитого брата и (место), где он лежит! Но мне кажется, что ваши люди из раболепства говорят вам (об его смерти), а на этот раз истины вы не знаете». — «Что же истиннейшего сумеете вы сказать, чтоб мы могли скорее вам поверить?» Эймунд отвечал: «А мне-то сказывали так, что конунг Бурислейф прожил зиму в Бярмии*. Мы сведали с достоверностью, что он составляет там рать против тебя из огромного множества людей; и это истиннее всего». Конунг сказал: «Скоро ли он придет сюда, в наше господарство?» Эймунд отвечал: «Мне сказывали так, что он будет сюда через три недели». После этого конунг Ярислейф не хотел лишиться их дружины: они приторговались еще на двенадцать месяцев. Конунг спросил: «Что же предстоит нам делать? Созвать ли людей и бороться с ним?» Эймунд отвечал: «Пусть дело будет по моему ряду, если хотите удержать Гардарик (Россию) против конунга Бурислейфа». Ярислейф спросил еще: «Сюда ли собирать народ или идти ему навстречу?» Эймунд сказал: «Пусть все, сколько может придти, собираются сюда, в город, а когда люди соберутся, тогда приступим к какому-нибудь ряду — к тому, что нам покажется надежнее по обстоятельствам».

7

Сражение с братом

Вслед за тем конунг Ярислейф послал ратный приказ по всему своему владению, и собралась к нему большая рать из вольных поселян. Тогда конунг Эймунд послал своих мужей в лес рубить деревья, переносить их в город и ставить на городской стене. Он велел ветви всякого дерева распространять (так, чтоб они выходили) за городскую стену, и чтоб нельзя было метать стрел в город. Вне города приказал он наперед выкопать огромный ров и убрать прочь землю, а потом напустить в него воды, настлать поверх бревнами и устроить все так, чтоб ничего не было видно и земля казалась бы целою. Когда это было кончено, они узнали, что конунг Бурислейф вошел в Гардарик и стремится к городу, в котором находились

---

* Бярмия — государственное образование печенегов.

оба конунга. Они также велели крепко обстроить двое городских ворот и намеревались у них защищаться, (срубив их) так, чтобы (можно было сделать) и вылазку в случае нужды. Накануне того дня, когда поутру ожидали появления неприятельской рати, конунг Эймунд приказал женщинам выйти на городскую стену со всеми дорогими их украшениями, разодеться как только могут получше, и толстые золотые кольца повесить на шеях, чтобы казаться им (т. е. врагам) в высшей степени блистательными. «Я полагаю,— говорил он,— что Бярмийцы будут жадничать к драгоценностям и быстро, опрометчиво поскачут на город, как скоро солнце озарит блеском золото и златотканную багряницу». Так было сделано, как изъяснено выше. Бурислейф нагрянул со своею ратью на город из леса. Увидев праздничное убранство женщин, он принял это за хороший знак, (думая), что вероятно весть об его прибытии уже до них достигла. Они помчались быстро, в военном порядке, ни на что не обращая внимания; многие их мужи упали в ров и там погибли. Конунг Бурислейф, следуя сзади за полчищем, увидел это несчастье. Он сказал: «Быть может, что здесь не так легко мы управимся, как нам казалось: эти Нордманны большие рядители!» Тут стал он обдумывать, откуда бы лучше сделать нападение, а между тем все праздничное убранство, прежде мелькавшее, исчезло. Он заметил, что все ворота заперты, исключая двое, но что и к тем не легко приступить, ибо за ними нет недостатка в сильном снаряде и многочисленной рати. Немедленно призвали военный призыв, и горожане построились к сражению: оба конунга, Ярислейф и Эймунд, стали каждый у своих ворот. Началась жестокая битва, и пало много ратного народа. Там, где начальствовал конунг Ярислейф, приступ был такой страшный, что через те ворота последовало вторжение, и конунг тяжело был ранен в ногу; но неприятель претерпел огромный урон, прежде чем овладел воротами. Конунг Эймунд сказал: «Теперь пошло дело на неудачу, когда наш конунг ранен! Они убили у нас много народа и уже вторгаются в город. Делай, Рагнар, что хочешь,— продолжал он,— защищай эти ворота, или ступай к нашему конунгу и веди к нему людей (в помощь)». Рагнар отвечал: «Я буду здесь держаться; ты отправляйся к конунгу, потому что там нужно рядить». Итак, Эймунд пошел туда со многими людьми: он увидел, что Бярмийцы уже проникают в город. Тут нанес он им великое и страшное поражение и убил множество народа у конунга Бурислейфа, делая сильные нападения с большою пылкостью и усердно ободряя своих мужей. Никогда еще такая жестокая битва не продолжалась столько времени. Бярмийцы кинулись бежать из города, все, которые стояли еще на ногах; но Эймунд со своими мужами преследовал их до самого леса; они убили Бурислейфова хоругвеносца, и опять пронесся слух, будто и сам конунг погиб. Великая победа была одержана, и конунг Эймунд весьма прославился

в этом сражении. Потом Нордманнам был отдых. Они пользовались большим уважением у конунга и честию у всех мужей страны; но жалование опять шло трудно и несвоевременно, так, что не все отпускалось им по договору.

8

Об Эймунде

Спустя еще немного, так случилось, что Эймунд сказал конунгу, что он должен отпустить из рук следующую им плату, как прилично знатному конунгу. Он упомянул и утверждал, что они внесли ему более пенязей в руку, нежели как требовалось на их жалование. «И мы называем это безрассудным с вашей стороны: разве теперь уже не будете иметь надобности в нашем пособии и нашей дружине?» Конунг примолвил: «Теперь, быть может, пойдет хорошо, хотя вы и не будете подавать мне помощи. Однако ж, вы сослужили мне большую службу. Но, говорят, ваши люди (так разбогатели, что) уже не смотрят ни на какое добро». Эймунд отвечал: «Что это значит, господарь, что вы хотите одни за всех решать? Многие, мне кажется, из моих мужей потерпели большие потери! Те лишились ног, рук или других членов; иные подверглись вреду в оружии, и это будет нам стоить больших издержек. Вы еще можете все исправить. Итак, избирайте одно из двух: да или нет?» Конунг сказал: «Я не хочу (прогнать) вас прочь, но и не дам вам такой большой платы, тем более, что не предвижу никаких смятений». Эймунд примолвил: «Мы требуем платы, и мои люди не хотят служить из-за одной пищи. Не то мы отправимся в удел другого конунга и там стяжаем себе почести. Но притом, вероятно ли это, что теперь уже не будет здесь, в этой стране, смятения? Наверное ли вы знаете, что конунг убит?» — «Я думаю, это правда, — сказал конунг, — тем более, что мы имеем (в руках) его знамя». Эймунд спросил опять: «Знаете ли тогда его могилу?» — «Нет!» — сказал конунг. Эймунд присовокупил: «Неблагодарно не знать этого!» Но конунг сказал ему на то: «Как же знаете вы это лучше других людей, которые имеют о том достоверное сведение?» Эймунд отвечал: «Он нашел удобнейшим оставить знамя, нежели жизнь и, я думаю, ушел здоров отсюда (*Большой пропуск в исландском тексте*).

...И провел зиму в Туркландии, и думает еще ратовать против тебя. С ним идет небегущее (т. е. храброе) войско: это Турки и Бело-Куманы и многие другие злые (т. е. хищные) народы. Я слышал, что — и это очень вероятно! — что он отступится от христианской веры, и даже намерен поделиться областями с теми злыми народами, если отымет у вас весь Гардарик; но когда так будет, как он думает, то весьма уповательно, что

всех ваших родных прогонит он из этой земли с посрамлением». Конунг спросил: «Как скоро, думаете вы, будет он сюда с теми злыми людьми?» Эймунд отвечал: «Через полмесяца». — «Как же теперь рядить против этого? — сказал конунг. — Ибо ныне мы не можем обойтись без вашей предусмотрительности». Рагнар сказал, что он хочет, чтобы они прочь уехали, желая конунгу рядить одному. Эймунд возразил: «Вероломством будет названо, если мы разойдемся с конунгом в такой опасности, потому что конунг был в мире, когда мы к нему пришли, и я не иначе хочу с ним расстаться, как чтобы и после меня сидел он в покое. Скорее приторгуемся с ним на те двенадцать месяцев, а он улучшит наше жалованье согласно тому, как прежде решено между нами. Теперь же надо подумать о распорядительстве: будем ли собирать вой, или же захотите вы, государь, чтоб одни мы, Нордманны, защищали эту землю, а ты бы сидел покойно во время нашей защиты и тогда только прибегнул к своим людям, когда мы будем побеждены». — «Да! Я так хочу» — сказал конунг. Эймунд примолвил: «Не поступай так опрометчиво в этих делах, государь! Есть другое (побуждение) к тому, чтоб ты держал созданную рать, что, по моему мнению, было бы пристойнее и для твоего сана. Мы, Нордманны, не побежим первые, но я знаю, что многие будут к тому готовы, так же как прежде были готовы не бояться стрелы; а того я не знаю, будут ли иные защищаться так храбро во время их побега, как теперь усердно и более всех поощряют вас к защите. Если же так случится, государь, что мы преодолеем конунга, тогда что? Прикажете ли убить его, или нет? Потому что никогда конца не будет этим суматохам, пока вы оба останетесь в живых». Конунг отвечал: «Ничего этого я не сделаю: ни настраивать никого не стану к (личному, грудь на грудь) сражению с конунгом Бурислейфом, ни порицать кого-либо, если он будет убит». Затем оба они отправились домой, в свой дворец, не велев ни собирать людей, ни делать приготовлений. Всем это показалось удивительным, что тогда именно менее всего думают о войне, когда опасность угрожает более чем когда-либо. Скоро потом получили они известие, что конунг Бурислейф вошел в Гардарик с огромною ратью и многими злыми народами. Конунг Эймунд показывал вид, как будто ничего этого не знает-не ведает. Многие мужи говорили, что (теперь) он не посмеет бороться с Бурислейфом.

9

Эймунд умерщвляет конунга Бурислейфа

Однажды утром, очень рано, Эймунд позвал к себе родственника своего Рагнара и десятирех других мужей. Он приказал им седлать коней. Они выехали за город, все двенадцать человек вместе, составляя горстку народа, а прочих воинов

оставив дома. (В дружине) был исландский муж Биорн, тот поехал с ними, равно как муж Аскелль и оба Торда. Они взяли с собою лишнюю лошадь, на которой были нагружены их оружие и съестные припасы. Так ехали они далеко, переодетые все в купеческое платье; никто не знал ни цели этого путешествия, ни какие они замышляют хитрости. Они вступили в какой-то лес и ехали весь этот день, пока не настала ночь; потом выехали из лесу и прибыли к одному большому дубу, где была прекрасная поляна и много ровного места. Конунг Эймунд сказал (своим товарищам): «Надо здесь остановиться. Я сведал, что конунг Бурислейф в этом месте будет иметь ночлег и учредит свой стан к ночи». Они обошли дерево и поляну, соображая, где бы предпочтительнее стан мог расположиться. Потом конунг Эймунд сказал: «Здесь непременно Бурислейф велит раскинуть палатки: мне сказывали, что он всегда учреждает стан подле самого леса, если только дозволяет местоположение, чтоб было куда спастись в потребном случае». Он взял крепкую корабельную веревку и приказал всем им собраться на поляну, под этим деревом; потом предложил мужам взлезть на ветви и завязать ее там узлом, что и было сделано. Затем принатянули они верхушку так, что ветви касались самой земли, и согнули все дерево до корня. Конунг Эймунд сказал: «Это я люблю! Оно может послужить нам к хорошему успеху». Тут они раскинули веревку и прикрепили концы ее. Когда кончилась эта работа, было уже около половины пополуденного времени и они, услышав (шум) приближающихся людей конунга, ушли скорее в лес к своим коням. Скоро увидели они огромную рать и богатую колесницу, за которой следовало множество мужей, впереди ее несли знамя. Ратные люди распространились до (кряжа) леса и заняли поляну в том именно месте, где она представляла самое удобное положение для ставок, как то предусмотрел Эймунд. Там они разбили государственную палатку, а по сторонам, подле леса, расположилась вся рать. Это продолжалось до темной ночи. Палатка конунга была чрезвычайно богата и прекрасно сделана: она состояла из четырех полос; высокий шест (*staung, stöng, стяг*) торчал над нею, (украшаясь) золотым шаром с вымпелами. Все эти вещи видны были Нордманнам из лесу; (они наблюдали происходящее) в рати, сохраняя глубокое молчание. Как скоро сделалось темно, огни замелькали в ставках и они увидели, что там собираются к ужину. Тут конунг Эймунд сказал: «У нас мало съестных припасов, это не слишком удобно! Я буду рядить о хозяйстве и отправлюсь к ним в палатки». Он нарядился нищим, подвязал себе бороду из козьих волос и пошел на двух костылях. Он проник до самой княжеской ставки и стал просить подаяния, подходя ко всякому мужу; потом посетил смежные шатры, отягощенный полученным добром, и душевно благодаря за милостыню; наконец вышел из стапа с большим количеством припасов. Когда ратные люди напились и наелись, сколько им было

угодно, молчание водворилось (в стане). Эймунд разделил свою дружину на два отряда: шесть человек мужей остались в лесу сторожить коней и держать их в готовности на случай, если б вдруг произошла в них надобность; остальные шестеро — в том числе и сам Эймунд — отправились в стан и вошли между ставок, как будто не было никакого препятствия. Тогда Эймунд сказал: «Рогивальд и Биорн, вы, исландские мужи! Ступайте к дереву, которое мы нагнули». И каждому из них дал он по топору в руки. «Вы мужи полноударные: докажите же это в нужде!» Они пошли к месту, где ветви были притянуты к земле. Конунг Эймунд продолжал: «Третий муж пусть стоит здесь, на тропинке (ведущей) к поляне: ему ничего не делать, только держать в руках веревку и отпустить ее по мере того как мы будем тащить ее, имея в руках наших другой ее конец. Когда мы устроим все, как хотим, тогда должен он ударить по веревке топорищем — тот, которому я это препоручаю; а тот, кто будет держать веревку, пусть примечает, от того ли она шевелится, что мы ее тащим, или от удара. Как скоро подадим мы ему этот знак, необходимо для нас нужный и тесно сопряженный с успехом дела, он должен сказать — тот, который держит за веревку, — (что удар сделан), и тогда следует рубить (притянутые) ветви дерева, которое вдруг выпрямится, сильно и быстро». Они все так исполнили, как им было сказано. Биорн пошел с Эймундом и Рагнаром к государственной палатке конунга, где они сделали из (другой) веревки петлю и, подняв ее на алебардах, закинули на вымпелы, бывшие на шесте над палаткою; она, скользя, сомкнулась под шаром и там остановилась. Люди спали крепко по всем шатрам, быв крайне утомлены и очень пьяны. Когда это было сделано, они связали концы и, так соединив веревку (на которой была петля, с тою, которую притащили с собою), начали рядить. Затем конунг Эймунд подошел к княжеской палатке, чтоб быть близко ее, когда будет она сорвана. Удар был сделан по веревке; тот, кто держал ее, увидел, что она дрожит, и сказал своим товарищам, что они должны рубить ветви. Они отрубили (веревки, придерживавшие нагнутое) дерево, и оно выпрямилось сильно и мгновенно, сорвав (на воздух) всю палатку, которую далеко забросило в лес. Огни, (мелькавшие) внутри ее, все были потушены (этим взрывом). Эймунд еще с вечера тщательно затвердил в памяти то место, где конунг спит в своей палатке; он двинулся туда и быстрыми ударами нанес смерть ему и многим другим. Достав Бурислейфову голову в свои руки, он пустился бежать в лес — мужи его за ним — и (Турки) их не отыскали. Оставшиеся в живых Бурислейфовы мужи были поражены ужасным испугом от этого страшного приключения, а Эймунд со своими людьми ускакали прочь. Они прибыли домой (в Киев) утром, очень рано, и пошли прямо в присутствие конунга Ярислейфа, которому наконец донесли с достоверностью о (последовавшей) кончине конунга Бурислейфа.

«На! Вот тебе голова, господарь! Можешь ли ее узнать?» (воскликнул Эймунд). Конунг покраснел при виде этой головы. Эймунд молвил: «Этот великий подвиг храбрости совершили мы, Нордманны, господарь! Прикажите теперь прилично похоронить вашего брата, с надлежащими почестями». Конунг Ярислейф отвечал: «Опрометчивое дело вы сделали и на нас тяжело лежащее! Но вы же должны озаботиться и его погребением. Ну какой ряд станут теперь рядить те, которые ему следовали?» Эймунд сказал: «Я полагаю, что они соберутся на вече и будут друг друга подозревать в этом деле, потому что нас они не примечали. Поссорившись, они разойдутся, не станут более доверять одни другим и побредут толпами восояси. Я уверен, что не многие из них будут думать о пристроении (тела) своего конунга». Вслед за тем Нордманны вышли из города и поехали тем же путем в лес. Они прибыли к стану. Там дело сбылось так, как предполагал Эймунд: Бурислейфовы люди все ушли прочь, перессорившись между собою при расставании. Эймунд отправился на поляну: на ней лежал труп конунга, а при нем не было ни одного мужа. Они срубили гроб, приложили голову к телу и поехали с ним домой (в Киев). Тогда и сделалось погребение его известным многим лицам. После этого весь народ той страны поступил в руки Ярислейфу, поклявшись ему присягою, и он сделался конунгом тех владений, в которых прежде княжили они вдвоем.

10

Эймунд от Ярислейфа уехал к его брату

Потом истекло лето и зима, и нечего было делать: жалование опять не отпускалось. Некоторыми людьми было представлено конунгу, что воспоминание об убийстве брата — великое дело. Они говорили также, что Нордманны теперь считают уже себя за лучших, нежели сам конунг. Наступил день, в который жалование должно было быть выдано: они пошли к конунгову жилищу. Он принял их хорошо и спросил, чего хотят они так рано утром. Эймунд отвечал: «Может быть, господарь, вы не нуждаетесь более в наших людях и исправно отпустите нам из рук жалование, которое должны мы получить?» Конунг воскликнул: «Много вещей наделало ваше сюда прибытие!» — «Это правда, господарь, — сказал Эймунд, — потому что давно уже был бы ты изгнан из своих владений, если б не воспользовался нами. А что (касается) до гибели твоего брата, то дело (с тех пор несколько не переменилось: оно) и теперь так же, как было тогда, когда ты дал на то согласие». Конунг примолвил: «Что же думаете теперь делать?» Ему отвечал Эймунд: «А чего жалал бы ты

всего менее?» — «Этого-то я и не знаю!» — возразил конунг. Эймунд продолжал: «А я знаю это очень хорошо! Всего менее ты желал бы, чтоб мы отправились к конунгу Вартилафу (Брячиславу), брату твоему, а мы именно туда и отправимся, и сослужим ему все, что только можем. Сиди теперь здорово, господарь!» Они поспешно вышли (из дворца) и (обратились) к своим ладьям, которые стояли уже готовые. Конунг Ярислейф сказал: «Скоро ушли они прочь! Мне этого не хотелось». Госпоdynя примолвила: «Еще выйдет так, что, если придется тебе с Эймундом соперничать в ряжении, ты найдешь в нем опасного противника!» Конунг сказал: «Вот был бы хороший ряд, если б можно было срядить его!» Госпоdynя присовокупила: «Так нужно бы сделать это (поскорее), прежде, нежели ты получишь от них какую-нибудь обиду!» Затем отправилась она к ладьям с ярлом Рогнвальдом Ульфовичем и несколькими мужами, туда, где Эймундовцы стояли у берега. Им сказано, что госпоdynя желает видаться с Эймундом. Конунг примолвил: «Я ей не доверяю, потому что она умнее конунга (Ярислейфа); но не хочу уклоняться от беседы с нею». — «В таком случае, я пойду с вами!» — сказал Рагнар. — «Нет! (не нужно), — возразил Эймунд, — ведь это не военный поход! Притом же, не пропасть людей пришла с нею». На Эймунде был плащ с (завязанными) тесемками, а в руке (нес он свой) меч. Они уселись на одном бугре, подле которого внизу была глина. Госпоdynя и Рогнвальд сели к нему близко и налегли на его платье. Госпоdynя молвила: «Это дурно, что вы так расходитесь с конунгом! Я бы охотно приняла участие в том, чтобы вы расстались друг с другом скорее хорошо, чем дурно». Между тем ни тот, ни другая не держали рук своих в покое: он расстегивал завязки своего плаща, а она скинула свой рукав (с руки) и подняла его вверх, выше своей головы. Эймунд ясно видел, что дело не без коварства: и действительно, она нарядила было людей, чтоб убить его, и, как скоро подняла рукав вверх, они выбежали (из засады). Но Эймунд приметил их прежде, чем они достигли до места, и, быстро вскочив на ноги, скорее, нежели как те предполагали, освободился из своего плаща, который остался на земле. Таким образом, они его не отдавали. Рагнар, видевший это, мигом перепрыгнул с ладьи на берег; за ним (поспешили товарищи) один после другого, и они хотели умертвить людей госпоdynи; но Эймунд объявил, что этого не должно быть. Они стащили их с глинистого бугра и держали в руках. Рагнар закричал: «Теперь от тебя, Эймунд, не требуем мы совета. Мы поплывем вдаль с ними!» Эймунд отвечал ему: «Этого нам не следует делать. Пусть они идут домой в покое. Так не хочу я расторгнуть дружбу свою с госпоdynей!» Итак, она поехала домой, немного потешившись (происшествием), а Нордманны поплыли вдаль и не прежде остановились, как прибыв в удел конунга Вартилафа, где они тотчас пошли в его присутствие. Вартилаф принял их хорошо и расспросил о деле; но Эймунд рассказал

ему все, что как случилось, и о начале своей службы, и об их размолвке с Ярислейфом. — «Что же полагаете вы делать вперед?» — спросил конунг. Эймунд отвечал: «Я объявил конунгу Ярислейфу, что мы отправляемся сюда, к вам, ибо я подозреваю, что он хочет оставить тебя в убытке по твоему владению, подобно тому, как брат его с ним сделал. Теперь посмотри в свой ряд, господарь: предпочтешь ли (принять) нас к себе, или (удалить) прочь; и не думаешь ли, что почему-нибудь можешь нуждаться в нашем пособии». — «Да! — сказал конунг. — Я желал бы воспользоваться вашей помощью; но на каких условиях вы договариваетесь?» Эймунд отвечал: «Мы желаем иметь то же самое иждивение, какое имели у твоего брата». Конунг примолвил: «Дайте мне время посоветоваться с моими мужами, потому что они вносят мне деньги, хотя я отпускаю их из рук». Конунг Вартилаф составил вече с своими мужами и сообщил им, какие известия получил он о конунге Ярислейфе, своем брате, что он умышляет на его удел, присовокупляя, что конунг Эймунд прибыл сюда и просится (подать) свою помощь и драться впереди. Они очень заохочивали конунга принять Нордманнов к себе, и на этом основании он приторговался с ними, предоставив себе право пользоваться советами Эймунда, «ибо я не такой рядительный муж, как мой брат, конунг Ярислейф (сказал Вартилаф), а и с ним у вас пошло на ссору! Я желаю часто держать с вами беседу (о делах), но платить вам буду все по договору». С того времени они были у конунга в большой чести и почитании.

11

Мир между Ярислейфом и Вартилафом

Так и случилось, что послы прибыли от конунга Ярислейфа требовать весей и городов, лежащих поблизости его владения, от конунга Вартилафа. Он сообщил о том конунгу Эймунду, но тот отвечал: «Вы должны рядить об этом, господарь!» Конунг примолвил: «Теперь именно и пришел случай, где вы, как то было условлено, обязаны определять ряд совокупно со мною». Эймунд отвечал: «Мне кажется так, господарь, что надобно ожидать нападения от алчного волка. Он не преминет требовать более, если это будет уступлено. Пусть послы едут назад в покое, — продолжал он, — они, (Ярислейф и его супруга), я думаю, скоро увидят наш ряд. Сколько времени нужно, чтобы собрать людей?» — «Полмесяца», — сказал конунг. Эймунд примолвил: «Теперь определи, господарь, где должны вы сойтись для сражения, и объяви послам, чтоб они могли сказать своему конунгу». Так было и сделано: послы отправились домой (*Значительный пропуск в тексте*)... С обеих сторон рати были приготовлены к брани, и сошлись

в определенном месте на границе той страны, где, учредив станы, они простояли несколько ночей. Конунг Вартилаф молвил: «Зачем сидим мы здесь понапрасну? Мы уронили победу из рук». Эймунд отвечал: «Предоставьте мне рядить об этом, ибо в беде лучшее дело отсрочка; притом еще не приехала господня Ингигерда, которая держит ряд за всех их, хотя конунг считается предводителем их людей. Сам я буду содержать стражу, господарь!» Конунг сказал: «Пусть будет так, как вы хотите!» Они простояли семь ночей с ратью... В одну ночь ветер был злой и темнота большая; тогда конунг Эймунд и Рагнар (неприметно) улизнули от своих людей. Они поехали в лес позади стана конунга Ярислейфа, (ожидавшего приезда госпожны), и засели там подле одной дорожки. Тут конунг Эймунд сказал: «Верно, этою тропкою поедут Ярислейфовы мужи (с его супругою). Если б сам я хотел проехать скрытно, я бы тоже избрал этот путь. Останемся наперед здесь!» Они просидели в этом месте известное время. Конунг Эймунд воскликнул: «Безрассудно мы здесь сидим!» Но вслед за тем слышали они (шум) едущих (всадников), так что (казалось) женщина была между путниками. Они подметили, что один муж едет верхом впереди женщины, а другой позади ее. Тогда сказал Эймунд: «Верно проезжает господня! Разделимся мы с тобою по обеим сторонам дорожки: когда они подъедут к нам, я раню коня под нею, а ты, Рагнар, схвати ее». Путники подъехали, и, прежде чем они спохватились, конь был повергнут мертвым, и господня (унесена) далеко в сторону. Второй (муж) закричал, что он видел образ человека, который перепрыгнул через дорогу; но ни один из них не посмел явиться к конунгу (Ярислейфу), потому что они не знали, люди ли это были, или духи. Они тайно уехали восвояси и более не показывались. Господня сказала своим землякам: «Вы, Нордманны, видно, никогда не перестанете обижать меня!» На что отвечал Эймунд: «Мы будем хорошо поступать с вами, господня, но уж не знаю, удастся ли вам в нынешнюю ночь целоваться с своим конунгом!» Затем отправились они в стан конунга Вартилафа и сказали, что господня к нему приехала. Он был очень обрадован и сам взялся сторожить ее. Но на (следующее) утро она велела просить к себе конунга Эймунда, и, когда он явился, сказала ему: «Самый лучший ряд был бы тот, если б мы примирились, и я готова стараться, чтоб водворить согласие между вами. Но должна объявить вам вперед, что всего более буду я пещись о выгодах конунга Ярислейфа». Эймунд отвечал: «В этом власть конунга (Вартилафа)!» Господня возразила: «Но твой ряд считается здесь самым важнейшим...» Эймунд отправился от нее к конунгу Вартилафу и спросил, желает ли он, чтобы господня примирила его с братом. Конунг отвечал: «Я не назову этого благоразумным, коль скоро она объявила, что хочет уменьшить мою долю». Эймунд примолвил: «Будешь ли доволен, имея и вперед то, что имел

доселе?» — «Да!» — сказал конунг. Эймунд возразил: «Но я не назову этого дельным, если он не увеличил твоей доли, потому что ты должен взять после брата равную с ним часть наследства». Конунг отвечал: «Если ты убеждаешь меня избрать ее посредничество, то пусть будет так!» Эймунд донес господине, что Вартилаф согласен, чтобы она устроила мир между ним и ее супругом. — «Это уж, наверное, твой ряд! — сказала она. Ты должен предвидеть, мое участие не будет невыгодно, что бы то ни сделалось...» Эймунд примолвил: («Не знаю! Но, во всяком случае»), я не подавал совета, чтобы вам не было оказываемо должное уважение». Тогда затрубили сбор, и было всем объявлено, что господиня Ингигерда хочет говорить с конунгом и его (ратными) людьми. Когда собрались люди, мужи увидели, что господиня Ингигерда находилась в нордманнской дружине конунга Эймунда. В то же время обнаружено от имени конунга Вартилафа, что господиня будет творить (мир)... Она сказала конунгу Ярислейфу, что ему держать вперед самую важную часть Гардарика, то есть Гольмгард (Новгород), а Вартилафу владеть Кунигардом (Киевом), другую лучшею частью всех владений, с податями и сборами — от чего будет он иметь вдвое более владения, нежели как имел прежде; Палтеск (Полоцк) и область, лежащую подле, иметь конунгу Эймунду, и быть ему (над этою областью) конунгом, пользуясь всеми земскими сборами, какие там положены, «потому что мы не хотим, чтобы он уезжал прочь из Гардарика». Если конунг Эймунд оставит после себя наследников, то наследникам его иметь по нем ту область; но если у него не будет ни одного сына, то ей возвратиться к обоим братьям. Конунгу Эймунду содержать защиту земель (landvagn) за обоих братьев и всего Гардарика, а им снабжать его людьми и (поддерживать) своею властью. Ярислейфу быть конунгом всего Гардарика. Ярл Рагнвальд будет владеть Альдегиборгом, который уже имел он прежде. Этот мир и раздел областей были одобрены и утверждены всем народом тех стран. (Сверх того, было условлено, что) все недоразумения (между договаривающимися) решат конунг Эймунд и господиня Ингигерда. Потом каждый из них уехал в свое владение... Конунг Вартилаф жил не более трех зим: тогда захворал он и умер. То был самый обожаемый конунг. После него (киевское) владение взял конунг Ярислейф и с тех пор один управлял обоими уделами. Но Эймунд владел своею областью и умер не стар. Он скончался без наследников от тяжелой болезни. Смерть его была весьма прискорбна всем жителям тех стран, ибо из иностранцев никого не было умнее конунга Эймунда в Гардарике, и неприятельских набегов не случалось в той стране, доколе он держал защиту ее (landvagn) от имени конунга Ярислейфа. Будучи больным, Эймунд передал свою область совоспитаннику своему Рагнару, считая его достойнейшим воспользоваться ею: это состоялось по соизволению конунга Ярислейфа и господини

Ингигерды. Рогнвальд Ульфович остался ярлом Альдегиоборга: он был двоюродный по сестре брат господине Ингигерде. Рогнвальд был тоже очень знаменитый муж, платил дань конунгу Ярислейфу и умер в старых летах. Когда Олаф-Святой, Гаральдович, был (в гостях) в Гардарике, он много беседовал с Рогнвальдом Ульфовичем и они тесно подружились, ибо все знатные мужи весьма уважали конунга Олафа во время пребывания его в том краю, но всех более ярл Рогнвальд и господиня Ингигерда, которая даже имела с ним тайную любовную связь.

*Печатается по:
Сенковский О. И. Собр. соч. Т. 5.
Спб., 1858. С. 511—573.*

Глава первая

¹ Об этом подробнее см.: Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983; *Гордиенко Н. С.* «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л., 1984.

² *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 1. Т. 2. М., 1988. С. 4—7.

³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1. М., 1988. С. 197—207.

⁴ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С. 163—179.

⁵ *Макарий.* История христианства в России до святого Владимира. Спб., 1848.

⁶ *Голубинский Е. Е.* История русской церкви: В 2 т. — 2-е изд. Т. 1. Пол. 1. М., 1901.

⁷ *Завитневич В. З.* Владимир св. как политический деят. // Тр. Киевской духовной акад. 1888. Июнь — авг.

⁸ *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар / История южно-русских степей IX—XIII вв. Киев, 1884. С. 72.

⁹ *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник: Опыт анализа. М., 1957.

¹⁰ *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986.

¹¹ *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. С. 43.

¹² Там же. С. 45.

¹³ *Сенковский О. И.* Собр. соч. Т. 5. Спб., 1858. С. 511—573.

¹⁴ *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 1. М., 1846. С. 275—316.

¹⁵ *Лященко А. И.* «Эймундова сага» и русские летописи. Изв. АН СССР. Серия VI. Л., 1926. № 12. С. 1061—1086.

¹⁶ *Стурлусон Снорри.* Круг земной. М., 1980. С. 5, 115.

¹⁷ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1963. С. 372.

¹⁸ *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1965. С. 69.

¹⁹ *Лященко А. И.* «Эймундова сага» и русские летописи. С. 1086.

²⁰ *Линниченко А. И.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. 1. Киев, 1884. С. 216.

²¹ *Форгинский Ф. Я.* Титмар Мерзебургский и его хроника. Спб., 1872.

Глава вторая

- ¹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. С. 194.
- ² *Татищев В. Н.* История Российская. С. 40.
- ³ *Екатерина II.* Родословие князей великих и удельных. Спб., 1801. С. 13.
- ⁴ *Филист Г. М.* Введение христианства на Русь: предпосылки, обстоятельства, последствия. Мн., 1988. С. 119—136.
- ⁵ ПСРЛ. Летописи белорусско-литовские. Т. 35. М., 1980. С. 40.
- ⁶ *Пархоменко В. А.* Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство. Учен. зап. ЛГУ. Серия ист. наук. 1941. Вып. 8. № 78. С. 209.
- ⁷ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. С. 184.
- ⁸ *Calin de Marienburg D. F.* Virtus leonila. Viennae, 1683. S. 15—18.
- ⁹ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Спб., 1908. С. 91.
- ¹⁰ *Стурлусон Снорри.* Круг земной. С. 101—127.
- ¹¹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. С. 190.
- ¹² *Успенский Ф. И.* Первые славянские монархии на северо-западе. Спб., 1872. С. 257.
- ¹³ См.: *Фортинский Ф. Я.* Титмар Мерзебургский и его хроника. С. 72.
- ¹⁴ *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л., 1959. С. 47—48.
- ¹⁵ *Успенский Ф. И.* Первые славянские монархии на северо-западе. С. 257.
- ¹⁶ *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. С. 175.
- ¹⁷ *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. С. 81—84.
- ¹⁸ *Свердлов М. Б.* Латинские источники по истории Древней Руси IX—XII вв. Л., 1968. С. 9—10.
- ¹⁹ *Дайнеко Л. М.* След оборотня. Мн., 1988.
- ²⁰ *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964. С. 221—223.
- ²¹ Там же. С. 226.
- ²² *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 91.
- ²³ *Толочко П. П.* Древняя Русь. Киев, 1987. С. 70.
- ²⁴ *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. С. 72.
- ²⁵ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. С. 314.
- ²⁶ *Линниченко А. И.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. С. 91.
- ²⁷ *Сенковский О. И.* Собр. соч. Т. 5. С. 486.
- ²⁸ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. С. 311.
- ²⁹ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших летописных сводах. С. 90.
- ³⁰ Там же.

Глава третья

- ¹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. С. 140, пр. 487.

² Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе. С. 258.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. С. 196.

⁴ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. С. 151—155.

⁵ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. С. 503.

⁶ Толочко П. П. Древняя Русь. С. 70.

⁷ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации. С. 27—31.

⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 1. С. 180.

⁹ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации. С. 31—32.

¹⁰ Филист Г. М. О «крещении» Белой Руси. Неман. 1988. № 9. С. 169—173.

¹¹ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 49.

¹² Творения св. отца нашего Кирилла, епископа Туровского. Киев, 1880. С. 158.

¹³ Толочко П. П. Древняя Русь. С. 70.

¹⁴ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации. С. 30.

Глава четвертая

¹ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. С. 176.

² Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в Южно-русских степях / Материалы и исслед. по археологии СССР. Т. 1 // Тр. Волго-донской археологич. экспедиции. № 62. М.; Л., 1958. С. 193, 215.

³ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. С. 169.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении государством // Изв. Акад. истории материальной культуры. Вып. 91. М., 1934. С. 6.

⁵ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации. С. 30.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. С. 485.

⁸ Там же. С. 620.

⁹ Гогельмейстер Ю. А. Разыскания о финансах Древней Руси. Спб., 1853. С. 244.

¹⁰ Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе. С. 258.

¹¹ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации. С. 26.

¹² Алешковский М. Х. Глебоборисовские зноколпионы 1072—1150 гг. // Древнерусское искусство. Худож. культура домонгольской Руси. М., 1972.

Глава пятая

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. С. 475—477.

² Лященко А. И. «Эймундова сага» и русские летописи. С. 1086.

³ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник.
С. 167.

⁴ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации.
С. 32.

⁵ См.: Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник.
С. 13.

⁶ Глазунов П. Храмы, построенные св. Владимиром и др. в его
время // Тр. Киевской духовной акад. 1888. Июнь. С. 187—253.

В апреле 1989 года, когда рукопись настоящей книги готовилась к изданию, ее автор Георгий Михайлович Филист ушел из жизни. Историк и философ, педагог и ученый, он увлеченно занимался пропагандой научного мировоззрения. Обладая удивительной работоспособностью, Георгий Михайлович провел исследования по целому ряду насущных проблем атеистического воспитания. Активно участвовал в научных конференциях, охотно выступал перед самыми различными группами слушателей, и его лекции были интересными, суждения — оригинальными.

Диапазон научных интересов Г. М. Филиста был довольно широк. В последние годы его захватила тема истории проникновения христианства на Русь. Изучая и сопоставляя множество древнерусских и зарубежных документов, Георгий Михайлович загорелся желанием выразить свою точку зрения на жизнь и деятельность княгини Ольги, высказать свое несогласие с некоторыми распространенными оценками ее роли в истории Киевской Руси. Работа увлекла его настолько, что в короткий срок из этого замысла родилась рукопись книги «Введение христианства на Руси: предпосылки, обстоятельства, последствия», в которой жизнеописание княгини Ольги составило одну из глав. Оставить эту тему он уже не мог и вскоре подготовил рукопись следующей книги, только что вами прочитанной. Одновременно он продолжил исследование деятельности княгини Ольги, дополнил ее образ новыми малоизвестными специалистами, а широкому кругу читателей вовсе неизвестными фактами. Однако завершить работу не успел. Зато сумел подготовить докторскую диссертацию по истории возникновения и становления русского православия. Он был полон заманчивых замыслов, планировал свою работу на много лет вперед.

Увлекла его и история проникновения христианства в земли Белой Руси. Дело в том, что всякая попытка исследовать эту тему наталкивается на кем-то давно поставленную преграду. Создается впечатление, что первые историки, светские и церковные, были чем-то опечалены и умышленно скрывали события XI в. В литературе господствует мнение о простой и безболезненной христианизации Белоруссии, или, что для тогдашнего времени вернее, Северо-Западной Руси.

Георгий Михайлович, анализируя процесс проникновения новой веры в Полоцкое княжество, в Туровскую и Берестейскую земли, на территорию нынешних Могилевской и Гомельской областей, которые входили в состав Киевского, Черниговского и Смоленского княжеств, а также в нынешнюю Гродненскую область, находившуюся под влиянием литовцев и ятвягов, пришел к заключению о необоснованности подобных выводов.

По его мнению, христианизация Белоруссии продолжалась до октября 1917 года. Новая религиозная система утверждалась в специфических условиях, имела множество направлений проникновения и разнообразные формы. Для подтверждения своей точки зрения Г. М. Филист располагал богатейшим материалом и собирался создать основательный труд по истории введения христианства в землях Белой Руси.

Ясно было, что этот период отечественной истории стал его главной темой. Он только приступил к ее разработке, только обретал творческую и научную зрелость. Работал много и споро, хотел сделать как можно больше. Но жизни ему было отпущено всего 48 лет...

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ТРУДЫ Г. М. ФИЛИСТА

Некоторые особенности атеистического воспитания городского населения. Мн., 1977.

Атеистические беседы с учащимися. Мн., 1985. (В соавторстве с И. И. Акинчицем).

Урбанизация и сектантство. Мн., 1986.

Введение христианства на Руси: предпосылки, обстоятельства, последствия. Мн., 1988.

Эволюция христианского сектантства в СССР// Вопросы научного атеизма. М., 1979. Вып. 24.

К вопросу о путях проникновения христианства на Русь // Вопросы научного атеизма. М., 1988. Вып. 37.

Динамика социально-демографического состава общин ЕХБ в Белоруссии // Информационный бюллетень АОН при ЦК КПСС. М., 1978. № 18.

XXVI съезд КПСС о проблемах управления научно-атеистическим воспитанием // Теоретические и методические проблемы преподавания общественных наук. Мн., 1982.

Социологические исследования миграции верующей молодежи // Социологические исследования в практике атеистического воспитания. Мн., 1984.

К вопросу об источниках проникновения христианства в Киевскую Русь // Проблемы марксистской оценки роли православия в истории России. М., 1988.

О крещении Белой Руси // Неман. 1988. № 9.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i>	Об источниках, достойных доверия, и очень полезная для тех, кто самостоятельно изучает историю 3
<i>Глава вторая,</i>	где автор ставит все новые проблемы и всячески уклоняется от их решения 19
<i>Глава третья,</i>	в которой последовательно излагаются события 1015 года и доказывается, что Святополк не принял христианство 42
<i>Глава четвертая.</i>	О событиях 1016—1017 годов, на первый взгляд незначительных, но на самом деле определяющих развязку 55
<i>Глава пятая.</i>	О событиях под Киевом, почти детективных, но самых значительных и интересных 71
<i>Глава шестая,</i>	заключительная, в виде акта о политической реабилитации Святополка 87
<i>Сказание о Борисе и Глебе</i>	95
<i>Борис и Глеб</i>	120
<i>Эймундова сага</i>	130
<i>Примечания</i>	149
<i>От редакции</i>	153

Научно-художественное издание

Филист Георгий Михайлович

**ИСТОРИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЙ»
СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО**

Заведующий редакцией А. В. Сапун

Редактор С. А. Корень

Художник Н. А. Сауляк

Художественный редактор В. А. Губарев

Технический редактор С. Л. Сармант

Корректоры Л. И. Коротких, Н. Н. Масаренко

ИБ № 4227

Сдано в набор 15.08.89. Подп. в печ. 14.12.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать с ФПФ. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,72. Уч.-изд. л. 8,68. Тираж 60 000 экз. Зак. 2827. Цена 80 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Беларусь» Государственного комитета БССР по печати. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005. Минск, Красная, 23.

Филист Г. М.

Ф 53 История «преступлений» Святополка Окаянного. — Мн.: Беларусь, 1990. — 156 с.: ил.

ISBN 5-338-00709-6.

Святополк, Ярослав, Борис, Глеб. Эти имена хорошо известны тем, кто интересуется историей Древней Руси. Все они — сыновья князя Владимира — Красного Солнышка. Однако судьба у них разная. Борис и Глеб погибли при загадочных обстоятельствах. Следуя церковной традиции, многие исследователи считают убийцей Святополка, получившего за это злодеяние прозвище «Окаянный».

Однако автор, кандидат философских наук, сопоставляя три литературных источника — ПВЛ, «Сказание о Борисе и Глебе» и «Эймундову сагу», приходит к выводу о виновности в убийстве Ярослава. Тем самым он как бы реабилитирует Святополка и представляет доказательства его невиновности.

Для широкого круга читателей.

0403000000—049

Ф ————— БЗ 37—90

М 301 (03)—90

ББК 86.37 + 63.3(2)41

НОВАЯ КНИГА

В 1991 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЛАРУСЬ»

ВЫПУСКАЕТ В СВЕТ:

А. А. Щелоков. Библия. Читаем вместе.—

15 л.— 1 р. 50 к.

В последние годы заметно возрос интерес читателей к такому широко известному памятнику литературы, как Библия. Но ознакомиться с ее содержанием могут далеко не все желающие, ибо эта книга пока не продается в наших книжных магазинах. Библейские сюжеты положены художниками и скульпторами в основу многих шедевров мирового искусства. Восхищаясь совершенством картины, мы порой недоумеваем, почему художник выбрал именно этот сюжет, чем он привлек его? Гордясь своей несомненно высокой культурой и осведомленностью, многие из нас тем не менее обнаруживают незнание содержания библейских сюжетов, хорошо известных во всем мире.

Дело, очевидно, в нашем образовании. Рассматривая книги «священного писания» как источник ненаучных сведений, мы словно забыли о том, что оно — свод культуры древности. И поставили на Библии запрет.

Частично восполнить этот пробел поможет предлагаемая книга. Приглашая читателя совершить путешествие по страницам Нового и Ветхого заветов, автор в форме доверительной беседы раскрывает содержание многих сюжетов Библии, использованных в произведениях литературы и искусства.

Для массового читателя.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Беларусь» по экономике, философии, атеизму, истории, юриспруденции, медицине, музыке, изобразительному искусству можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

СЫНОВЬЯ ВЛАДИМИРА, ЯРОПОЛКА, ОЛЕГА

